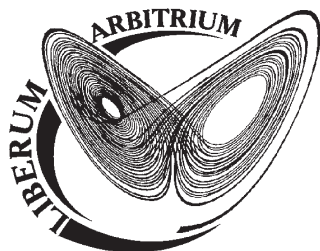

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 23. Номер 3 (82)
ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ **2025**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Nikita Neklyudov
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

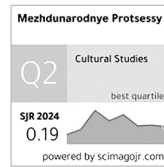
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

“*International Trends*” (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal’s priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© **Academic Educational Forum on International Relations**

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Ответственный секретарь – первый заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Шеф-редактор – заместитель главного редактора

Никита Неклюдов

Редакционно-корректорская группа

Кирилл Галкин, Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Федеральном агентстве
по печати и массовым коммуникациям (Роспечати)
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, 1-й проезд Перова поля, д. 10
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2025

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2025

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

MANAGING INTERNATIONAL ANARCHY

Volume 23. No 3 (82). July–September 2025

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Yury Borovsky	China's Energy Policy: Reactivity, Adaptivity, Proactivity	6
Alexander Pavlov	NATO Science & Technology: Mission with Reservations	22
Dylan Payne Royce	Freedom House* Ratings' Distortion by US Attitude	41
Anastasia Posazhennikova	Small States and International Security: Allied Commitments Above Idealist Rhetoric	64

FROM THEORY TO PRACTICE

Araks Pashayan Gor Gevorgyan Grigor Vardanyan	Azerbaijan–Syria Relations: Shaping the Fluctuations and Turning Points (1992–2025)	87
---	--	----

ANALYTICAL PRYSMS

Digest of foreign publications

Valeriy Mikhaylenko	Geopolitica on Borders and Frontiers	112
---------------------	--	-----

<i>Our authors</i>	124
------------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Юрий Боровский	Энергетическая политика Китая: реактивность, адаптивность, проактивность	6
Александр Павлов	Деятельность НАТО в сфере науки и технологий: миссия с оговорками	22
Dylan Payne Royce	Freedom House * Ratings' Distortion by US Attitude	41
Анастасия Посаженникова	Малые государства в системе международной безопасности	64

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Araks Pashayan Gor Gevorgyan Grigor Vardanyan	Azerbaijan–Syria Relations: Shaping the Fluctuations and Turning Points (1992–2025)	87
---	---	----

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ

Обзоры зарубежных публикаций

Валерий Михайленко	Итальянский журнал Geopolitica о границах и фронтах	112
--------------------	---	-----

Наши авторы .....

123

Our authors .....

124

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ

РЕАКТИВНОСТЬ, АДАПТИВНОСТЬ, ПРОАКТИВНОСТЬ

ЮРИЙ БОРОВСКИЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается энергетическая политика КНР в постбиполярный период через призму трёх смысловых категорий – реактивность, адаптивность и проактивность. В фокусе внимания автора лежат основополагающие энергетические вызовы Китая, связанные с его критической зависимостью от импорта углеводородов; его большой опорой на экологически вредный уголь, а также необходимостью фундаментальной перестройки китайской энергетики и экономики на углеродно-нейтральный лад в соответствии с общемировым трендом. Автор приходит к выводу, что в энергетической политике КНР нет простой реактивности. По всей триаде энергетических вызовов она в большей мере сводится к адаптивности, предполагающей исключительные по своему масштабу и разнообразию решения. В пользу адаптивности говорит и тот факт, что китайское руководство поставило цель совершить «энергетическую революцию» в стране – создать в ней одновременно чистую, низкоуглеродную, безопасную и эффективную энергосистему. Заметны также проявления проактивности в китайской энергетической политике. Во-первых, Пекин решил сделать ставку на международные механизмы торговли углеводородами и определения цен на них, в которых Китай занимает центральное место. Во-вторых, он не только сумел девальвировать лидерство Запада в области «зелёного» энергоперехода, но и сам стал задавать тон в этом общемировом процессе, получив реальные рычаги давления на другие страны, в том числе западные. В самой «энергетической революции», которую намерен совершить Пекин, можно усмотреть проактивность, поскольку нельзя исключать, что в будущем китайский пример будет мультиплицирован в глобальном масштабе. В целом энергетическая политика КНР является сочетанием адаптивности и проактивности. С учётом динамики последних десятилетий проактивность, вероятно, будет усиливаться в китайской энергетической политике.

Ключевые слова:

Китай, КНР, энергетическая политика, энергетический переход, углеродная нейтральность, нефть, газ, уголь, возобновляемая энергетика.

Введение

В условиях однополярного миропорядка, возникшего после распада Советского Союза и Восточного блока, а также в про-

цессе нарождающегося многополярного мира, отчётливо наблюдаемого с конца 2000-х годов [Brooks 2012; Истомин 2018], Китай целенаправленно трансформирует

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-10015, <https://rscf.ru/project/24-48-10015/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025

Дата принятия к публикации: 19.01.2026

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: yuribor@mail.ru

свою энергетическую политику в соответствии с теми вызовами, с которыми Пекин сталкивается как внутри страны, так и на международной арене. Природа таких вызовов связана не только со сферой энергоснабжения и экономического развития, но и с межгосударственным политическим соперничеством в постбиполярный период. Перед исследователем, наблюдающим за меняющейся энергетической политикой КНР, невольно встаёт вопрос, какие цели китайское руководство преследует с точки зрения стратегического целеполагания.

Цель настоящего исследования – оценить трансформацию энергетической политики КНР после распада биполярного миропорядка через призму трёх смысловых категорий – реактивности, адаптивности и проактивности. *Реактивность* означает рутинное, прямолинейное реагирование страны, то есть её намерение найти ответ на возникший вызов, используя ограниченный и в то же время односложный инструментарий. Например, при реактивном подходе страна может ставить задачу заменить уголь на природный газ или другие источники энергии и по большому счёту этим ограничиться. *Адаптивность* предполагает стремление страны решить возникший вызов за счёт исключительного по своему масштабу и разнообразию инструментария. Применительно к задаче, связанной с заменой угля в энергобалансе, речь может идти о целом комплексе мер, глубоко затрагивающем весь топливно-энергетический комплекс страны. *Проактивность* проявляется в намерении страны не просто отвечать на возникающие вызовы, но и самой быть драйвером в построении мировой энергетической повестки. Если страна стремится изменить правила игры или влиять на сложившуюся институциональную среду в сфере энергетики, допустимо говорить о проактивности её энергетической политики. Рассматриваемые категории, или образы действия, могут сочетаться в национальной энергетической политике. Например, в ней вполне может присутствовать адаптивность и проактивность одновременно.

Энергетической политике КНР постбиполярного периода международных отношений посвящён определённый пласт научных публикаций на стыке нескольких дисциплин, в том числе мировой экономики [Матвеев 2022; Malz, Pao-Yu 2024; Боровский 2024; Бобылев, Барабошкина, Джу 2020; Мастепанов, Томберг 2018; Локтионов, Ся 2025; Yergin 2020]. Тем не менее во всём массиве имеющихся работ нет публикаций, в которых энергетическая политика КНР комплексно исследуется с точки зрения стратегического целеполагания, позволяющего увидеть в доступном фактологическом материале дополнительные смыслы. Настоящее исследование призвано закрыть эту лауну и по возможности открыть соответствующую дискуссию в научной среде.

В методологическом плане подготовленное исследование строится с опорой на исторический, системный и (историко-) сравнительный анализ. Исторический анализ применяется для рассмотрения энергетической политики КНР в исторической динамике с выявлением определённых этапов. Системный анализ позволяет изучать энергетическую политику КНР в системном ключе, то есть рассматривать различные факторы и элементы, имеющие к ней отношение, во взаимосвязи; (историко-)сравнительный – сравнивать энергетическую политику КНР на разных этапах, а также достижения Китая и других стран в энергетической сфере. При написании статьи применялся и метод дискурсивного анализа в широком смысле. С его помощью автор исследовал доступные письменные и вербальные источники, имеющие отношение к развитию энергетической политики КНР (пятилетние планы, стратегии энергетической безопасности, коммюнике Центрального комитета КПК, заявления первых лиц, др.), во взаимосвязи с существующим социальным контекстом. Теоретической рамкой исследования допустимо считать международную политэкономическую, изучающую политические предпосылки/факторы экономических (в том числе энергетических) процессов на меж-

дународной арене, с другой – экономические (в том числе энергетические) предпосылки / факторы международных политических процессов [Олейнов 2017].

Структурно настоящая статья построена вокруг трёх основополагающих энергетических вызовов КНР и ответов на них. Первый из них связан с возникшей в 1990-х годах критической зависимостью страны от импорта углеводородов. Второй касается многолетней (с начала индустриализации в 1950-х годах) опоры КНР на уголь – доступный, но в то же время экологически вредный энергетический ресурс. Третий состоит в необходимости фундаментальной перестройки китайской энергетики на углеродно-нейтральный лад в контексте международных усилий по противодействию изменению климата. Отвечая на эти три связанных между собой вызова, Пекин рассчитывает совершить «энергетическую революцию», что в его понимании означает создание одновременно чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной национальной энергосистемы.

Первый вызов и ответ

В годы «холодной войны» Китайская Народная Республика не только была энергетически самодостаточной, но и располагала возможностью экспортировать нефть в значительных объёмах. В 1986 г. КНР поставила на внешние рынки рекордный объём нефти – около 40 млн тонн¹. Тем не менее в постбиополярную эру – на фоне бурного роста китайской экономики, а также в силу ограниченной ресурсной базы страны – Пекин был вынужден отказаться от опоры на собственные силы в сфере энергоснабжения. В 1995 г. Китай стал нетто-импортером нефти: добыча жидких углеводородов составила примерно на 5 млн тонн меньше её потребления в стране². В последующие

Таблица 1
Нетто-импорт нефти КНР, 1995–2024

Год	Млн тонн
1995	5
2000	59
2010	238
2020	481
2024	543

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

Таблица 2
Нетто-импорт газа КНР, 2007–2024³

Год	Млрд кубометров
2007	1
2015	59
2020	143
2024	186

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

годы данный разрыв стал стремительно расти (табл. 1), превратившись в один из главных вызовов как энергетической, так и национальной безопасности КНР [Матвеев 2022]. Причём этот вызов выразился не столько в самой нехватке собственной нефти, сколько в опасениях со стороны Пекина не получить жидкие углеводороды из других стран или получить их по чрезмерно высоким ценам в силу политических, экономических и иных причин.

В 2007 г. Китай пополнил также ряды нетто-импортеров газа. Зависимость страны от импортного «голубого топлива» стала также стремительно увеличиваться (табл. 2). На газ, поставляемый в страну

¹ Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

² Ibid. Согласно другим данным, КНР стала нетто-импортером нефти в 1994 году. См.: Andrews-Speed P. Crude oil production in China: Explaining the surge // The Oxford Institute For Energy Study. August 2025. <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2025/08/OIES-Presentation-Crude-oil-production-in-China.pdf> (accessed: 15.11.2025).

³ Ibid.

Таблица 3
Значимость и критичность нефти и газа в энергопотреблении Китая

Характеристика	1995–2024	1995	2005	2024
Рост энергопотребления	в 4,4 раза			
Рост потребления нефти	в 5 раз (с 154 до 755 млн тонн)			
Рост потребления газа	в 24 раза (с 18 до 434 млрд куб. м)			
Доля нефти в энергобалансе		17%	21%	20%
Доля импорта в совокупном потреблении нефти		3%	44%	72%
Доля газа в энергобалансе		2%	3%	10%
Доля импорта в совокупном потреблении газа		0%	0% (2% в 2007 г.)	43%

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

как по трубе, так и в сжиженном виде, в Пекине стали смотреть через призму тех же рисков, что были обозначены выше применительно к импортной нефти.

Критичность зависимости КНР от углеводородов наглядно демонстрирует и другая статистика (табл. 3).

С целью минимизации рисков, связанных с критической зависимостью от углеводородов импортного происхождения, Пекин предпринял ряд шагов.

Во-первых, он возвёл в ранг приоритетных задачу по сбережению энергии и энергоресурсов. В 1996 г. эта задача отчётливо прозвучала в 9-м пятилетнем плане КНР (1996–2000)⁴. Начиная со второй половины 1990-х годов в Китае были поэтапно приняты строгие нормативы, касающиеся

энергоэффективности топливно-энергетического и промышленных секторов страны [Malz, Pao-Yu 2024]. В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин представил стратегию энергетической безопасности, в которой «устранение ненужного энергопотребления» было обозначено в качестве одной из основных реформ китайского государства в сфере энергоснабжения⁵. В 13-м пятилетнем плане КНР (2016–2020) была поставлена цель сократить энергоёмкость страны на 15%⁶, в 14-м (2021–2025) – на 13,5%⁷.

Согласно статистике, энергоснабжение на единицу ВВП (ППС) в годовом исчислении сократилось в Китае на 43% в 2000–2023 годах⁸. В 2021–2024 годах оно снизилось на 11,6%, что эквивалентно сокращению выбросов углекислого газа (УГ)

⁴ Report on the Outline of the Ninth Five-Year Plan (1996–2000) for National Economic and Social Development and Long-range Objectives to the year 2010. Delivered at the Fourt Session of the Eight National People's Congress on March 5, 1996. URL: <http://www.china.org.cn/95e/95-english1/2.htm> (accessed 15.11.2025).

⁵ Energy in China's New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 21.12.2020. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202012/21/content_WS5fe0572bc6d0f725769423cb.html (accessed: 15.11.2025).

⁶ The 13th Five Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020). August 2016. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (accessed: 15.11.2025).

⁷ Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 15.11.2025).

⁸ China // International Energy Agency. <https://www.iea.org/countries/china/efficiency-demand> (accessed: 15.11.2025).

на 1,1 млрд тонн или почти на 50% от общего объёма выбросов УГ в Европейском союзе в 2024 году⁹.

Во-вторых, Пекин сделал ставку на диверсификацию энергоносителей, которая в стратегии энергетической безопасности КНР 2014 года указана в качестве ещё одной основной реформы страны в области энергоснабжения. С одной стороны, китайское руководство поставило перед собой цель максимально заместить дефицитные нефть и газ, а также экологически вредный уголь (об угле см. ниже) – за счёт атомных и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [Матвеев 2022]. В 2024 г. выработка атомной энергии достигла в Китае 451 ТВт/ч (2 ТВт/ч в 1993 году), выработка возобновляемой энергии (включая гидроэнергию) – 3399 ТВт/ч (152 ТВт/ч в 1993 году)¹⁰. В попытке снизить потребление нефтепродуктов применительно к транспорту Китай вырвался на первое место в мире по количеству электромобилей. В 2024 г. их насчитывалось 11,3 млн единиц (16% от общемировой доли), в то время как в США, идущих на втором месте, их было только 1,5 млн, а во всех государствах ЕС – 2,2 млн¹¹.

С другой стороны, Пекин стал прилагать усилия, направленные на максимальную диверсификацию нефтегазового импорта как в отношении стран и регионов, так и маршрутов доставки. Ещё в 1990-х годах китайские нефтегазовые компании *CNPC*, *Sinopet* и *CNOOC*, именуемые «большой тройкой», вышли на мировой рынок и стали со временем непосредственными участниками десятков нефтегазодобывающих проектов в странах постсоветского пространства, Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Африки,

Северной и Латинской Америки [Jiang, Sinton 2011]¹². Параллельно Пекином были установлены особые отношения по формуле «энергетика плюс» с целым пулом государств – нефтегазовых экспортёров, включая Россию, Казахстан, Туркменистан, Саудовскую Аравию, Иран, ОАЭ, Оман, Венесуэлу и Анголу. КНР позаимствовала такой формат отношений у США, встраивая энергетику в более широкий контекст экономического и политического сотрудничества со странами-поставщиками углеводородов [Боровский 2025].

Осознавая все риски в части морской перевозки углеводородов, Китай связал себя нефтепроводами и газопроводами с географически близкими Россией и странами Центральной Азии. Речь идёт о нефтепроводах Сковородино – Мохэ, Атасу – Алашанькоу; газопроводах «Сила Сибири-1», «Туркменистан – Китай», строящемся «Дальневосточном маршруте» и запланированной «Силе Сибири-2»¹³. Более того, в XXI веке китайская сторона стала уделять повышенное внимание выходу в открытый океан, реализуя стратегическую цель – стать великой морской державой [Навдаева 2024], способной в том числе защитить морскую транспортировку китайских энергетических и иных грузов. Немаловажно, что с 2013 г. Пекин стал смотреть на страны, поставляющие углеводороды китайским потребителям, а также на существующие и будущие маршруты транспортировки нефти и газа на рынок КНР через призму инициативы «Один пояс – один путь», предусматривающей реализацию двух крупных проектов – сухопутный «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской путь XXI века» [Luthra, Gupta 2023].

⁹ China's energy consumption per unit of GDP decreases 11.6 pct in 4 years // The State Council of People's Republic of China. 09.07.2025. URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202507/09/content_WS686e05cbc6d0868f4e8f3fde.html (accessed: 15.11.2025).

¹⁰ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

¹¹ Electric Car Use by Country 2025. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/electric-car-use-by-country> (accessed: 15.11.2025).

¹² Jianjun Tu K. Chinese oil: an evolving strategy // Dialogue Earth. 24.04.2012. URL: <https://dialogue.earth/en/energy/4891-chinese-oil-an-evolving-strategy/> (accessed: 16.11.2025).

¹³ Что известно о маршрутах поставок газа из России в Китай // ТАСС. 02.09.2025. URL: <https://tass.ru/info/24932661> (дата обращения: 16.11.2025).

В-третьих, Пекин, изучивший позитивный опыт стран-членов Международного энергетического агентства (МЭА), с 2007 г. стал создавать стратегические нефтяные резервы, необходимые на случай перебоев внешних поставок. К 2025 г. такие резервы достигли 313 млн баррелей и в перспективе продолжают расти вплоть до достижения показателя в 90 суток чистого импорта (на момент 2026 года – 26 суток)¹⁴. В их создании задействованы упомянутые три крупнейшие национальные нефтегазовые компании страны [Malz, Rao-Yu 2024].

В-четвёртых, правительство КНР, учитывая ограниченность конвенциональных запасов нефти и газа в стране, изначально предпочитало не форсировать их разработку. Оно требовало от китайских нефтегазодобывающих компаний поддерживать производство углеводородов на относительно высоком уровне, позволяющем отсрочить полную исчерпаемость национальной ресурсной базы. Тем не менее с 2014 г. Пекин перешёл к политике стимулирования внутренней добычи нефти и газа, уделяя особое внимание сланцевым и иным малопроницаемым пластам. В 2019 г. китайские власти на специальной организованной встрече призвали «большую тройку» наращивать производство углеводородов в стране, а в 2020 г. предоставили им существенные налоговые льготы [Andrews-Speed 2025]. Тем самым руководство КНР, фактически используя успешный опыт Вашингтона [Иванов, Пусенкова, Соколов 2024], решило создать оптимальные условия для национальной нефтегазовой индустрии, рассчитывая на рост её производственных показателей в недалекой перспективе. Пока рано говорить об эффективности нового

подхода Пекина. Между тем в 2024 г. Китай добыл нефти на 11% больше, чем в 2019 году, газа – на 41% больше¹⁵. С середины 2010-х гг. *CNOOC* стала наращивать добычу нефти и газа в акватории Южно-Китайского моря¹⁶, не-смотря на наличие у КНР территориальных споров с соседними странами [Васильев, Шавлай 2020].

Релевантность энергетической отрасли подтверждает также 14-й пятилетний план КНР (2021–2025)¹⁷, в котором снабжение Китая ископаемыми энергоресурсами выделено в отдельное стратегическое направление. В документе говорится о необходимости укрепления ресурсной базы страны с учётом имеющихся запасов и технологий; диверсификации и расширении источников нефтегазового импорта; поддержке безопасности стратегических каналов и узлов транспортировки углеводородов в направлении Китая; совершенствовании системы стратегических нефтегазовых резервов страны, а также развитии тех международных механизмов ценообразования и торговли углеводородами, в которых КНР отводится центральное место, в том числе за счёт перехода на расчёты в национальной валюте. Последний пункт можно считать валютным и трактовать в качестве намерения Пекина лишить США и остальные западные страны их доминирования в сфере энергетического ценообразования.

Изложенное выше не позволяет сказать, что Китай, столкнувшись с проблемой нехватки углеводородов, стал реагировать на неё рутинно и прямолинейно. Тот многогранный и масштабный ответ, который сформировал с 1990-х годов Пекин, больше соответствует адаптивности. Вместе

¹⁴ China's Strategic Storage Build-Out to Bolster Oil Demand // Energy Intelligence. 16.09.2025. URL: <https://www.energyintel.com/00000199-520f-d6ff-a5db-d72f1da50000> (accessed: 16.11.2025).

¹⁵ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 16.11.2025).

¹⁶ Kennedy C. CNOOC Expands Presence in South China Sea with New Projects // Oilprice.com. 02.10.2025. URL: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/CNOOC-Expands-Presence-in-South-China-Sea-with-New-Projects.html> (accessed: 16.11.2025).

¹⁷ Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 16.11.2025).

с тем сама постановка вопроса со стороны китайского руководства о создании международных механизмов ценообразования и торговли углеводородами, работающих в интересах Китая, а не Запада, указывает на определённые элементы проактивности энергетической политики КНР.

Второй вызов и ответ

Высокая доля угля в национальном энергобалансе – с долей выше 50% – является ещё одним фундаментальным вызовом Китая в сфере энергоснабжения (табл. 4). Преобладание этого энергоносителя в КНР возникло в 1950-х годах. Встав на путь индустриализации, китайская экономика нуждалась в доступной и недорогой энергии, источником которой стал уголь [Sharma et al. 2023], позволивший устранить проблему с перебоями в энергоснабжении [Malz, Pao-Yu 2024]. Как и в середине XX века, Китай в состоянии самостоятельно обеспечивать себя углём, но низкие экологические характеристики последнего требуют от Пекина поступательного отказа от твёрдого топлива без ущерба энергетической безопасности и экономическому росту страны.

Статистика показывает, что с 1991 по 2024 г. Китаю удалось снизить долю угля в своём энергобалансе с 79% до 58%. Вместе с тем в те же годы потребление энергии выросло в стране в 5,5 раз, потребление угля – в 4 раза. Пока с каждым годом КНР только увеличивает потребление угля и пика по этому показателю ещё не достигла. Немаловажно, что за счёт угля Китай производит 58% электричества (2024 год), что пока не позволяет говорить о преимущественно «зелёной» электрогенерации в стране¹⁸. Радовать руководство Китая может только отсутствие зависимости от импортного угля (табл. 4). Ещё один повод для оптимизма – рост инвестиционных

Таблица 4
Место угля в энергоснабжении КНР

Год	Доля угля в энергобалансе, %	Доля импорта в совокупном потреблении угля, %
1991	79	2
2000	72	0
2010	73	5
2020	61	4
2024	58	0

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 16.11.2025).

Таблица 5
Доля угля и ВИЭ в электроэнергобалансе КНР в 1991–2024 годах, в %

Год	Уголь	ВИЭ (без гидро)	ВИЭ (с гидро)
1991	74	>1	18
2024	58	20	34

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 16.11.2025).

вложений КНР в возобновляемую электрогенерацию (без учёта ГЭС), который в 2020-х годах превысил аналогичный показатель в угольной отрасли. С каждым годом доля ВИЭ в электроэнергетическом балансе Китая прирастает, тогда как доля угля падает (табл. 5).

По состоянию на 2025 г. нет явных признаков того, что Китай встал на путь планомерного отказа от угля. В стране продолжают строиться и вводиться в эксплуатацию новые угольные ТЭС¹⁹. Перед китайским руководством стоит непростая дилемма – обеспечивать энергетическую безопасность и экономический рост страны или решать экологические и климатические

¹⁸ Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 16.11.2025).

¹⁹ Qi Q., Shearer C. Coal is losing ground but not letting go: Structural inertia and the struggle to shift coal's role in China's power system // CREA. 25.08.2025. URL: <https://energyandcleanair.org/publication/chinas-coal-is-losing-ground-but-not-letting-go/> (accessed: 16.11.25).

задачи. К тому же в угольной индустрии КНР задействованы большая рабочая сила и инвестиции. В качестве «переходного» источника энергии²⁰ китайское руководство видит природный газ, предпочтительно добываемый в стране. Пока же Китай по большому счёту как был, так и остаётся угольной державой. В 2005 г. КНР стала крупнейшим источником парниковых газов (ПГ) в мире, обогнав по этому показателю США: 6,8 против 6,2 млрд тонн CO₂-эквивалента соответственно. В 2024 г. на КНР приходилось уже 12,5 млрд тонн CO₂-экв. (31% от мировой доли), в то время как на США – только 5,1 млрд тонн CO₂-экв, а ЕС – 2,6 млрд тонн CO₂-экв²¹. Главная причина такого высокого показателя в КНР заключается в добыче и обработке угля, сжигание которого генерирует 70% выбросов CO₂ в стране [Malz, Pao-Yu 2024].

На страницах 14-го пятилетнего плана КНР (2021–2025) отмечается, что уголь продолжает оставаться основой энергетической безопасности и экономического роста страны, поэтому Пекин будет придерживаться разумного подхода в процессе отказа от него и перехода на другие источники энергии²². Поставив цель достичь пика выбросов ПГ до 2030 г.²³ и улучшить экологическую ситуацию в стране²⁴, Китай уже в годы реализации своего 15-го пятилетнего плана (2026–2030) начнёт постепенно снижать потребление угля²⁵. Реализация этого курса будет происходить как в контексте расширения использования

атомных и возобновляемых источников энергии, так и структурной трансформации китайской экономики, в рамках которой энергоёмкое экспортно-ориентированное промышленное производство, ранее превратившее Китай в «мировую фабрику» [Naughton, 2018], будет сокращаться, а сфера услуг – увеличиваться.

Вместе с тем вопрос о полном отказе от угля к определённому сроку пока является предметом дебатов в Китае. Конечно, крупнейшие угольные компании страны не заинтересованы в форсировании этого процесса, и центральному руководству КНР, держа одновременно в голове «зеленую повестку», поступательное развитие экономики и национальную безопасность, предстоит рано или поздно решить, стоит ли полностью отказываться от угля, и если да, то в какие сроки. В решении этого сложного вопроса КНР не одинока. Другие страны, также являющиеся крупными потребителями угля, включая Индию, пока не утвердили чётких планов по постепенному отказу от угля [Malz, Pao-Yu 2024].

Третий вызов и ответ

Третий фундаментальный вызов КНР в сфере энергоснабжения касается её перехода на углеродно-нейтральный путь развития в рамках общемирового тренда. Глобальному потеплению способствуют антропогенные выбросы ПГ, свыше 70% которых создаёт мировой энергетический сектор²⁶. В последнем доля углеродного

²⁰ Т.е. от угля к углеродно-нейтральным источникам энергии.

²¹ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 16.11.2025).

²² Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 16.11.2025).

²³ О данной цели см. подробнее ниже.

²⁴ The State Council Issues Action Plan on Prevention and Control of Air Pollution Introducing Ten Measures to Improve Air Quality // Ministry of Ecology and Environment. 12.09.2013. URL: https://english.mee.gov.cn/News_service/infocus/201309/t20130924_260707.shtml (accessed: 16.11.2025).

²⁵十四五现代能源体系规划 [14th Five-Year Plan for a Modern Energy System]. March 2022. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xgk/zcfb/ghwb/202203/P020220322582066837126.pdf> (accessed: 16.11.2025).

²⁶ Global Emissions // Center for Climate and Energy Solutions (C2ES). URL: <https://www.c2es.org/content/international-emissions/> (accessed: 17.11.2025).

ископаемого топлива — нефти, газа и угля — составляет на момент 2024 г. 87%²⁷. Движение международного сообщества к углеродной нейтральности, необходимой для предотвращения глобального потепления, невозможно без радикального снижения потребления упомянутых энергоносителей и одновременного перехода на возобновляемые и иные низкоуглеродные источники энергии.

Китай, опирающийся в своём энергоснабжении преимущественно на уголь, нефть и газ (свыше 90% в 1990–2010-е годы и 88% в 2024 году)²⁸, поначалу категорически отказывался связывать себя международными обязательствами по сокращению ПГ, видя в этом угрозу своему стремительному экономическому развитию. Тем не менее в 2011 г. он кардинально изменил свою политику. В 12-м пятилетнем плане КНР (2011–2015) было объявлено о необходимости преобразования модели экономического развития страны на низкоуглеродный лад и начале её «активной борьбы с изменением климата»²⁹. В 13-м пятилетнем плане (2016–2020) Китай заявил, что предпримет решительные шаги по контролю за выбросами ПГ и выполнит свои обязательства в области противодействия изменению климата³⁰. В 2016 г. Пекин подписал и ратифицировал Парижское соглашение по климату, впервые де-юре взяв на себя международные обязательства по сокращению ПГ.

В сентябре 2020 года, на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, председатель КНР Си Цзиньпин объявил о «двойных углеродных» целях (“dual carbon” goals) страны. Первая цель — достижение пика выбросов ПГ до 2030 года, вторая — достижение углеродной нейтральности до 2060 года³¹. Впоследствии они были зафиксированы в 14-м пятилетнем плане КНР (2021–2025) и увязаны с Парижским соглашением по климату. В 14-м плане также фигурировали чёткие амбициозные цели Китая на пятилетку: 50-процентный рост производства возобновляемой энергии; удвоение установленной мощности солнечной и ветряной генерации; доведение общего объёма потребления ВИЭ в год до 1 млрд тонн в угольном эквиваленте; сокращение объёма выбросов ПГ на единицу производимой энергии (carbon intensity) на 18%³².

В русле своей новой политики Китай не только согласился стать углеродно-нейтральным, но и фактически бросил вызов лидерству Евросоюза и США в деле продвижения низкоуглеродной энергетики. В частности, если в 2011 г. КНР произвела 104 ТВт/ч электричества за счёт ВИЭ без учёта гидроэнергетики³³, то ЕС и США — 337 и 202 ТВт/ч соответственно. Между тем в 2024 г. Китай сгенерировал за счёт тех же источников больше электричества, чем Европейский союз и Соединённые Штаты вместе взятые: 2045 ТВт/ч

²⁷ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 17.11.2025).

²⁸ BP Statistical Review of World Energy June 2006. URL: <https://www.rrojasdatabank.info/bpstats2006.pdf> (accessed: 17.11.2025).

²⁹ The 12th Five-Year Plan (2011–2015) for National Economic and Social Development of the People's Republic of China (2011–2015). March 2011. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/37> (accessed: 17.11.2025).

³⁰ The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020). March 2016. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (accessed: 17.11.2025).

³¹ Energy in China's New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China. December 2020. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202012/21/content_WS5fe0572bc6d0f725769423cb.html (accessed: 17.11.2025).

³² Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 17.11.2025).

³³ Главным образом ветряные и солнечные источники энергии, а также геотермальная энергетика и биомасса.

против 947 и 830 ТВт/ч соответственно. Производство гидроэнергии, имеющей общепризнанный статус возобновляемой и углеродно-нейтральной, удвоилось в Китае в 2011–2024 годах (с 688 до 1354 ТВт/ч), тогда как в ЕС оно выросло только на 20% (с 307 до 369 ТВт/ч), а в США вовсе сократилось на 32% (с 316 до 239 ТВт/ч)³⁴. По производству перспективного «зелёного» водорода Китай выбился в мировые лидеры, добившись в 2024 г. показателя 125 тыс. тонн, что больше, чем у всего остального мира (120 тыс. тонн)³⁵.

За короткий период КНР стала неоспоримым мировым лидером в области возобновляемой энергетики. Это лидерство было обеспечено благодаря господдержке, а также сложившемуся доминированию страны в сфере добычи и переработки редкоземельных элементов. Последние широко используются при производстве ветряных турбин, например постоянных магнитов и солнечных панелей [Malz, Pao-Yu 2024]. В 2024 г. на Китай приходилось свыше 71% мирового производства редкоземельных элементов, на США – чуть менее 12%, а в государствах-членах ЕС такое производство вообще отсутствует³⁶. Вместе с тем по состоянию на 2024 г. Китай был крупнейшим мировым экспортёром ветряных турбин³⁷ и солнечных панелей³⁸, в том числе в страны Запада³⁹.

Обладая подобным преимуществом, Пекин способен существенно влиять на глобальное развитие возобновляемой энер-

гетики [Wang et al 2020], а также фактически получил в своё распоряжение рычаг по оказанию давления на другие страны, опирающиеся на ВИЭ, в том числе западные. Инициированный государствами Запада переход на ВИЭ вошёл в противоречие с их же императивом безопасности, и виной тому стал статус Китая как доминирующего мирового поставщика редкоземельных металлов, ветряных турбин и солнечных панелей.

К низкоуглеродным источникам энергии относится и атомная энергетика. В 2011–2024 годах КНР увеличила выработку электричества в пять раз за счёт АЭС (с 87 до 451 ТВт/ч), в то время как США сократили на 1% (с 832 до 823 ТВт/ч), а ЕС – на 29% (с 838 до 650 ТВт/ч)⁴⁰. Китайское правительство достигло цели по увеличению мощности АЭС до 53 ГВт в 2020 году. К 2030 г. этот же показатель должен вырасти до 110 ГВт, что сделает КНР неоспоримым мировым лидером по выработке атомной энергии. Китай, форсированно развивая свою атомную энергетику, использует не только собственные технологии, но и перенимает зарубежные в рамках инвестиционных проектов с участием корпораций из России, Франции, США и Канады [Malz, Pao-Yu 2024].

В 2021 г. КНР запустила национальную систему торговли квотами на выбросы ПГ. В 2025 г. она охватила парниковые выбросы в объёме 8 млрд тонн CO₂-экв., или 51% всех выбросов ПГ, генерируемых в стране

³⁴ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 17.11.2025).

³⁵ China Energy Transition Review 2025 // Ember. 09.09.2025. URL: <https://ember-energy.org/app/uploads/2025/09/China-Energy-Transition-Review-2025.pdf> (accessed: 17.11.2025).

³⁶ BP Statistical Review of World Energy June 2006. URL: <https://www.rojadasdatabank.info/bpstats2006.pdf> (accessed: 17.11.2025).

³⁷ Chinese Manufacturers Lead Global Wind Turbine Installations, BloombergNEF Report Shows // BloombergNEF. 17.03.2024. URL: <https://about.bnef.com/insights/clean-energy/chinese-manufacturers-lead-global-wind-turbine-installations-bloombergnef-report-shows/> (accessed: 17.11.2025).

³⁸ Where are solar panels made? // Sunsave. 10.11.2025. URL: <https://www.sunsave.energy/solar-panels-advice/solar-energy/where-are-solar-panels-made> (accessed: 17.11.2025).

³⁹ EU imports €14.6 billion in green energy products // Eurostat. 09.10.2025. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20251009-2#:~:text=China%20and%20India:%20main%20import,from%2058%25%20to%2048%25> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁰ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 17.10.2025).

за год. Если изначально китайская система учитывала парниковые выбросы только энергетического сектора, то с 2025 года — ещё сталелитейного, цементного и алюминиевого⁴¹. Для сравнения: Европейский союз запустил свою систему торговли квотами на выбросы ПГ (*EU ETS*) в 2005 году, но за всё время она охватила годовые выбросы в объёме 1,1 млрд тонн CO₂-экв., или 40% всех выбросов ПГ, приходящихся на страны интеграционного объединения. В США вообще не создана национальная система торговли квотами на выбросы ПГ; такие системы запущены только в нескольких штатах: в Вашингтоне, Калифорнии, Колорадо, Массачусетсе и Орегоне⁴².

В сентябре 2025 г. председатель КНР Си Цзиньпин в видеообращении к климатической саммите Генассамблеи ООН сообщил, что к 2035 г. Китай сократит эмиссию ПГ на 7–10% от пиковых показателей, достигнутых до 2030 года, а также доведёт долю неископаемых источников в энергобалансе до более чем 30% (12% в 2024 году)⁴³. Китайский лидер пообещал, что к 2035 г. установленные мощности ветряной и солнечной энергетики достигнут 3,6 ТВт, то есть вырастут более чем в 6 раз по сравнению с 2020 годом⁴⁴. В 2024 г. совокупная установленная мощность китайской электроэнергетики составляла 3,4 ТВт, из них 1,4 ТВт приходилось на ветряную и солнечную энергетику⁴⁵.

Поскольку Китай сумел за относительно короткий срок войти в авангард стран, продвигающих углеродно-нейтральный путь развития, он смог во многом купировать риски, связанные с введением «зелёных пошлин» западными странами. В част-

ности, с 2026 г. в Евросоюзе полноценно заработает Механизм трансграничного углеродного регулирования (*МТУР, Carbon Border Adjustment Mechanism*)⁴⁶, но он лишь незначительно затронет интересы китайских экспортёров [Zhe-Yi et al. 2025].

Таким образом, Китай, поначалу находившийся в арьергарде, в итоге продемонстрировал наилучшую модель адаптивности к вызову, связанному с переходом человечества на углеродно-нейтральный путь развития. Все доступные инструменты и практики были им задействованы и выведены на беспрецедентный по масштабу уровень. КНР, перехватив и возглавив «зелёную» энергетическую повестку, предложенную Западом, продемонстрировал немалую проактивность своей энергетической политики.

«Энергетическая революция» и незападные энергетические институты

Отвечая на три основополагающие вызова, Китай намерен совершить «энергетическую революцию». Это понятие впервые появилось на страницах 13-го пятилетнего плана КНР (2016–2020) и впоследствии укоренилось в китайском дискурсе. В 14-м пятилетнем плане КНР (2021–2025) оно также фигурировало и означало создание в стране чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной энергосистемы, способной обеспечить оптимальный баланс между экономическим ростом, энергетической безопасностью и экологической устойчивостью на долгосрочную перспективу.

Действуя в парадигме «энергетической революции», Пекин намерен придержи-

⁴¹ State and Trends of Carbon Pricing 2025. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/state-and-trends-of-carbon-pricing> (accessed: 17.11.2025).

⁴² Ibid.

⁴³ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁴ China's Xi announces new climate targets // Reuters. 24.09.2025. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/cop/chinas-xi-announces-new-climate-targets-2025-09-24/> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁵ China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. May 2025. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/China-2025.pdf (accessed: 17.11.2025).

⁴⁶ Carbon Border Adjustment Mechanism // European Commission. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en (accessed: 17.11.2025).

ваться следующей логики. *Во-первых*, он будет ускорять развитие неископаемой энергетики: ветряной, солнечной, геотермальной, гидро-, а также атомной энергетики. В стране появятся разноисточниковые взаимодополняющие базы чистой энергетики (*multi-energy complementarity clean energy bases*), которые смогут объединить и оптимизировать в своих рамках все неископаемые источники энергии.

Во-вторых, Пекин планирует существенно повысить инновационный уровень национальной энергетики посредством интеллектуальной трансформации электросетей; увеличения каналов передачи сверхвысокого напряжения (*ultra-high-voltage, UHV*); внедрения новейших технологий накопления энергии; развития водородной энергетики; масштабной электрификации транспорта и перспективных исследований в сфере квантовой энергетики, фотоники, микро- и наноэлектроники, биотехнологии, искусственного интеллекта и синхротронного излучения⁴⁷.

В-третьих, китайское руководство, принимая во внимание императивы энергетической безопасности и экономического роста, будет придерживаться разумного подхода в использовании угля, содействуя его планомерной замене в электроэнергетике, а также создаст оптимальные условия для ускоренного освоения нефтегазовых месторождений в стране, прежде всего на морском шельфе и в малопроницаемых пластах. В октябре 2025 г. на пленуме ЦК Коммунистической партии Китая были обозначены главные векторы 15-го пятилетнего плана КНР (2026–2030). Вполне ожидаемо было заявлено, что страна уско-

рит создание новой, то есть чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной энергосистемы⁴⁸.

Китай поддержал интенсификацию многостороннего энергетического сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС: ежегодные встречи министров энергетики, общая энергетическая повестка, совместное реагирование на энергетические вызовы, расчёты за энергоносители в национальных валютах [Халова, Иллерицкий 2023; Мастепанов 2024]. Можно допустить, что Пекин увидел в этом возможность не только сбалансировать западноцентричную модель международного институционального взаимодействия в контексте формирования полицентричного мира, но и способствовать глобальному распространению незападных принципов энергетического сотрудничества, в том числе в интересах КНР. Например, в июне 2025 г. на очередной встрече министров энергетики стран-членов ШОС было предложено определить и зафиксировать в документах организации понятие «справедливой энергетики». Таким образом страны-участницы выступили за правила международного энергетического сотрудничества, основные на уважении энергетического суверенитета, обеспечении равного доступа к энергоресурсам, справедливом ценообразовании, технологическом равенстве и недопущении использования климатической повестки в качестве политического и экономического инструмента недобросовестной борьбы за мировые рынки⁴⁹. Пока рано говорить о проактивности энергетической политики Пекина в рамках БРИКС и ШОС, но в будущем она вполне может проявиться.

⁴⁷ Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁸ Communique of the Fourth Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China. 23.10.2025. URL: <https://news.cgtn.com/news/2025-10-23/Communique-of-the-Fourth-Plenary-Session-of-20th-CPC-Central-Committee-1HlhwuiAww/p.html> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁹ Сергей Цивилев: Страны ШОС должны первыми определить понятие «справедливой энергетики» // Министерство энергетики России. 26.06.2025. URL: <https://minenergo.gov.ru/?C=D;O%3DA&news-item=sergey-tsvilev-strany-shos-dolzhen-pervymi-opredelit-ponyatie-spravedlivoy-energetiki-> (дата обращения: 11.11.2025).

* * *

По всей триаде основополагающих энергетических вызовов Пекин реагирует не рутинно и прямолинейно, а результативно адаптируется к ним, предлагая исключительные по своему масштабу и разнообразию решения. В пользу данного вывода также говорит тот факт, что китайское руководство поставило цель совершить «энергетическую революцию» в стране – создать в ней чистую, низкоуглеродную, безопасную и эффективную энергосистему, что предполагает решение всех основополагающих энергетических вызовов КНР на фундаментальной, разноплановой и одновременно инновационной основе.

В энергетической политике Китая также можно увидеть проявления проактивности. *Во-первых*, их можно зафиксировать при более пристальном изучении намерений Пекина развивать международные механизмы ценообразования и торговли углеводородами, в которых КНР, а не странам Запада, отводится центральное место. *Во-вторых*, в 2011 г. Китай принял парадигму углеродно-нейтрального развития, предложенную Западом, и за полтора десятилетия фактически стал её главным драйвером. Это выражается как в неоспо-

римом китайском лидерстве в области развития углеродно-нейтральной энергетики, так и в критическом доминировании КНР на рынке редкоземельных элементов, без которых развитие ВИЭ не представляется возможным. «Зелёный» энергопереход, инициированный Западом, стал в итоге прекрасной возможностью для китайской стороны совершить «энергетическую революцию», а для стран Запада – на фоне высокой активности КНР – он превратился в стратегический вызов их безопасности. Вместе с тем и в самой «энергетической революции», которую Пекин вознамерился совершить, можно увидеть проактивность, поскольку нельзя исключать, что в недалеком будущем китайский пример будет мультиплицирован в глобальном масштабе.

В целом энергетическая политика КНР являет собой сочетание адаптивности и проактивности. Учитывая динамику последних десятилетий, проактивность не только сохранится, но и, весьма вероятно, будет усиливаться в китайской энергетической политике. Тем самым влияние КНР на мировую энергетику будет возрастать как в краткосрочной, так и среднесрочной перспективе.

Список литературы

- Бобылев С.Н., Барабошкина А.В., Джу С. Приоритеты низкоуглеродного развития для Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. №82. С. 114–139. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10095>
- Боровский Ю.В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 1. С. 45–55. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55>
- Боровский Ю.В. Понимание энергетической безопасности ключевыми центрами силы (РОССИЯ, КНР, США, ЕС) // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. №2. С. 11–30. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-2-15-1>
- Васильев Д.В., Шавлай Э.П. Южно-Китайское море в противостоянии КНР и США в Азии // Азия и Африка сегодня. 2020. №7. С. 61–66. <https://doi.org/10.31857/S032150750010107-9>
- Иванов Н.А., Пусенкова Н.Н., Соколов А.В. Добыча нефти и газа из сланцевых формаций в США: текущее состояние и прогнозы // Георесурсы. 2024. Т. 26. №3. С. 240–249. <https://doi.org/10.18599/grs.2024.3.24>
- Истомин И.А. Особенности междержавной конкуренции в условиях взаимозависимости // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. №1. С. 72–101.
- Локтионов В.И., Ся Ш. Китай на пути к устойчивой энергетике // Проблемы прогнозирования. 2025. № 1. С. 211–221. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-208-211-221>
- Ма И. Анализ эволюции энергетической политики КНР в период с 1990 по 2025 гг. // Экономика и предпринимательство. 2025. № 1 (174). С. 30–33. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.174.1.002>

- Мастепанов А.М., Томберг И.Р.* Китай диктует энергетическую политику XXI века // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 3 (54). С. 6–38. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.1>
- Мастепанов А.М.* Энергетическое сотрудничество стран БРИКС: история и перспективы // Энергетическая политика. 2024. №8. С. 8–26. DOI: 10.46920/2409_5516_2024_8199_8
- Матвеев В.А.* Современная энергетическая политика Китая: внешние и внутренние вызовы. М.: ИДВ РАН, 2022. 168 с.
- Навдаева М.Е.* Военная сила как инструмент реализации интересов Китая на море // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 2. С. 92–106. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-2/92-106>
- Олейников А.Г.* Международная политекономика: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 55–65. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-2-55-65
- Халова Г., Иллерицкий Н.И.* Энергетическая геополитика и трансформация ШОС: от Центральной Азии к Евразии и многополярному миру // Энергетическая политика. 2023. № 2 (180). С. 78–85. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2023_2180_78
- Andrews-Speed P.* Crude oil production in China: Explaining the surge. Oxford: The Oxford Institute For Energy Study. August 2025. 24 p.
- Brooks S.G., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C.* Don't come home, America: the case against retrenchment // International Security. 2012. Vol. 37. No. 3. P. 7–51. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00107
- Fan Q. et al.* Heavy metal pollution in the baotou section of the yellow river, china // Chemical Speciation & Bioavailability. 2008. Vol. 20. No. 2. P. 65–76. <http://dx.doi.org/10.3184/095422908X322824>
- Luthra G., Gupta P.* China's Belt and Road Initiative in the Energy Sector: Progress, Direction, and Trends // Issue briefs. 2023. No. 677. 28 p.
- Jiang J., Sinton J.* Overseas investments by Chinese national oil and gas companies. International Energy Agency, February 2011. 52 p.
- Malz N., Pao-Yu O.* China's Energy Policy. An Overview for Policy Makers. Berlin: Europa-Universität Flensburg, March 2024. 40 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13750.31042>
- Naughton B.* The Chinese Economy. Adaptation and Growth. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2018. 608 p.
- Sharma V., Loginova J., Zhang R., Kemp D., Shi G.* How do past global experiences of coal phase-out inform China's domestic approach to a just transition? // Sustainability Science. 2023. Vol. 18. P. 2059–2076. <https://doi.org/10.1007/s11625-023-01312-5>
- Wang J., Guo M., Liu M., Wei X.* Long-term outlook for global rare earth production. Resources Policy. 2020. Vol. 65. 101569. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101569>
- Yergin D.* The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. London: Penguin Press, 2020. 544 p.
- Zhe-Yi C., Lu-Tao Z., Lei C., Rui-Xiang Q.* How does China respond to the Carbon Border Adjustment Mechanism? An approach of global trade analysis // Energy Policy. 2025. Vol. 198. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2024.114486>

CHINA'S ENERGY POLICY

REACTIVITY, ADAPTIVITY, PROACTIVITY

YURY BOROVSKY

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

This paper examines the Chinese energy policy in the post-bipolar era by means of three conceptual categories – reactivity, adaptivity, and proactivity. The article focuses on China's fundamental energy challenges related to its critical dependence on oil and gas imports, its heavy reliance on environmentally harmful coal, as well as the need for a fundamental overhaul of the Chinese energy industry and economy

in a carbon-neutral way in compliance with the global trend. The author concludes that no simple reactivity exists in China's energy policy. Regarding the entire triad of challenges, the Chinese energy policy deals mainly with adaptivity, suggesting a set of solutions that are exceptional in their scale and variety. The clear intention of the Chinese leadership to make an 'energy revolution' implying the creation of a clean, low-carbon, safe and efficient energy system in the country points distinctly to adaptivity. There are also manifestations of proactivity in the Chinese energy policy. First, Beijing has decided to prioritize international mechanisms for trading and pricing hydrocarbons, where China calls the shots. Second, it has not only devalued the leadership of the West in the field of 'green' energy transition, but also has become a trendsetter in this global process, with real leverage on other countries, including Western ones. The very 'energy revolution' that Beijing seeks to make can be seen as proactive. It cannot be ruled out that in the future this Chinese example will be generalized and multiplied globally, with other states following suit. China's energy policy is a combination of adaptivity and proactivity. Given the dynamics of recent decades, proactivity is likely to increase in the Chinese energy policy.

Keywords:

China; PRC; energy policy; energy transition; carbon neutrality; oil; gas; coal; renewable energy

References

- Andrews-Speed P. (2025) *Crude oil production in China: Explaining the surge*. Oxford: The Oxford Institute For Energy Study. August. 24 p.
- Bobylev S.N., Baraboshkina A.V., Zhu X. (2020) Prioritety nizkouglerodnogo razvitiya dlya Kitaya [Priorities of Low-Carbon Development for China]. *Public Administration. E-journal*. No. 82. P. 114–139. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10095
- Borovsky Yu.V. (2025) Politizatsiya mirovoy energetiki: istoricheskiy i sovremennyy kontekst [Politicization of global energy supply: Historical and contemporary context]. *Vestnik RUDN. International Relations*. No.25(1). P. 45–55. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55
- Borovsky Yu.V. (2024) Ponimanie energeticheskoy bezopasnosti klyuchevymi tsentrami sily (Rossiya, KNR, SShA, ES) [The Vision of Energy Security by Key Power Centers (Russia, China, USA, and the EU)]. *Comparative Politics Russia*. Vol.15. No. 2. P. 11–30. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-2-15-1
- Brooks S.G., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C. (2012) Don't come home, America: the case against retrenchment. *International Security*. Vol. 37. No. 3. P. 7–51. DOI: 10.1162/ISEC_a_00107
- Fan Q. et al. (2008) Heavy metal pollution in the baotou section of the Yellow River, China. *Chemical Speciation & Bioavailability*. Vol. 20. No. 2. P. 65–76. DOI: 10.3184/095422908X322824
- Istomin I.A. (2018) Osobennosti mezhdzherzhavnoy konkurentstsvii v usloviyakh vzaimozavisimosti [Rivalry between the Leading Powers in the Context of Global Interdependence]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 10. No 1. P. 72–101.
- Ivanov N.A., Poussenkova N.N., Sokolov A.V. (2024) Dobycha nefi i gaza iz slantsevykh formatsii: tekushchee sostoyanie i prognozy [Production of Shale Oil and Gas in the US: Current Status and Prospects]. *Geosursy*. Vol. 26. No. 3. P. 240–249. DOI: 10.18599/grs.2024.3.24
- Jiang J., Sinton J. (2011) *Overseas investments by Chinese national oil and gas companies*. International Energy Agency. February. 52 p.
- Khalova G., Illeritskiy N. (2023) Energeticheskaya geopolitika i transformatsiya ShOS: ot Tsentralnoi Azii k Evrazii i mnogopolyarnomou mirou [Energy geopolitics and the transformation of the Shanghai Cooperation Organization: from Central Asia to Eurasia and the multipolar world]. *Energeticheskaya politika*, No. 2 (180), P. 78–85. DOI 10.46920/2409-5516_2023_2180_78
- Loktionov V. I., Xia S. (2025) Kitay na puti k ustoychivoy energetike. [China on the Way to Sustainable Energy]. *Studies on Russian Economic Development*. No. 1. P. 141–148. DOI:10.1134/S1075700724700618
- Luthra G., Gupta P. (2023) China's Belt and Road Initiative in the Energy Sector: Progress, Direction, and Trends. *Issue briefs*. 2023. No. 677. 28 p.
- Ma Y. (2025) Analiz evolyutsii energeticheskoy politiki KNR v period c 1990 po 2025 gg. [Analysis of the evolution of China's energy policy in the period from 1990 to 2025]. *Economics and entrepreneurship*. No. 1(174). P. 30–33. DOI: 10.34925/EIP.2024.174.1.002
- Malz N., Pao-Yu O. (2024) *China's Energy Policy. An Overview for Policy Makers*. Berlin: Europa-Universität Flensburg, March. 40 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.13750.31042
- Mastepanov A., Tomberg I. (2018) Kitay diktuet energeticheskuyu politiku XXI veka [China Forms Energy Policy for 21st Century. International Trends]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 3. P. 6–38. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.1

- Mastepanov A.M. (2024) Energeticheskoe sotrudnichestvo stran BRICS: istoriya i perspektivy [The Energy Cooperation of the BRICS' countries: history and prospects]. *Energeticheskaya politika*. No. 8. P. 8–26. DOI: 10.46920/2409 5516_2024_8199_8
- Matveev V.A. (2022) *Sovremennaya energeticheskaya politika Kitaya: vneshnie i vnutrennie vyzovy* [China's modern energy policy: external and internal challenges]. Moscow: IDV RAN. 168 p.
- Naughton B. (2018) *The Chinese Economy. Adaptation and Growth*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 608 p.
- Navdaeva M.E. (2024) Voennaya sila kak instrument realizatsii interesov Kitaya na more [Military power as an instrument of implementing Chinese interests in the sea]. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. Vol. 26. No. 2. P. 92–106. DOI: 10.24866/1813-3274/2024-2/92-106
- Oleinov A.G. (2017) Mezhdunarodnaya politekonomia: predmet i metod [International political economy: subject matter and method]. *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 2. P. 55-65. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-2-55-65
- Sharma V., Loginova J., Zhang R., Kemp D., Shi G. (2023) How do past global experiences of coal phase-out inform china's domestic approach to a just transition? *Sustainability Science*. Vol. 18. P. 2059–2076. <http://dx.doi.org/10.1007/s11625-023-01312-5>
- Vasiliev D.V., Shavlay E.P. (2020) South China Sea in confrontation between China and the United States in Asia. *Asia and Africa Today*. No. 7. P. 61–66. DOI: 10.31857/S032150750010107-9
- Wang J., Guo M., Liu M., Wei X (2020). Long-term outlook for global rare earth production. *Resources Policy*. Vol. 65. 101569. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101569>
- Yergin D. (2020). *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. London: Penguin Press. 544 p.
- Zhe-Yi C., Lu-Tao Z., Lei C., Rui-Xiang Q. (2025) How does China respond to the Carbon Border Adjustment Mechanism? An approach of global trade analysis. *Energy Policy*. Vol. 198. DOI: 10.1016/j.enpol.2024.114486

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАТО В СФЕРЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

МИССИЯ С ОГОВОРКАМИ

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

Тенденция к секьюритизации технологического развития заставляет взглянуть на активность военно-политических альянсов в сфере науки, технологий и инноваций. Настоящая статья посвящена научно-техническому сотрудничеству в рамках НАТО – одному из наименее исследованных направлений деятельности блока. Актуальность темы объясняется текущими усилиями по конструированию новой миссии Альянса – поддержки перспективных технологий двойного назначения («новых и прорывных технологий»). Механизмы в области исследований и разработок функционируют в НАТО практически с самого момента её учреждения. Автор предлагает структурированный взгляд на их эволюцию, стремясь ответить на вопросы о том, почему Североатлантическому союзу потребовалось развить непрофильную функцию, и какое воздействие это оказало на его трансформацию. Коллективные научно-технические проекты были призваны усилить потенциал союзников и компенсировать внутренние противоречия, а позднее стали дополнительным каналом вовлечения третьих стран. Деятельность НАТО в сфере науки и технологий способствовала интернационализации взаимодействия между союзниками, но продемонстрировала спорную эффективность и стимулировала новые противоречия. Обращение Альянса к повестке «новых и прорывных технологий» следует старой логике – расширение функционала для сплочения союзников. Однако недавно запущенные инструменты поддержки технологических инноваций по-новому позиционируют блок в глобальной технологической гонке – как её активного участника и координатора технологического развития в Трансатлантике. Претензия на такую роль неизбежно ставит вопросы об адекватном политическом фундаменте и пределах возможного.

Ключевые слова:

НАТО, трансатлантические отношения, научно-техническое сотрудничество, новые и прорывные технологии, технологии двойного назначения, оборонные инновации

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.10.2025

Дата принятия к публикации: 13.03.2026

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: alexander.e.pavloff@yandex.ru

Технологическое доминирование всегда было ключом к успеху НАТО. Но сейчас ему бросают вызов те, кто не разделяют наши ценности. Так что нам нужно удвоить наши усилия.

Й. Столтенберг, 7 октября 2020 г.¹

Я хочу, чтобы НАТО ковала своё будущее в пылу инноваций.

М. Рутте, 10 июня 2025 г.²

Введение

Цитаты бывшего и нынешнего генеральных секретарей НАТО – это не фигура речи, а свидетельство формирования новой миссии Альянса. Коллективная поддержка развития технологий и инноваций, вероятнее всего, превращается в один из политических приоритетов Североатлантического союза на длительную перспективу³. Вместе с тем научно-техническая деятельность НАТО, несмотря на продолжительную историю, остаётся одной из наименее изученных её функций. Настоящая статья призвана восполнить эту лауну, расширив представления о невоенных сферах сотрудничества в военно-политических союзах.

Работа структурирована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. В первом разделе очерчено исследовательское поле, в последующих – рассматривается эволюция научно-технической деятельности НАТО, включая развитие повестки «новых и прорывных технологий». Эмпирической базой являются официальные документы НАТО, а также массив программных материалов Альянса относительно параметров новой технологической стратегии, которые ранее не использовались в отечественной литерату-

ре. Предложена авторская схема основных участников деятельности НАТО в сфере науки и технологий.

Под коллективной научно-технической деятельностью (в терминологии блока – *Science & Technology*) понимаются программы и проекты НАТО в области исследований и разработок, а также поддержки технологических инноваций⁴. Вне фокуса работы остаются смежные проблемы научной дипломатии Альянса и механизмы военно-технического сотрудничества.

Альянсы и технологии: исследовательское поле и постановка вопросов

Проблемы коллективной научно-технической деятельности в военно-политических объединениях редко затрагиваются исследователями мировой политики и международной безопасности, хотя технологическому фактору посвящён обширный корпус работ [Buzan 1987; Weiss 2005, 2015; Mayer M. et al. 2014; Drezner 2019; Сучков 2022]. В них разрабатывается фундаментальная проблема взаимного влияния технологических изменений, структуры международной системы и стратегии её участников, а также изучаются факторы, стимулирующие или тормозящие диффузию технологий [Horowitz 2010; Milner 2021].

¹ Keynote speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Global Security 2020 (GLOBSEC) Bratislava Forum. NATO. 07.10.2020. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_178605.htm (accessed: 24.12.2025).

² Building a better NATO. Speech by NATO Secretary General Mark Rutte at Chatham House. NATO. 10.06.2025. URL: <https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2025/06/10/building-a-better-nato> (accessed: 24.12.2025).

³ NATO 2022 Strategic Concept. NATO. 29.06.2022. URL: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept.pdf> (accessed: 24.12.2025).

⁴ NATO Science & Technology Strategy 2013. NATO Science & Technology Organization. P.2 URL: <https://www.sto.nato.int/wp-content/uploads/nato-science-and-technology-strategy-public-release.pdf> (accessed: 24.12.2025).

Исследования, выполненные в русле теории альянсов, фокусируются на общих закономерностях взаимодействия союзников. Технологический фактор при этом играет в них периферийную роль, а нередко и вовсе остаётся за рамками рассмотрения [Walt 1987; Lanoszka 2022; Истомин 2017; Истомин, Байков 2019; Истомин, Левченко 2024]. Тем не менее достаточно перспективно выглядит тезис о дестабилизирующем влиянии новых технологий на отношения между партнёрами из-за необходимости постоянной адаптации и возникающей и растущей асимметрии потенциалов [Carey, Salmon 1996: 78–90]. В зависимости от контекста они могут как подталкивать союзников к совместным технологическим проектам, следуя логике разделения рисков и издержек, так и блокировать сотрудничество по политическим и экономическим причинам.

Заметно более акцентирована взаимосвязь технологий и альянсов в исследованиях за пределами ТМО, посвящённых закономерностям инновационного развития и диффузии технологий [Schmid et al. 2017; Callado-Muñoz et al. 2019; Waczyk M. et al. 2024]. Они позволяют взглянуть на военно-политические альянсы как на канал трансфера технологий и источник стимулов к технологическому развитию, причём не столько в военном секторе, сколько в гражданском (военно-политический патронаж может и дестимулировать оборонные исследования и разработки). Подобные работы позволяют установить статистические корреляции между панельными данными, но оставляют свободной нишу качественных исследований отдельных кейсов кооперации.

За рубежом разработан широкий круг проблем взаимодействия союзников [Mayer S. 2014; Sperling, Webber 2025], однако изучение научно-технического вза-

имодействия в основном ограничивается периодом «холодной войны» [Walsh 1978; Ince 1999; Bliet 1999; Nierenberg 2001; Krige 2000; Krige 2006; Fenstad 2009]. Несмотря на растущий объём экспертных публикаций⁵, академическому осмыслению современного состояния этой сферы посвящены лишь единичные работы [Herzog, Kunertova 2024; Sperling, Webber 2025: 481–498]. В отечественных исследованиях констатируется функциональная гибкость НАТО: она выступает одновременно как военно-политический блок, сообщество ценностей и глобальная организация безопасности [Истомин и др. 2020; Алешин 2023]. Однако проблематика механизмов Альянса за пределами военно-политических обязательств редко оказывается в фокусе внимания исследователей.

В настоящей работе исследовательские вопросы сформулированы следующим образом. *Во-первых*, почему Альянсу потребовалось развивать непрофильное для себя функциональное направление? *Во-вторых*, как новый функционал влияет на развитие НАТО? *В-третьих*, насколько эффективной является научно-техническая кооперация в рамках Альянса?

С теоретико-методологической точки зрения, первый вопрос требует обращения к механизму «консолидации через секьюритизацию», выделенному отечественными исследователями в конструктивистском ракурсе [Мельникова 2024; Прохоренко 2024]. Потребность преодоления внутренних противоречий подталкивала Альянс к функциональной экспансии, которая, в свою очередь, влияла на динамику коллективной идентичности НАТО — от оборонного пакта к сообществу безопасности. Расширение функционала требует соответствующего дискурса об угрозах и рисках — в рассматриваемом случае технологических. При этом данный дискурс может опираться

⁵ Thardy T. (Ed.) NATO 2030: new technologies, new conflicts, new partnerships. NATO Defense College Research Paper. No. 17, February 2021. P. 5–18. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep29562>; Ricart R.J. NATO Defence Innovation and Deep Tech: Measuring Willingness and Effectiveness. EU Cyber Direct. August 2023. URL: <https://eucyberdirect.eu/research/nato-defence-innovation-and-deep-tech-measuring-willingness-and-effectiveness>; (all accessed: 24.12.2025).

ся на максимально размытые и гибкие концепты [Wullweber 2014], за содержательной «пустотой» которых стоят конкретные проекты политического лидерства.

Для ответа на второй вопрос автор опирается на концепцию интернационализации НАТО, развиваемую в рамках неинституционализма [Mayer 2014]. Интернационализация обозначает процесс перетекания функций, ресурсов и компетенций от государств-участников к Альянсу, способствуя его становлению как автономного субъекта, который балансирует между национальным и наднациональным режимами принятия решений («влияет, но не предопределяет»). Концепция основана на методе экспертных оценок и носит, скорее, эвристический характер, но позволяет проблематизировать научно-техническое взаимодействие как фактор наращивания субъектности Альянса.

Становление механизмов научно-технической кооперации НАТО в годы «холодной войны»

Группы технической экспертизы по новым и перспективным видам вооружения и военной техники стали возникать *ad hoc* при командных инстанциях НАТО ещё в начале 1950-х годов [Nierenberg 2001: 363–364]. Их институционализация шла параллельно с созданием основных политических и командно-штабных организаций Альянса. Этот процесс занял около двадцати лет и продлился вплоть до конца 1960-х годов.

Научно-техническое сотрудничество в НАТО периода «холодной войны» охватывало фундаментальные и прикладные исследования военного и гражданского характера. За военное направление отвечали Консультативная группа по аэрокосми-

ческим исследованиям и разработкам *AGARD*⁶ и Группа оборонных исследований *DRG*⁷. Для решения более узких задач существовали и другие организации⁸.

Гражданское направление было представлено Научным комитетом (1958) и Комитетом по проблемам современного общества (1969). Однозначное разграничение военного и гражданского направлений условно: в то время как первое было тесно привязано к разработке и испытанию вооружения и военной техники⁹, второе также охватывало области, представлявшие непосредственный интерес для военных, — в частности океанографию, ядерную физику, исследования космоса и верхних слоёв атмосферы, системный анализ.

AGARD и *DRG* преимущественно занимались разработкой конкретных технических проблем и проектов в рамках совместных исследований, моделирования и полевых испытаний. *AGARD* известна как одна из первых организаций, применявших форсайт — исследования, направленные на предвосхищение перспективных технологических трендов. Научная (гражданская) программа больше ориентировалась на подготовку кадров с помощью грантов и обменов. Среди её инструментов наиболее известны «институты перспективных исследований» (*Advanced Study Institutes*) — ежегодные краткосрочные школы для учёных под руководством крупных исследователей, в том числе с участием представителей третьих стран [Nierenberg 2001: 371; Krige 2006: 202–204].

И военные, и гражданские организации стали крупными площадками для международных семинаров и конференций, способствуя формированию обширных сетей учёных, инженеров, военных и политических функционеров. По широте охвата

⁶ *Advisory Group for Aerospace Research and Development (AGARD)* официально была создана в 1954 году. Полуформально существовала с 1952 года.

⁷ *Defence Research Group (DRG)* была создана в 1967 году.

⁸ Исследовательский центр по вопросам противолодочной обороны при Верховном главнокомандующем Объединённых вооружённых сил (ОВС) НАТО в Атлантике и Технический центр ПВО при Верховном главнокомандовании ОВС НАТО в Европе.

⁹ Соответствующие проекты охватывали, например, аэрокосмическую технику, радиоэлектронику, оптические системы, медицину и биотехнологии, технологии обработки информации.

такие сети, вероятно, не имели аналогов в мире. В частности в 1952–1996 годах через проекты *AGARD* прошли около 600 тыс. человек [Blick 1999: Sec. 1996], а в работе Научного комитета только за первые 20 лет его существования участвовали не менее 70 тыс. учёных и инженеров¹⁰.

Возможности научно-технического взаимодействия были косвенно заложены в Североатлантическом договоре¹¹, но для их реализации понадобилась синергия двух факторов: секьюритизации науки и технологий в противостоянии между США и СССР, а также необходимости преодолевать внутренние кризисы.

Главным агентом секьюритизации в НАТО выступили Соединённые Штаты. Ядерная и позднее космическая гонка, а также поиск технологического ответа на конвенциональное военное превосходство СССР требовали дорогостоящей мобилизации не только национальных, но и союзнических ресурсов. Для её обоснования с начала 1950-х годов использовались нарративы о *Manpower Gap* – растущем отставании США и их союзников от СССР по количеству учёных и инженеров [Krige 2000: 84–85, 87–88]. Позднее *Manpower Gap* трансформировался в более известный *Missile Gap* – нагнетаемый ажиотаж вокруг предполагаемого ракетно-ядерного отставания США. Восприимчивость к технологическим угрозам коррелировала с американскими усилиями по восстановлению технологического потенциала европейских союзников, главным образом во Франции и Западной Германии. Американская финансовая и организационная поддержка, а также экспорт специфической модели сотрудничества между военным и научно-

исследовательским сообществами¹² имели вполне конкретные цели – использовать европейский потенциал в технологической гонке с СССР и обеспечить политическую лояльность ценных научно-инженерных кадров [Krige 2006: 253–257, 259–260; Turchetti 2012]. Эффективным каналом трансляции американских нарративов на европейцев выступали авторитетные американские учёные-администраторы, тесно сотрудничавшие с военными: И. Раби, Т. фон Карман, Дж. Килиан и другие. Они были яркими сторонниками создания трансатлантической научной элиты на стратегических направлениях науки и технологий [Krige 2000: 85–86] и использовали административный ресурс для воплощения этой идеи. Запуск первого советского спутника Земли придал их усилиям дополнительный импульс [Krige 2006: 207].

Вторым катализатором научно-технической кооперации был поиск деполитизированного средства компенсации перманентных внутренних противоречий, раскалывавших Альянс с самого начала его существования [Turchetti 2021: 4]. Спектр этих противоречий простирался от реакции на конфликты (Корейская война, Суэцкий кризис) и особого курса отдельных стран (Франция) до подходов к ядерному оружию и асимметрии в военно-техническом сотрудничестве. Наиболее отчётливое обоснование науки и технологий как перспективной неполитизированной платформы трансатлантического сплочения было дано в так называемом докладе «трёх мудрецов» – министров иностранных дел Италии, Канады и Норвегии¹³, – составленного по итогам консультаций со странами-членами. Показательно, что он был пред-

¹⁰ NATO and Science 1978. NATO. URL: https://archives.nato.int/uploads/r/null/1/3/137685/0245_NATO_and_Science_1978_ENG.pdf; Daniel D., Caraher L. NATO Defense Science & Technology. Defence Horizons. No. 24, March 2003. Center for Technology and National Security Policy. National Defense University. URL: <https://digitalcommons.ndu.edu/defense-horizons/61/> (all accessed: 24.12.2025).

¹¹ В ст. 2 и 3 говорится об экономическом сотрудничестве и поддержке индивидуального и коллективного потенциала сопротивления вооружённому нападению.

¹² США добивались создания в Европе аналогов Массачусетского технологического института и активно содействовали внедрению метода исследования операций (*operations research*).

¹³ Report of the Committee of Three on Non-Military Cooperation in NATO. 13 Dec. 1956. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17481.htm (accessed: 24.12.2025).

ставлен в декабре 1956 года, вскоре после завершения активной фазы Суэцкого кризиса, и считается ключевым документом, заложившим основы гражданской научной программы НАТО.

Научно-технические форматы НАТО в годы «холодной войны» практически не менялись, если не считать переориентацию гражданской научной программы на «глобальные проблемы» в конце 1960-х – начале 1970-х годов по инициативе США. Это должно было вписать НАТО в повестку разрядки и адаптировать её к новым реалиям мировой политики, в частности к пониманию растущей взаимосвязанности мира [Hatzivassiliou 2017: 250–251].

Результаты использования научно-технологической повестки в деле сплочения союзников оказались двоякими. С одной стороны, она обеспечила новый формат коллективного действия и коммуникации. Так, несмотря на выход Франции из военной организации НАТО в 1966 году, она продолжила вносить значительный вклад в исследовательские программы Альянса, включая совместные проекты с американцами, а конфликты между Турцией и Грецией не мешали совместной работе их ученых и инженеров [Nierenberg 2001; Turchetti 2012: 23]. С другой – научно-технические проекты не могли сами по себе компенсировать или преодолеть политические противоречия между участниками [Turchetti 2012: 22; Hatzivassiliou 2017: 259]. Характерно, что американское финансирование европейских и североатлантических проектов [Krige 2000: 105, 107; Nierenberg 2001: 366], а также распространение их идей не конвертировались напрямую в укрепление американского лидерства. История Комитета по вызовам современного общества показывает, что европейцы, включая ближайших американских союзников сопротивлялись как попыткам навязать американское доминирование, так и любым дей-

ствиям, которые могли привести к утрате национального контроля над исследованиями и разработками [Krige 2000: 99–100].

Коллективные научно-технологические проекты если и были шагом к интернационализации, то с большими оговорками. *Во-первых*, речь не шла о функционировании интегрированного механизма технологического развития в североатлантическом регионе: организации НАТО действовали изолировано, управлялись из разных центров и зависели от добровольного вклада заинтересованных стран-членов. Научные администраторы Альянса практически не имели влияния на его стратегические решения [Turchetti 2021], хотя и обладали стабильным бюджетом и относительной автономией внутри установленных рамок [Walsh 1978: 415–417; Krige 2000: 97–98]. *Во-вторых*, деятельность НАТО фокусировалась на ранних стадиях жизненного цикла технологии, чтобы избежать конкуренции между странами-участниками, и состояла, скорее, в генерировании и передаче интеллектуальных импульсов. Отсюда вытекала сложность в обобщённой оценке технологического вклада военных и гражданских исследований в конкретные разработки и изделия¹⁴. *В-третьих*, по объёму доступных ресурсов НАТО значительно уступала другим коллективным механизмам поддержки исследований, например, действовавшим в рамках Европейских сообществ [Krige 2019]. Достижения Альянса как спонсора развития отдельных исследовательских центров [Turchetti, Roberts 2014: 10] или канала трансфера технологий малым или менее развитым странам-членам – Греции, Португалии и Турции¹⁵ [Ince 1999; Hatzivassiliou 2017: 259–260] – не меняли общей картины.

Наука и технологии не стали деполитизированной платформой взаимодействия, а были встроены в существовавшие и привносили новые противоречия, оставаясь

¹⁴ Научно-технические организации Альянса аккумулировали большое количество информации, публикуя тысячи материалов по естественным и техническим наукам.

¹⁵ Их доступ к другим внешним источникам технологического развития был затруднён по политическим причинам.

вспомогательным направлением Альянса. Тем не менее научные программы привнесли ещё один аспект в деятельность Альянса – интерес к глобальным проблемам, и в этом смысле они могут быть интерпретированы как начальный процесс «глобализации» блока ещё до окончания биполярного противостояния [Hatzivassiliou 2017: 250–251].

Научно-техническая деятельность НАТО после «холодной войны»: инерционное развитие

Поиск новой идентичности и миссии НАТО после окончания «холодной войны» привёл к заметному расширению проблемного поля Альянса [Прохоренко 2024], но это не способствовало политической приоритезации совместных научно-технических программ. Соображения технологической конкуренции с великими державами вне НАТО отошли на второй план, о чём свидетельствуют стратегические концепции 1991, 1999 и 2010 годов¹⁶, в которых проблематика технологий упоминалась эпизодически, преимущественно в контексте угроз распространения ОМУ и терроризма. В 2000-х годах кооперация в сфере науки и технологий оставалась в тени организационной и бюджетной оптимизации Альянса, а также интервенционистских кампаний за пределами трансатлантической зоны.

В ходе нескольких волн реорганизаций 1990–2000-х годов сложилась нынешняя структура кооперации в рамках Альянса (рис. 1). Совместные исследования и разработки с 2012 г. сосредоточены в Организации по науке и технологиям (*NATO Science & Technology Organization, STO*), объединившей все военные программы¹⁷. Гражданские комитеты в 2006 г. были консолидированы в программу «Наука ради мира и безопасности» (*Science for Peace and Security, SPS*), которая теперь ориентирована на научную дипломатию. Технологические инновации 1990–2000-х годов, особенно в сфере ИКТ, подпитывавшие концепцию сетецентрических войн, развиваемую в рамках так называемой «революции в военном деле», заставили Альянс более активно заниматься вопросами внедрения новой техники и тактических приёмов с учётом ресурсных ограничений. С этой целью в 2003 г. было создано Стратегическое командование по трансформации (*Allied Command Transformation, ACT*)¹⁸. В научно-техническую деятельность Альянса также вовлечены Агентство по связи и информации *NCIA*¹⁹ и организации, координирующие *ОПК*²⁰ и разведку. Об активно развиваемых механизмах поддержки технологических инноваций — акселераторе *DIANA* и фонде *NIF* — речь пойдёт ниже.

Однако наиболее серьёзным изменением стала смена политических приоритетов научно-технических программ: от внутрен-

¹⁶ NATO Strategic Concept 1991. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm; NATO Strategic Concept 1999. NATO. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/1999/04/24/the-alliances-strategic-concept-1999>; NATO Strategic Concept 2010. NATO. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/strategic-concepts/strategic-concept-2010> (all accessed: 24.12.2025).

¹⁷ Туда также вошёл ранее самостоятельный военно-морской компонент — Центр морских исследований и экспериментов (*Center for Maritime Research and Experimentation, CMRE*).

¹⁸ ACT — одно из двух стратегических командований НАТО, которое занимается разработкой военных доктрин, боевой подготовкой, внедрением новых технологий и является одним из ключевых участников оборонного планирования Альянса (*NATO Defence Planning Process, NDPP*).

¹⁹ *NATO Communications and Network Agency, NCIA* — самостоятельное агентство НАТО по вопросам обслуживания информационно-коммуникационной инфраструктуры или так называемых *C4ISR* — систем командования, управления, связи, компьютеров, разведки, наблюдения и рекогносцировки.

²⁰ Конференция руководителей национальных ведомств по вооружениям *CNAD* — один из старших комитетов НАТО, напрямую подчиняется Североатлантическому совету и курирует вопросы исследований, разработки и производства ВВТ. Консультативная промышленная группа *NIAG* — форум представителей *ОПК* стран-членов НАТО, который действует под эгидой *CNAD* и, в том числе, даёт технико-экономическую оценку внедрения новых технологий в оборонной сфере.

Рисунок 1
Основные участники научно-технической деятельности НАТО

Источник: составлено автором.

него сплочения и завоевания технологического превосходства, то есть от ориентации на исследования и разработки, к вовлечению внешних партнёров – научной дипломатии. Научно-техническое сотрудничество стало дополнением к программе «Партнёрство ради мира», причём особое значение придавалось политическим и коммуникационным задачам в странах постсоветского пространства [Ince 1999; Nierenberg 2001: 371; Fenstad 2009: 495–496]. Содержательные акценты сместились в сторону разоружения, конверсии, экологии, а позднее – гражданских аспектов безопас-

ности: контртерроризма, энергетической и кибербезопасности, защиты от химических, биологических, радиологических и ядерных угроз, устойчивости окружающей среды и инфраструктуры, гуманитарных проблем. Если в 1991 г. на проекты с внешним участием тратилось около трёх процентов совокупного бюджета гражданской научной программы объёмом около 28 млн долларов, то в конце 1990-х годов уже более половины от примерно 31 млн долларов [Ince 1999]. В 2010–2018 годах в проектах «Науки ради мира и безопасности» участвовали учёные из 40 стран-партнёров²¹.

²¹ NATO Science for Peace and Security Programme. 2018 Annual Report. NATO. P.5 URL: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/sps/annual-reports/SPS-AnnualReport2018.pdf> (accessed: 24.12.2025).

Военные проекты, составлявшие от 30 до 75% портфеля *STO*²², также стали открытыми для стран, не входящих в НАТО²³.

Несмотря на реорганизацию и смену акцентов, можно сделать вывод о том, что научно-техническая кооперация вплоть до второй половины 2010-х годов развивалась, скорее, по инерции. Альянс утратил стимулы к мобилизации научно-технического потенциала на фоне исчезновения крупной угрозы, какой был СССР, а США, некогда главный спонсор такой кооперации – интерес к созданным по их же инициативе механизмам²⁴. О её вторичном характере в функционале НАТО свидетельствует небольшое финансовое обеспечение в сравнении с программами США и ЕС²⁵ и, как и прежде, урезанная компетенция: от фундаментальных и поисковых исследований до изготовления прототипов²⁶. Дальнейшие, наиболее важные, стадии работы – придание технологиям окончательного облика – остались прерогативой стран-участниц.

Поворот НАТО к проблематике «новых и прорывных технологий»

По меньшей мере с 2010-х годов эксперты НАТО фиксировали нарастающие риски технологического развития: демократизацию передовых технологий, в том числе распространение коммерческих технологий двойного назначения; ускорение инновационных циклов; укрепление центров технологического роста за пределами Евroatлантики²⁷.

С 2016 г. в повестке Альянса всё более чётко артикулировалась необходимость сохранить «технологическое превосходство»²⁸. Переводу вопросов развития технологий в категорию рисков способствовало внедрение подхода «360 градусов», предполагающего полную секьюритизацию внешней среды НАТО и соответствующую технологическую адаптацию²⁹. На рубеже 2020-х годов данная установка обрела осязаемую форму – позиционирование НАТО как спонсора развития «новых и прорыв-

²² The Collaboration Support Office. NATO Science & Technology Organization. URL: <https://www.sto.nato.int/who-we-are/the-collaboration-support-office/> (accessed: 24.12.2025).

²³ Военные исследования и разработки охватывают весь спектр тем: средства поражения, разведку и связь, медицину, логистику, энергетику, военную подготовку и аналитику. NATO Science & Technology Organization at a Glance 2012–2022. NATO Science & Technology Organization. 2025. URL: <https://www.sto.nato.int/wp-content/uploads/sto-at-a-glance-july-2025.pdf> (accessed: 24.12.2025).

²⁴ Daniel D.C. NATO Technology: from Gap to Divergence? Defence Horizons. No. 42. July 2004. Center for Technology and National Security Policy. National Defense University. P. 3–4 URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/1009656/nato-technology-from-gap-to-divergence/> (accessed: 24.12.2025).

²⁵ НАТО не приводит систематизированных данных о финансировании научно-технической деятельности. Ежегодные аудиторские отчёты Альянса дают только общее представление о затратах интересующих организаций (*ACT, NCI, STO, DIANA*), а инвестиции стран-членов в совместные проекты не афишируются. Тем не менее показательно, что в 2014–2024 годах совокупные затраты головной организации *STO* выросли с 32,6 млн евро всего до 45,2 млн евро (от трети до половины этой суммы – административные расходы). Подробнее см. International Board of Auditors for NATO, IBAN. NATO. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/organization/nato-structure/international-board-of-auditors-for-nato-iban/financial-audit-reports-and-financial-statements> (accessed: 24.12.2025).

²⁶ По шкале уровней технологической зрелости (*Technology Readiness Levels, TRL*) – это уровни 1–4 (от базовой концепции до испытания технологии в лабораторных условиях). Подробнее см. A Holistic Approach to NATO Research & Technology. Concept Paper. Fall 2008. P. 2.

²⁷ Strategic Foresight Analysis 2013 Report. North Atlantic Treaty Organization. Headquarters Supreme Allied Commander Transformation. 46 p.; NATO Science & Technology Strategy 2013; NATO Science & Technology Strategy 2018. NATO Science & Technology Organization. 27 July 2018. 13 p.

²⁸ Warsaw Summit Communiqué. NATO. 09.07.2016. Paragraph 136. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm; Brussels Summit Declaration. NATO. 11.07.2018. Paragraph 31. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2018/07/11/brussels-summit-declaration/>; The London Meeting Declaration. NATO. 04.12.2019. Paragraph 6. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2019/12/04/london-declaration> (all accessed: 24.12.2025).

²⁹ Секьюритизации подверглись климатические изменения, нарушения в цепочках поставок критически важного сырья, информационные кампании.

ных технологий» (НПТ³⁰), что привело к серьёзным доктринальным и организационным новациям (табл. 1).

Что заставило Альянс относительно быстро повысить политический приоритет ранее вспомогательного направления? Этому способствовала новая синергия внешних рисков и внутренних проблем. *Во-первых*, в повестку дня мировой политики вернулась конкуренция великих держав. Её главной осью является американо-китайское соперничество. В отличие от

«холодной войны», она носит не только военно-политический, но и в значительной степени техно-экономический характер, затрагивая широкий спектр как военных, так и гражданских технологий [Данилин 2021; Wong 2021]. Реальные и мнимые успехи Китая возродили технологический алармизм США — нарратив *Gap*'ов — и актуализировали роль союзников в «технологической войне». *Во-вторых*, на этом фоне продолжился рост интереса крупнейших государств и объединений к группе

Таблица 1
«Новые и прорывные» технологии в повестке НАТО

2018	Обновлена Стратегия в области науки и технологий (рамочный документ, описывающий цели, задачи и участников научно-технической деятельности, а также актуальный политический, экономический и технологический ландшафт).	Впервые в документе стратегического планирования фигурируют «новые и прорывные технологии» (НПТ).
2019	Принята дорожная карта в области НПТ (не опубликована).	Зафиксированы 9 приоритетных направлений технологического развития Альянса, дополненные в 2022 году.
2020	Созданы консультативные и координирующие органы по вопросам инноваций ³¹ , подготовлен доклад <i>NATO 2030: United for a New Era</i> ³² .	Заданы рамки новой технологической повестки Альянса, заложена база для включения технологической проблематики в Стратегическую концепцию.
2021	Принята первая рамочная стратегия в области НПТ: <i>Foster and Protect: NATO's Coherent Implementation Strategy on Emerging and Disruptive Technologies</i> (не опубликована).	Закреплены подходы к выявлению, разработке, внедрению НПТ, а также принципы защиты соответствующих ноу-хау ³³ .
2021—...	Утверждены стратегии в области ИИ (2021, обновлена в 2024), автономных систем (2022), квантовых технологий (2024), биотехнологий (2024). Отдельно с 2019 г. закреплена политика Альянса в области космоса ³⁴ .	Союзниками согласованы принципы разработки, внедрения, регулирования и использования по отдельным категориям НПТ.

³⁰ В российской литературе пока нет единого устоявшегося перевода выражения *emerging and disruptive technologies (EDTs)*. *Emerging* можно переводить как «новый», «возникающий», «перспективный», то есть не до конца раскрывший свой потенциал, а *disruptive* — как «прорывной», «подрывной», «разрушающий», то есть нарушающий привычный порядок вещей, трансформирующий ситуацию [Панкова, Гусарова 2019]. Здесь и далее в качестве рабочего варианта используется вариант «новые и прорывные технологии» (НПТ).

³¹ Консультативная группа НАТО по вопросам новых и прорывных технологий (*NATO Advisory Group on Emerging and Disruptive Technologies*), Комиссия НАТО по инновациям (*NATO Innovation Board*). NATO Secretary General's Annual Report 2020. P. 63. NATO. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/2021/3/pdf/sgar20-en.pdf (accessed: 24.12.2025).

³² NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General, 25.11.2020. 67 p. Анализ доклада см. [Антюхова 2024].

³³ NATO Secretary General's Annual Report 2021. P. 68. NATO. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/2022/3/pdf/sgar21-en.pdf (accessed: 24.12.2025).

³⁴ Emerging and disruptive technologies. NATO. 25.06.2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/emerging-and-disruptive-technologies> (accessed: 24.12.2025).

2022	Обновлена Стратегическая концепция НАТО.	НПТ признаны «ключевой ареной глобальной конкуренции».
2022	Учрежден Акселератор оборонных инноваций для Северной Атлантики.	Созданы инструменты поддержки технологических инноваций в коммерческом секторе.
2023	Учрежден Инновационный фонд НАТО.	
2025	Принят План действий по ускоренному внедрению ³⁵ . Обновлена Стратегия в области науки и технологий ³⁶ .	Закреплены принципы и механизмы ускоренного внедрения перспективных технологий в оборонную сферу. Поставлена задача сохранить решающее технологическое преимущество НАТО.

Источник: составлено автором.

быстроразвивающихся технологий двойного назначения с большим трансформационным потенциалом [Панкова, Гусарова 2022]. Их развитие требует пересмотра моделей управления технологическими инновациями [Данилин 2018], а именно – совмещения интернационального характера исследований и разработок с установкой на «технологический суверенитет». Последний предполагает избирательный подход к выстраиванию партнёрств, ориентированный, в частности только на военно-политических союзников. *В-третьих*, процесс рефлексии о новой технологической повестке Альянса был запущен на фоне обострения проблем трансатлантической координации, в том числе по вопросу «справедливого разделения бремени». Новый стиль отношений США с союзниками в первую каденцию Д. Трампа укрепил широко распространённое восприятие утраты Альянсом релевантности в каче-

стве важнейшей площадки трансатлантического сообщества перед лицом вызовов будущего³⁷.

Очередная итерация поиска сплачивающей платформы³⁸ остановилась на НПТ – размытом и гибком конструкторе с бесконечным потенциалом содержательного наполнения и потому подходящем для обоснования новых угроз и миссий. В понимании НАТО НПТ характеризуются³⁹: 1) ранней стадией развития с горизонтом созревания около 20 лет; 2) значительным трансформационным потенциалом; 3) двойным назначением при лидирующей роли гражданского коммерческого сектора. К таковым отнесены ИИ, автономные системы, квантовые технологии, биотехнологии и технологии улучшения характеристик человека, космические технологии, гиперзвуковые системы, новые материалы и способы производства, новые источники энергии и силовые установки, а также технологии передачи данных⁴⁰.

³⁵ Summary of NATO's Rapid Adoption Action Plan. NATO. 25.06.2025. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/summary-of-natos-rapid-adoption-action-plan> (accessed: 24.12.2025).

³⁶ NATO Science & Technology Strategy 2025. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2025/6/pdf/250605-sto-strategy.pdf (accessed: 24.12.2025).

³⁷ Ruiz Palmer D. A Strategic Odyssey: Constancy of Purpose and Strategy-Making in NATO, 1949–2019. Nato Defense College Research Papers. No.3. 2019. P.IX; De Maizière T., Mitchell W.A. NATO Must Adapt for a Dangerous New Era. Internationale Politik Quarterly. Feb 01, 2021. URL: <https://ip-quarterly.com/en/nato-must-adapt-dangerous-new-era> (accessed: 24.12.2025).

³⁸ NATO 2030: United for a New Era.

³⁹ Science & Technology Trends 2020–2040. NATO Science & Technology Organization. March 2020. P. 3, 6. URL: https://securitydelta.nl/media/com_hsd/report/406/document/190422-ST-Tech-Trends-Report-2020-2040.pdf (accessed: 24.12.2025).

⁴⁰ В России эти технологии официально классифицированы как «критические» и «сквозные». См. Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 24.12.2025).

Представляется, что «новые и прорывные технологии» стали фокальной точкой для различных интересов. Через новый проект США получили возможность вовлекать своих союзников в технологическое противостояние с КНР, используя широкую трансатлантическую платформу. Антикитайская направленность повестки НПТ просматривается во всех важнейших документах Альянса, причём её развитие пришлось на период активизации американских санкций против китайского технологического сектора. Другие члены НАТО, прежде всего в Европе, получили возможность сбалансировать дискуссию о «разделении бремени» и смягчить расхождение стратегических приоритетов на европейском и азиатско-тихоокеанском направлениях. Диалог об НПТ в НАТО – это потенциальный инструмент влияния союзников на американскую стратегию технологической войны, тем более что формат США–ЕС заморожен. Эксперты и функционеры НАТО, в свою очередь, обрели весомый аргумент в пользу сохранения роли Альянса через наращивание компетенций в сфере поддержки инноваций.

Новизна повестки НПТ состоит не в её технологических приоритетах – они и так долгое время прорабатывались в рамках отдельных проектов НАТО, – а в целеполагании, организационном и ресурсном обеспечении. В программных докладах Консультативной группы НАТО по НПТ за 2020 и 2021 годы⁴¹ и докладе группы экспертов «НАТО 2030: Объединённые для новой эры»⁴² речь идёт о создании транс-

атлантической экосистемы развития перспективных технологий двойного назначения, в которую будут интегрированы как системные представители ОПК, так и нетрадиционные игроки: высокотехнологичный малый и средний бизнес, венчурный капитал, представители научно-исследовательского сообщества⁴³. Помимо стран-членов, эта система должна включать в себя близких по ценностям партнёров вне НАТО. Альянсу отводится роль не только координирующей площадки, где происходит выработка общих подходов и приоритетов в области НПТ, но и активного участника в разработке и внедрении технологий. Это амбициозное видение значительно расширяет рамки привычной научно-технологической кооперации в НАТО.

Новая технологическая стратегия НАТО имеет конкретных адресатов вовне: Россию («непосредственная угроза безопасности») и Китай («системный вызов»). С ними связан алармизм экспертов НАТО и других ангажированных специалистов о размывании технологического превосходства Запада и неспособности сдержать развитие соперников⁴⁴. События СВО встроили проблематику НПТ в общее русло военно-экономической мобилизации стран НАТО. В годы президентства демократа Дж. Байдена технологическая проблематика подкреплялась идеологической концепцией соперничества между демократиями и авторитарными государствами [Данилов 2021], хотя в официальных документах НАТО она прослеживается косвенно⁴⁵. С возвращением Д. Трампа в Белый дом

⁴¹ NATO Advisory Group on Emerging and Disruptive Technologies. Annual Report 2020. NATO Emerging Security Challenges Division. 26 p.; NATO Advisory Group on Emerging and Disruptive Technologies. Annual Report 2021. NATO Emerging Security Challenges Division. 30 p.

⁴² NATO 2030: United for a New Era. P. 29–31.

⁴³ Это адаптированная модель так называемой «тройной спирали» (*triple-helix*) – системы инновационного развития, предполагающей тесное взаимодействие правительственных организаций, бизнеса и научно-исследовательского сообщества.

⁴⁴ Science & Technology Trends 2020–2040. P.2; Science & Technology Trends 2023–2043. NATO Science & Technology Organization. 2023. Vol. 1. P. 83, 86, 91. URL: <https://technology-observatory.ch/wp-content/uploads/2023/03/Science-Technology-Trends-2023-2043-vol1.pdf> (accessed: 24.12.2025).

⁴⁵ Madrid Summit Declaration. NATO. 29.06.2022. NATO. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2022/06/29/madrid-summit-declaration>; Vilnius Summit Communiqué. NATO. 11.07.2023. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/>

этот нарратив был свёрнут без видимых изменений для технологических приоритетов Альянса⁴⁶.

Развитие НПТ требует структурных изменений в управлении инновационными процессами, включая финансирование, коммуникацию военного и гражданского секторов, внедрение и закупки. Необходимо сблизить бюрократическую модель традиционной оборонной промышленности и государственных структур с гибкими и быстрыми моделями работы высокотехнологичного бизнеса. Обеспечить такое сближение призваны созданные в 2022–2023 годах Акселератор оборонных инноваций для Северной Атлантики (*Defence Innovation Accelerator for the North Atlantic, DIANA*) и Инновационный фонд НАТО (*NATO Innovation Fund, NIF*). Эти организации значительно отличаются от ранее созданных органов научно-технического сотрудничества Альянса. *DIANA* – дочерняя организация НАТО, осуществляющая отбор, грантовую и организационную поддержку стартапов, чей продукт в перспективе может быть востребован военными ведомствами и крупными компаниями оборонного сектора. Она опирается на сеть из более чем 220 лабораторий, тестовых полигонов и национальных акселераторов. *NIF* – это добровольный межгосударственный венчурный фонд, в который входят 24 страны, вне организации Альянса, но под его кураторством, рассчитанный на 15 лет. Объём фонда – 1 млрд евро, который используется для портфельного инвестирования в более зрелые компании и другие венчурные фонды. *NIF*, как правило, работает в составе консорциума инвесторов из стран НАТО и близких партнёров (например, Швейцарии и Японии). Среди учредителей *NIF* не представлены

США, Франция и Канада, но это не мешает их компаниям участвовать в его работе. В отличие от других программ НАТО, *DIANA* и *NIF* нацелены на более высокие стадии жизненного цикла технологий: прототипы и готовые продукты, а не фундаментальные и прикладные исследования. По состоянию на февраль 2026 года, деятельность новых организаций охватила почти 300 компаний и венчурных фондов⁴⁷.

Параллельно НАТО пытается ускорить внедрение новых технологий в организациях Альянса и вооружённых силах стран-участниц. В июне 2025 г. был принят соответствующий План действий⁴⁸, который, среди прочего, предусматривает сокращение длительности процесса внедрения двумя годами, более гибкие процедуры закупок и движение в сторону единых требований к сертификации технологий и изделий по аналогии с существующими соглашениями *STANAG*. Таким образом, НАТО усиливает свою роль на конечном этапе инновационного цикла.

Результаты поворота НАТО к новым и прорывным технологиям можно будет оценить в ближайшие годы, однако уже сегодня он свидетельствует о серьёзной трансформации научно-технического сотрудничества в Трансатлантике. Развитие повестки НПТ имеет значительный потенциал интернационализации НАТО: теперь через расширение её функций на сферу коммерческих инноваций двойного назначения. Открытым остаётся вопрос об адекватности политического фундамента для такого расширения.

Постановочные вопросы вместо заключения

Научно-техническая кооперация в НАТО – это одновременно продукт воен-

official-texts/2023/07/11/vilnius-summit-communique; Washington Summit Declaration. NATO. 10.07.2024 URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2024/07/10/washington-summit-declaration> (all accessed: 24.12.2025).

⁴⁶ The Hague Summit Declaration. NATO. 25.06.2025. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/the-hague-summit-declaration> (accessed: 24.12.2025).

⁴⁷ Подсчитано автором по данным *NIF* и *DIANA*.

⁴⁸ Summary of NATO's Rapid Adoption Action Plan.

но-технической гонки в биполярный период, и политический проект по сплочению партнёров в Трансатлантике на деполитизированной платформе. Придаваемое ей политическое значение затеняло её трудноизмеримые технологические достижения и низкую степень влияния на стратегический курс Североатлантического союза. Логика компенсации межсоюзных противоречий через секьюритизацию технологий и расширение функции Альянса обеспечивала дополнительный канал диалога, а вместе с ним и новые противоречия вокруг американского лидерства и национального контроля над исследованиями и разработками даже между ближайшими союзниками. Со времён «холодной войны» и вплоть до рубежа 2020-х годов научно-техническая деятельность носила вспомогательный характер в инструментарии Альянса.

Развитие повестки «новых и прорывных технологий» подчиняется старой логике функциональной экспансии, но представляет собой заметный новый шаг в позиционировании НАТО. Амбициозная цель сформировать многостороннюю «экосистему» технологического развития практически на всех этапах инновационного цикла предполагает, что в перспективе Альянс будет стремиться к роли координирующего звена в трансатлантическом партнёрстве по различным аспектам технологий: развитию, регулированию, внедрению и ограничению доступа со стороны предполагаемых оппонентов. Объём задействованных ресурсов и противоречивый опыт научно-технической кооперации делают неочевидной перспективу превращения НАТО в интегрированный механизм развития передовых технологий. Технологическая кооперация в Альянсе едва ли способствовала заметному исправлению технологической асимметрии и пока не дала убедительного ответа на вопрос о рисках научно-технической взаимозависимости, поднима-

емый союзниками США. Конфликтами чреват целый ряд «технических» вопросов НПТ: от согласованного регулирования этических аспектов до обеспечения оперативной совместимости, не говоря уже об общем политическом фоне трансатлантических отношений.

Однако обозначенные проблемы не отменяют того факта, что НАТО остаётся единственной универсальной площадкой трансатлантической координации, и «технологизация» её повестки как с точки зрения американско-китайской конкуренции, так и в разрезе межсоюзнических дисбалансов, закономерна. Некоторые западные эксперты видят в совместном развитии «новых и прорывных технологий» основу для обновлённой «трансатлантической сделки»⁴⁹.

Поворот НАТО к НПТ, возможно, требует заново оценить тезис о сохранении региональной фокусировки Альянса [Мельникова 2024; Прохоренко 2024]. Технологические риски и угрозы, как их сегодня понимает Альянс, выходят за рамки его географической зоны ответственности, если вообще могут быть локализованы. Предположим, что секьюритизация технологического развития будет способствовать «глобализации» блока в новом формате.

Дальнейшее исследование научно-технической кооперации в НАТО сталкивается с целым рядом вопросов, в частности о вкладе отдельных участников и сопряжении усилий Альянса с механизмами поддержки технологических инноваций в ЕС и США: будут ли они дополнять, дублировать или конкурировать друг с другом? Интерес представляют и перспективы движения технологической повестки Альянса в сторону экспортного контроля и регулирования инвестиций, то есть дальнейшего функционального расширения. Важным остаётся вопрос о трансформации диалога с партнёрами вне НАТО под влиянием новой технологической повестки.

⁴⁹ A New Transatlantic Bargain: the Case for Building a Strong European Pillar. Belfer Center. 12.02.2025. P.16 URL: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/2025-02/Belfer_A%20New%20Transatlantic%20Bargain_Report_Pages.pdf (accessed: 24.12.2025).

Список литературы

- Алешин А.А. Великобритания—Евросоюз—НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: «Аспект Пресс», 2023. 317 с.
- Антохова Е.А. Система планирования деятельности НАТО в контексте положений Повестки «НАТО-2030» и Стратегической концепции НАТО 2022 г. // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 3. С. 31–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-03-02
- Данилин И.В. Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма // Пути к миру и безопасности. 2021. Т. 60. № 1. С. 29–43. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43
- Данилин И.В. Развитие перспективных технологий: вызовы для научно-технологической и инновационной политики // Вестник МГИМО-Университета. 2018. Т. 63. № 6. С. 255–270. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-255-270
- Данилов Д.А. Глобальные горизонты Атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520211931>
- Истомин И., Байков А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48
- Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.И. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Вестник Московского университета. 2020. Т. 64. № 1. С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34
- Истомин И.А., Левченко А.В. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 51–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-51-92
- Истомин И. Современная западная теория военно-политических альянсов. Достижения и лакуны // Международные процессы. 2017. Том 15. № 4. С. 93–114. DOI 10.17994/IT.2017.15.4.51.6
- Мельникова Ю.Ю. Секьюритизация КНР в дискурсе НАТО во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов как часть формирования глобальной идентичности альянса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 163–201 DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-163-201
- Панкова Л.В., Гусарова О.В. Инновационно-технологические прорывы: влияние на систему контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 70–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-70-83
- Панкова Л.В., Гусарова О.В. Мировая инновационно-цифровая экспансия: особенности момента // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 10. С. 971–983. DOI 10.31857/S0869587322100097
- Прохоренко И.Л. Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 141–162. DOI 10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162
- Сучков М.А. «Геополитика технологий»: международные отношения в эпоху Четвертой промышленной революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 2. С. 138–157. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.202>
- Ва́czyk M., Frenken K., Punt M.B., Wanzenböck I. International alliances and technology diffusion: A worldwide analysis of adoption of energy, railway and satellite technologies // PLOS Sustain Transform 2024. Vol. 6. No. 3: e0000112. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pstr.0000112>
- Blik J. (Ed.). AGARD. The history. 1952–1997. The NATO Research and Technology Organization. Printed by SPS Communications, 1999. 215 p.
- Buzan B. An Introduction to Strategic Studies: Military Technology and International Relations. London: Palgrave Macmillan, 1987. 342 p.
- Callado-Muñoz F.J., Hromcová J., Utrero-González N. Trade and Military Alliances: Evidence from NATO // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 20190027. DOI: 10.1515/peps-2019-0027
- Carey R., Salmon T. International Security in the Modern World. New York: Palgrave Macmillan, 1996. 241 p.
- Drezner D.W. Technological change and international relations // International Relations. 2019. Vol. 33. No. 2. P. 286–303. DOI: 10.1177/0047117819834629
- Fenstad J.E. NATO and Science // European Review. 2009. Vol. 17. No. 3-4. P. 487–497. DOI: 10.1017/S1062798709000908
- Hatzivassiliou E. The NATO Committee on the Challenges of Modern Society, 1969–1975. Transatlantic Relations, the Cold War and the Environment. Palgrave Macmillan, 2017. XIII, 287 p.
- Herzog S., Kunertova D. NATO and Emerging Technologies—The Alliance’s Shifting Approach to Military Innovation // Naval War College Review. 2024. Vol. 77. No. 2. P. 47–69.

- Horowitz M.C.* The Diffusion of Military Power. Princeton: Princeton University Press, 2010. 273 p.
- Ince N.* NATO's Science Programme and the Committee on the Challenges of Modern Society – International Collaboration in Technoscience // *Perceptions. Journal of International Affairs.* 1999. Vol. IV. No. 1.
- Krige J.* American hegemony and the postwar reconstruction of science in Europe. Cambridge (MA): The MIT Press, 2006. 376 p.
- Krige J.* Greening the alliance: the diplomacy of NATO's science and environmental initiatives // *Annals of Science.* 2019. Vol. 76. Iss. 3-4. P.391–393 DOI: 10.1080/00033790.2019.1649725
- Krige J.* NATO and the strengthening of Western science in the post-Sputnik era // *Minerva.* 2000. Vol. 38. No. 1. P. 81–108.
- Lanowska A.* Military Alliances in the Twenty-First Century. Cambridge: Polity Press, 2022. 272 p.
- Mayer M. et al.* (Eds.) The Global Politics of Science and Technology. Vol. 1: Concepts from International Relations and Other Disciplines. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2014. 282 p
- Mayer M. et al.* (Eds.) The Global Politics of Science and Technology. Vol. 2: Perspectives, Cases and Methods. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2014. 302 p.
- Mayer S.* (ed.) NATO's Post-Cold War Politics. The Changing Provision of Security. Palgrave Macmillan, 2014. XIII, 334 p.
- Milner H.W., Solstad S.U.* Technological Change and the International System // *World Politics.* 2021. Vol. 73. No. 3. P. 545–589. DOI: 10.1017/S0043887121000010
- Nierenberg W.A.* NATO science programs: origins and influence // *Technology in Society.* 2001. Vol. 23. No. 3. P. 361–374. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0160-791X\(01\)00019-7](https://doi.org/10.1016/S0160-791X(01)00019-7)
- Schmid J., Brummer M., Taylor M.Z.* Innovation and Alliances // *Review of Policy Research.* 2017. Vol. 34. No. 5. P. 588–616. DOI:10.1111/ropr.12244
- Sperling J., Webber M.* (Eds.) The Oxford Handbook of NATO. Oxford: Oxford University Press, 2025. 977 p.
- Turchetti S.* Shield and Buoys: A History of the NATO Sub-Committee on Oceanographic Research, 1959–1973 // *Centaurus.* 2012. Vol. 54. No. 3. P.205-231 DOI 10.1111/j.1600-0498.2012.00258.x
- Turchetti S.* Trading Global Catastrophes: NATO's Science Diplomacy and Nuclear Winter // *Journal of Contemporary History.* 2021. Vol. 56. No. 3. P.543-562
- Turchetti S., Roberts P.* (Eds.). The Surveillance Imperative: Geosciences during the Cold War and Beyond. Palgrave Macmillan, 2014. 278 p.
- Walsh J.* NATO Science Committee: Redefining Mutual Security // *Science.* 1978. Vol. 200. No. 4340. P. 415–417. DOI: 10.1126/science.200.4340.415
- Walt S.* The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 336 p.
- Weiss Ch.* How Do Science and Technology Influence International Affairs? // *Minerva.* 2015. Vol. 53. No. 4. P. 411–430. DOI 10.1007/s11024-015-9286-1
- Weiss Ch.* Science, Technology and International Relations // *Technology in Society.* 2005. Vol. 27. No. 3. P. 295–313. DOI:10.1016/j.techsoc.2005.04.004
- Wong P.N.* Techno-Geopolitics: U.S.-China Tech War and the Practice of Digital Statecraft. Abingdon: Routledge, 2021. 134 p.
- Wullweber J.* International Competition and Nanotechnology Policies: Discourse, Hegemony, and International Political Economy // Mayer M. et al. (Eds.) / *The Global Politics of Science and Technology.* Vol. 1: Concepts from International Relations and Other Disciplines. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2014. P.75–90. DOI: 10.1007/978-3-642-55007-2_4

NATO SCIENCE & TECHNOLOGY

MISSION WITH RESERVATIONS

ALEXANDER PAVLOV

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

The growing tendency to treat technological development as a matter of security among other things stimulates research on science, technology and innovation activities within military alliances. The article

focuses on NATO science and technology (S&T) cooperation which has been among its least examined functions up to date. The topic's relevance is created by the current effort to construct a new mission for the Alliance, namely sponsoring next-generation dual-use technologies known as emerging and disruptive technologies (EDTs). Cooperative S&T mechanisms have been functioning almost since the very beginning of NATO. The author introduces a structured concept of NATO's S&T development. The goal is to find out the purpose of this non-core mission as well as to evaluate its impact on how the Alliance has evolved. Cooperative S&T projects were designed to strengthen the allied capabilities and, more significantly, compensate for intra-alliance rifts. Later they transformed into an additional venue to engage non-NATO countries. NATO S&T prompted internationalization of some transatlantic activities. However, its effectiveness was questionable and new collisions were induced. NATO's shift to EDTs falls into the established pattern (ensuring Allied cohesion through functional expansion). At the same time the recently created tools for promoting innovation put the Alliance into a new position in the global technological race – as an active participant and major platform for steering Transatlantic technological development. Claiming this ambitious role poses a question about the sufficiency of the current political basis and the bounds of possibility.

Keywords:

NATO, transatlantic relations, science and technology cooperation, emerging and disruptive technologies (EDTs), dual-use technologies, defence innovation

References

- Aleshin A.A. (2023). Velikobritaniia–Evrosioiuz–NATO: reorganizatsiia «transatlanticheskogo prostranstva bezopasnosti» [Britain–the European Union–NATO: Reorganization of the “Transatlantic Security Space”]. M.: «Aspekt Press». 317 p.
- Antyukhova E. (2024). Sistema planirovaniya deyatel'nosti NATO v kontekste polozheniy Povestki «NATO-2030» i Strategicheskoy kontseptsii NATO 2022 g. [The NATO Planning System in the Context of the Provisions of the NATO 2030 Agenda and the NATO 2022 Strategic Concept]. *International Organisations Research Journal*. Vol. 19. No. 3. P. 31–47. DOI:10.17323/1996-7845-2024-03-02
- Bączyk M., Frenken K., Punt M.B., Wanzenböck I. (2024). International alliances and technology diffusion: A worldwide analysis of adoption of energy, railway and satellite technologies. *PLOS Sustainability and Transformation*. Vol. 6. No. 3: e0000112. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pstr.0000112>
- Bliek J. (Ed.). (1999). AGARD. *The history, 1952-1997. The NATO Research and Technology Organization*. Printed by SPS Communications. 215 p.
- Buzan B. (1987). *An Introduction to Strategic Studies: Military Technology and International Relations*. London: Palgrave Macmillan. 342 p.
- Callado-Muñoz F.J., Hromcová J., Utrero-González N. (2019). Trade and Military Alliances: Evidence from NATO. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. Vol. 25. No. 4. P. 20190027. DOI: 10.1515/peps-2019-0027
- Carey R., Salmon T. (1996). *International Security in the Modern World*. New York: Palgrave Macmillan. 241 p.
- Danilin I.V. (2021). Amerikano-kitaiskaia tekhnologicheskaja voina cherez prizmu tekhnonsatsionalizma [The U.S.-China technological war through the prism of techno-nationalism]. *Pathways to Peace and Security*. Vol. 60. No. 1. P. 29–43. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43
- Danilin I.V. (2018). Razvitie perspektivnykh tekhnologii: vyzovy dlia nauchno-tekhnologicheskoi i innovatsionnoi politiki [Emerging Technologies Development: Challenges for the Science, Technology and Innovation Policies]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 63. No. 6. P. 255–270. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-255-270
- Danilov D.A. (2021). Global'nye gorizonty Atlanticheskogo al'iansa: «vaksina» Baidena [Global Horizons of the Atlantic Alliance: the Biden «Vaccine»]. *Sovremennaya Evropa*. No. 5. P. 19–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520211931>
- Drezner D.W. (2019). Technological change and international relations. *International Relations*. Vol. 33. No. 2. P. 286–303. DOI: 10.1177/0047117819834629
- Fenstad J.E. (2009). NATO and Science. *European Review*. Vol. 17. No. 3-4. P. 487–497. DOI: 10.1017/S1062798709000908
- Hatzivassiliou E. (2017). *The NATO Committee on the Challenges of Modern Society, 1969–1975. Transatlantic Relations, the Cold War and the Environment*. Palgrave Macmillan. XIII, 287 p.

- Herzog S., Kunertova D. (2024). NATO and Emerging Technologies – The Alliance's Shifting Approach to Military Innovation. *Naval War College Review*. Vol. 77. No. 2. P. 47–69.
- Horowitz M.C. (2010). *The Diffusion of Military Power*. Princeton: Princeton University Press. 273 p.
- Ince N. (1999). NATO's Science Programme and the Committee on the Challenges of Modern Society – International Collaboration in Technoscience. Perceptions. *Journal of International Affairs*. Vol. IV. No. 1.
- Istomin I., Baikov A. (2019). Dinamika mezhdunarodnykh al'iansov v neravnovesnoi mirovoi sisteme [Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 1. P. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sushentsov A.A., Rebro O.I. (2020). Logika evoliutsii NATO: dostizheniia i perspektivy [Patterns of NATO Evolution: Achievements and Prospects]. *World Economy and International Relations*. Vol. 64. No. 1. P. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34
- Istomin I.A., Levchenko A.V. (2024). Meniaiushchiasia rol' voenno-politicheskikh al'iansov posle kholodnoi voiny [Changing role of security alliances in the post-Cold War era]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 16. No. 1. P. 51–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-51-92
- Istomin I. (2017). Sovremennaiia zapadnaia teoriia voenno-politicheskikh al'iansov. Dostizheniia i laku ny [Western Theory of International Military Alliances. The State of the Discipline]. *International Trends*. Vol. 15. No. 4. P. 93–114. DOI 10.17994/IT.2017.15.4.51.6
- Krige J. (2006). *American hegemony and the postwar reconstruction of science in Europe*. Cambridge (MA): The MIT Press. 376 p.
- Krige J. (2019). Greening the alliance: the diplomacy of NATO's science and environmental initiatives. *Annals of Science*. Vol. 76. Iss. 3–4. P. 391-393 DOI: 10.1080/00033790.2019.1649725
- Krige J. (2000). NATO and the strengthening of Western science in the post-Sputnik era. *Minerva*. Vol. 38. No. 1. P. 81–108.
- Lanowska A. (2022). *Military Alliances in the Twenty-First Century*. Cambridge: Polity Press. 272 p.
- Mayer M. et al. (Eds.) (2014). *The Global Politics of Science and Technology*. Vol. 1: Concepts from International Relations and Other Disciplines. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. 282 p.
- Mayer M. et al. (Eds.) (2014). *The Global Politics of Science and Technology*. Vol. 2: Perspectives, Cases and Methods. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. 302 p.
- Mayer S. (Ed.) (2014). *NATO's Post-Cold War Politics. The Changing Provision of Security*. Palgrave Macmillan. XIII, 334 p.
- Mel'nikova Yu.Yu. (2024). Sek'iuritizedsiia KNR v diskurse NATO vo vtoroi polovine 2010-kh – nachale 2020-kh godov kak chast' formirovaniia global'noi identichnosti al'iansa [Securitization of China in the NATO discourse in the late 2010s – early 2020s: Towards a global collective identity]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 16. No. 1. P. 163–201. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-163-201
- Milner H.W., Solstad S.U. (2021). Technological Change and the International System. *World Politics*. Vol. 73. No. 3. P. 545–589. DOI: 10.1017/S0043887121000010
- Nierenberg W.A. (2001). NATO science programs: origins and influence. *Technology in Society*. Vol. 23. No. 3. P. 361–374. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0160-791X\(01\)00019-7](https://doi.org/10.1016/S0160-791X(01)00019-7)
- Pankova L.V., Gusarova O.V. (2019). Innovatsionno-tekhnologicheskie proryvy: vliianie na sistemuu kontroliia nad vooruzheniiami [Innovation-technological breakthroughs: Influence on the arms control]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 6. P. 70–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-70-83
- Pankova L.V., Gusarova O.V. (2022). Mirovaia innovatsionno-tsifrovaia ekspansii: osobennosti momenta [World Innovative Digital Expansion: Characteristics of the Moment]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92. No. 10. P. 971–983. DOI: 10.31857/S0869587322100097
- Prokhorenko I.L. (2024). Politika partnerstva NATO: ot voennogo al'iansa k soobshchestvu bezopasnosti i obratno [NATO's Partnership Policy: From the Military Alliance to the Security Community, and Back Again]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 16. No. 1. P. 141–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162
- Schmid J., Brummer M., Taylor M.Z. (2017). Innovation and Alliances. *Review of Policy Research*. Vol. 34. No. 5. P. 588–616. DOI:10.1111/ropr.12244
- Sperling J., Webber M. (Eds.) (2025). *The Oxford Handbook of NATO*. Oxford: Oxford University Press. 977 p.
- Suchkov M.A. (2022). «Geopolitika tekhnologii»: mezhdunarodnye otnosheniia v epokhu Chetvertioi promyshlennoi revoliutsii [“The Geopolitics of Technology”: International Relations and the Fourth Industrial Revolution]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. Vol. 15. No. 2. P. 138–157. DOI: 10.21638/spbu06.2022.202

- Turchetti S. (2012). Sword, Shield and Buoys: A History of the NATO Sub-Committee on Oceanographic Research, 1959–1973. *Centaurus*. Vol. 54. No. 3. P.205-231 DOI: 10.1111/j.1600-0498.2012.00258.x
- Turchetti S. (2021). Trading Global Catastrophes: NATO's Science Diplomacy and Nuclear Winter. *Journal of Contemporary History*. Vol. 56. No. 3. P.543-562
- Turchetti S., Roberts P. (Eds.) (2014). *The Surveillance Imperative: Geosciences during the Cold War and Beyond*. Palgrave Macmillan, 2014. 278 p.
- Walsh J. (1978). NATO Science Committee: Redefining Mutual Security. *Science*. Vol. 200. No. 4340. P. 415–417. DOI: 10.1126/science.200.4340.415
- Walt S. (1987). *The Origins of Alliances*. Ithaca: Cornell University Press. 336 p.
- Weiss Ch. (2015). How Do Science and Technology Influence International Affairs? *Minerva*. Vol. 53. No. 4. P. 411–430. DOI 10.1007/s11024-015-9286-1
- Weiss Ch. (2005). Science, Technology and International Relations. *Technology in Society*. Vol. 27. No. 3. P. 295–313. DOI:10.1016/j.techsoc.2005.04.004
- Wong P.N. (2021). *Techno-Geopolitics: U.S.-China Tech War and the Practice of Digital Statecraft*. Abingdon: Routledge. 134 p.
- Wullweber J. (2014). International Competition and Nanotechnology Policies: Discourse, Hegemony, and International Political Economy. P.75–90. In: Mayer M. et al. (Eds.) *The Global Politics of Science and Technology*. Vol. 1. Global Power Shift. Springer, Berlin, Heidelberg. DOI: 10.1007/978-3-642-55007-2_4

FREEDOM HOUSE* RATINGS' DISTORTION BY US ATTITUDE

DYLAN PAYNE ROYCE

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Abstract

Although studies have already found Freedom House's* Freedom in the World rankings to be geopolitically biased, the index remains in use by academia (including Russian academia) with surprising frequency. This article provides detailed and quantitative evidence that Freedom House* is essentially part of the US Government and US political establishment, and is thus in principle liable to issue moral judgements that are distorted by the US's attitude towards the states under judgement. The article then develops a more accurate formula for calculating a state's democraticness according to the Polity index, and also develops an improved method, based on arms transfers and UNGA voting, of approximating states' alignment with the US (and thus presumed US attitude towards states). It then uses these metrics to measure the effect of US attitude on Freedom House's* evaluations of states' freedom/democracy. This bias is found to be about half as powerful as the effect of actual regime type, approaching equal size in more recent years. Its magnitude is sufficient to, in some cases, completely transform a state's regime type, from very democratic to very authoritarian or (less commonly) vice versa. These findings cast grave doubt upon the validity of Freedom House* metrics and confirm the US's status as a universalistic state whose application of its own Cosmopolitan-Liberal ideology is deeply flawed, and they problematize political science in universalistic states as not only (or at all) a source of knowledge, but also (or instead) an important source of legitimization and motivation for such states' international behavior.

Keywords:

US; attitude; Freedom House; Polity; regime type; democracy; bias; alignment; arms; UNGA

Introduction

This article tests the *Freedom in the World* ratings of Freedom House (FH)* for bias resulting from US government (USG) attitude and associated with states' (non)alignment with the US.

Section by section, this article:

- Shows that FH's* (in)accuracy is important, *inter alia*, because FH* is cited with surprising frequency within Russian academia.
- Reviews the existing literature on FH's* possible bias, and outlines this article's contribution to the subject.

- Explains that FH* is functionally part of the USG and representative of the US political elite, and thus liable to be biased.
- Details why and how FH* judgements are incorporated into the analysis as a simple average of FH's* *Political Rights* and *Civil Liberties*.
- Evaluates various measures of regime type, selecting Polity as the best baseline measure against which FH* can be compared.
- Examines Polity's various components, selecting *Competitiveness of Executive Recruitment* and *Competitiveness of Participation*.

---

* Designated an undesirable organization in Russia by Ministry of Justice Order No. 619-R of 21 May 2024 and by decision of the Office of the General Prosecutor on 6 May 2024.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.07.2025

Дата принятия к публикации: 28.01.2026

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: dylanproyce@yandex.ru

- Details how they are transformed into a single measure of democracy.

- Explains why and how voting alignment in the UN General Assembly, and patterns of arms transfers, are used to create a measure of US relations/attitude vis-à-vis other states.

- Carries out the core analysis, regressing FH* judgements over actual regime type (Polity) and US attitude (UNGA and arms) in 1972–2018. Bias is most certainly found. US attitude has a p-value of .000 in nearly all models, and its effect is about half as large (coefficient 62%, fixed-effects coefficient 59%, effect size 47% as large) as that of actual regime type. It approaches or even exceeds the effect of regime type in 2014–2018 (coefficient 84%, fixed-effects coefficient 130%, effect size 67%). And these figures refer to average effects; in many categories of actual regime type, many or most US-hostility-afflicted states are greatly or even fully ‘downgraded’ by FH*.

- Discusses the results and concludes.

Russian academic literature’s citation of Freedom House’s* *Freedom in the World*

FH’s* (in)accuracy is an important matter, *inter alia*, because the index is relied upon with surprising frequency by respected Russian scholars in leading Russian journals. (Regarding English-language usage in 1973–2010, see Bush [2017: 718].)

Overall, within CyberLeninka’s database for the period 2011–2024, 152 Russian-language articles reference Freedom House’s* *Freedom in the World* index¹. The standout journals are

Political Science (*Политическая наука*), with eleven articles, and *Politeia* (*Полития*), with seven articles; all others have four or fewer.

Excluding predatory and student journals, 2020–2024 saw the publication of thirty articles that substantively engage with FH*, referencing its judgement of at least one country.

Across the reviewed corpus, six articles adopted a condemnatory, critical, or at minimum skeptical stance toward Freedom House (FH), treating it as a potentially biased source². Three articles were largely neutral and descriptive, or approached FH’s indicators instrumentally – emphasizing how states might “game” the metrics rather than treating them as objective measures of political reality³. By contrast, twenty-one articles employed FH’s* ratings without critical scrutiny⁴. In four of these cases, FH’s* ratings were used alongside *The Economist*’s Democracy Index⁵; in two cases, alongside Polity⁶; and in one case, alongside both Polity and V-Dem⁷.

Thus, the Russian literature utilizes FH* with substantial frequency and little skepticism. (Which would itself seem to contradict FH’s* definition of Russia as a “consolidated authoritarian regime” [Shushpanova 2022: 152].) Such uncritical usage is problematic because, as discussed in the next section, studies have repeatedly uncovered a political-strategic bias within FH’s* ratings.

The literature on FH* bias

FH* has repeatedly been characterized in the literature as a potentially biased source.

¹ Annually, the figures are 7, 9, 9, 9, 9, 9, 14, 15, 15, 18, 7, 16, 8, and 7. The search’s URL is <cyberleninka.ru/search?q=“freedom in the world” “freedom house” что&page=1 >.

² Лукашов, Лукашова, Латов 2021; Межевич 2020; Родионов 2022; Ткаченко 2024: 49; Травкина, Васильев 2023; Файнберг 2024: 74. For bibliographic information, see Appendix 1.

³ Власова 2023; Даукш, Парпинская-Сакович 2022: 60; Садченко 2020. See Appendix 1.

⁴ Алимов, Матяшева 2020: 22; Аргылов, Меньшиков, Шоботенко 2022: 145; Бабич, Батыков 2022: 193; Бедерсон, Семенов 2020: 100; Войтов, Журбей 2023: 160; Волков, Гончаров, Снеговая 2020; Елисеев 2020: 99; Жданов 2020: 65; Иншаков, Малинова 2020; Киртон, Уоррен 2022: 120; Кортаев et al. 2022; Крюкин 2020: 275; Летняков 2020: 377; Лудена Лопес 2022: 91; Малашенко, Нисневич, Рябов 2020: 91; Малашенкова, Харитоновна 2022: 258; Мамедов, 2023: 738; Пархоменко 2022: 133; Пашенцев, Базаркина, Кросстон 2022: 91; Шебеко, Шебеко 2024: 8; Шушпанова 2022: 152. See Appendix 1.

⁵ Елисеев 2020: 99; Иншаков, Малинова 2020; Летняков 2020: 377; Шушпанова 2022: 152. See Appendix 1.

⁶ Бедерсон, Семенов 2020: 100; Жданов 2020: 65. See Appendix 1.

⁷ Кортаев et al. 2022. See Appendix 1.

Much of this discussion has focused either on anomalies in the ratings of individual countries [Scoble, Wiseberg 2019; Hartmann, Hsiao 1988; Goldstein 1992; Mainwaring, Brinks, Perez-Linan 2001] or on how domestic (regional, ethnic, religious, etc.) characteristics of evaluated states relate to the ratings [Bollen 1993; Bollen, Paxton 1998; 2000].

Fewer studies have attempted to quantify whether FH* assessments are associated with US government (USG) attitudes. Two that have both report associations between FH* scores and alignment with the US. Steiner [2014: 18] finds that FH* ratings are positively and negatively associated, respectively, with alliance ties and antagonistic relationships with the US. Bush [2017: 722] similarly reports that states more closely aligned with the US in UNGA voting receive higher average ratings from FH* than from Polity.

Yet neither Steiner nor Bush directly estimate the magnitude of this association. In particular, Steiner models USG–state relations using multiple indicators whose coefficients do not always point in the same direction, complicating the calculation of their net effect. More generally, differences in how “actual democracy” and US–state relations are operationalized may affect the precision and comparability of the estimates.

This study seeks to advance the measurement strategy and scope of this line of inquiry in several respects. First, it extends the temporal coverage from 1972–2000 (Steiner) and 1972–2004 (Bush) to 1972–2018, ending before a subsequent methodological adjustment in FH*'s approach. Second, to capture regime characteristics, it replaces the Combined Polity Score used by Steiner and Bush with a measure derived from two Polity components that is intended to be more precise and closer to the construct employed by FH*. Third, for proxies of USG attitudes toward

other states, it retains UNGA voting alignment (as in Steiner and Bush) but excludes several additional indicators used by Steiner – US financial assistance⁸, overlap with the US alignment portfolio⁹, and repeated military conflict with the US¹⁰ – while incorporating an improved measure of arms transfers. Finally, the study focuses not only on whether an association between US alignment and FH* ratings is detectable, but also on estimating its approximate magnitude.

Freedom House* is part of the USG and representative of the US political elite, and thus liable to be biased

FH*'s position within US policy and political networks has been discussed in prior scholarship, including by Sarah Bush, who characterizes Freedom House as having an “ideological affinity” with the US government. She also notes a degree of personnel circulation between Freedom House and the USG, citing individuals such as David Kramer (FH* President 2010–2014; Assistant Secretary of State), Max Kampelman (FH* board member; US ambassador), Jeanne Kirkpatrick (FH* board member; US ambassador), Thomas Melia (FH* Deputy Executive Director; Deputy Assistant Secretary of State), and Jennifer Windsor (FH* Executive Director; USAID Deputy Assistant Administrator) [Bush 2017: 720]. In addition, Bush reports that, among the six FH* executive directors for whom biographical information was available, all had “worked for the [US] government or military,” as did Raymond Gastil, who developed the methodology of Freedom in the World and led the project in 1972–1989 [Ibid: 724]. For a further list and broadly similar conclusions, see Giannone [2010: 73–75].

To provide a descriptive estimate of overlap between FH* leadership and the broader US political establishment, I compiled a partial network diagram (Supplement: Establishment

⁸ Applicable only to low-income states.

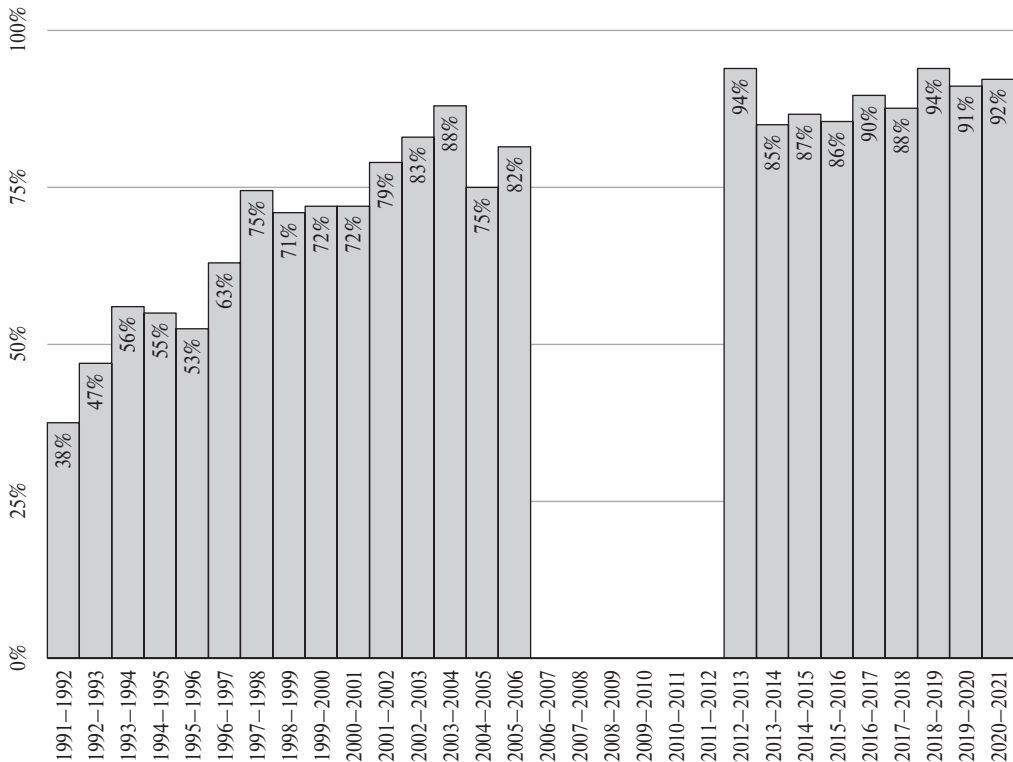
⁹ Entirely spurious, as nominal alliances (e.g. US-Cuba per the 1947 Rio Treaty) may be fictional, while real alliances (e.g. US-Israel) may not be formally enshrined. Hence the measure's unexpectedly negative association with FH* ratings [Steiner 2014: 15].

¹⁰ Relevant in only a very small number of cases.

Diagram)¹¹. Among 39 members of FH's* senior leadership in 2000, 62% had previously served, were serving, and/or would later serve as officials within the US government and/or major US political parties, while an additional 23% appear institutionally proximate to these networks¹².

Moreover, FH* ratings are used by the USG as criteria “to determine whether countries qualify to receive economic aid via the Millennium Challenge Corporation” and “to evaluate its efforts to promote democracy in the developing world” [Bush 2017: 711; Giannone 2010: 75].

Figure 1
Proportion of Freedom House* financing provided by the USG, by fiscal year
(data for 2006–2007 through 2011–2012 missing)

Source: Author's calculations ¹³.

¹¹ This analysis encompasses the USG, the US's two governing parties, and various nominally-non-governmental organizations that are quite deeply enmeshed within the USG and with one another.

¹² Specifically, one appointed Donald Rumself to the board of his own company, one signed the *Statement of Principles* of the Project for the New American Century (PNAC), one was the wife of the US Ambassador to China, two were members of the neoconservative quasi-political-party Social Democrats USA, two were members of the pro-separatist/pro-terrorist American Committee for Chechnya, and two were members of both the Social Democrats and the Committee.

¹³ Percentages for FY1991/1992 – FY2005/2006 approximated from Figure 4 in Bush [2017: 720]. USG and total funding for FY2012/2013 – FY2020/2021 is derived from: “Freedom House[*] Inc., Statement of Activities, Year Ended June 30, 2014”, <web.archive.org/web/20150910085258/>

Finally, FH* receives substantial funding from the US government (see Figure 1).

In sum, measured by personnel or by funding, FH* is functionally part of the USG.

Several factors suggest that its judgments may be affected by bias. The most salient among them is as follows: States¹⁴, especially ones that are morally-ideologically driven, tend to condemn those with which they come into conflict¹⁵. And for states that perceive the world through a universalistic identity-morality-ideology (IMI), general condemnation of another state leads to (or is equivalent to) condemnation per the universalist's IMI. In the case of the US, that means categorizing the state as lacking in democracy, which is (notionally) Cosmopolitan-Liberalism's fundamental value and absolute good. These categorizations may end up quite detached from reality¹⁶; FH* judgements may end up correlated not only with actual regime type, but also with states' relations with the US.

Investigating this requires measures of FH* judgements, of actual regime type, and of alignment with the US.

The measure of FH's* judgements

From 1972 through 2018, FH* issued judgements of states' *Political Rights* and *Civil Liberties*, each ranging from 7 ("least free") to 1 ("most free"). Since 2019, these have been replaced with a 0–40 PR scale and a 0–60 CL scale. This study analyzes the 1972–2018 data, although future work would probably benefit from incorporating the newer data as it becomes voluminous enough for robust statistical analysis.

FH* presented PR and CL as equally important, and calculated states' overall "freedom rating" (that is indeed the measure's actual name) by simply averaging PR and CL. And this average is FH's* final product, which would be most directly aligned with USG attitudes if those are indeed biasing the results.

https://freedomhouse.org/sites/default/files/FY14_Statement_of_Activities.pdf; "Freedom House[*] Inc., Financial Statements, Year Ended June 30, 2016", <projects.propublica.org/nonprofits/display_audit/1078020161>, PDFp6; "Freedom House[*] Inc., Financial Statements, Year Ended June 30, 2018", <projects.propublica.org/nonprofits/display_audit/1078020181>, PDFp6; "Freedom House[*] Inc., Financial Statements, Year Ended June 30, 2020", <projects.propublica.org/nonprofits/display_audit/1078020201>, PDFp6; "Freedom House[*] Inc., Financial Statements, Year Ended June 30, 2021", <projects.propublica.org/nonprofits/display_audit/1078020211>, PDFp6.

¹⁴ This article essentially black-boxes the state, treating its foreign-policy-making elite as a monolith that has roughly common opinions of foreign countries (just as it has a roughly common IMI). This is, obviously, a simplification. Every political elite contains a range of opinions, and holders of highly atypical views may occasionally acquire significant influence or power. This has arguably happened in the case of Trump, who is ideologically orthogonal to the US political elite, and outright hostile to FH* and related organizations. With that said, the degree to which apparent divergences represent actual change – let alone the degree to which any change is likely to be lasting – should not be overestimated. Insofar as any divergence does actually take place, and manifests in the arms sales and UNGA voting patterns of the US, this would drag US attitude as measured in this study away from the attitude of the broad political elite and towards that of the diverger affecting policy (in this case, Trump). However, this would only serve to distort measurement of the political establishment's attitude, and thus minimize its measured effect on FH* ratings, meaning that the actual effect is even greater than calculated. Furthermore, this analysis concludes in 2018, only two years into Trump's first administration, which was much more conventional than the second. Moreover, these two years provide almost no time for Trump to affect patterns of US arms transfers, which are generally a matter of years and even decades. In sum, any Trump-versus-establishment divergence is debatable, at most of limited significance to 2017–2018, and only going to understate this article's argument insofar as it has any effect at all.

¹⁵ The various mechanisms by which this can occur are listed in the Theory of Particularism/Universalism [Royce 2025], but include the Egocentric Bias in Moral Judgement, due to which one's enemies are emotionally disliked [Epley, Caruso 2004: 178-182], the Fundamental Attribution Error, due to which disliked behavior is attributed to fundamental attributes of the actor [Gawronski 2007], and universalistic manichaeism, due to which one's own state is seen as morally-ideologically good, and its enemies as morally-ideologically bad [Kennedy 2013].

¹⁶ Royce [2025] cites various examples of this [Samuels 1991; Owen 1993; Oren 1995; Peceny 1997; Oren 2005].

Therefore, I construct *FHTotal*, the measure of FH's* judgements to be used in this analysis, as the (unweighted¹⁷) average of *PR* and *CL*. It is transposed onto a scale from 0 (entirely undemocratic) to 100 (entirely democratic). Since both *PR* and *CL* are 7-step scales, *FHTotal* has 14 total steps, each separated from the next by 7.69 points.

Various measures of states' levels of democracy

We now require a measure of actual regime type with which to compare *FHTotal*. Superficially, there is a plethora of measures from which to choose, but most are actually unsuitable. For instance, of the measures listed in one recent review [Grundler, Krieger 2021: 4]:

The Boix-Miller-Rosato and Bjornskov-Rode indices are dichotomous, and thus insufficiently precise for our purposes. (They are also beset by more complex problems.)

The Vanhanen index has the advantage of more or less total objectivity, but it also has very low validity. It does not consider political competition's freedom/fairness *per se*, instead relying entirely on turnout and on non-ruling parties' share of the vote. (In both cases, higher values are more democratic.) It is thus unable to distinguish between e.g. a genuinely popular ruling party vs. a rigged election, or artificially-suppressed turnout vs. the electorate's normal

apathy. Indeed, the index will perversely penalize governments that enjoy wide support from the *demos*, and perversely reward those that coerce mass turnout.

The Acemoglu-Naidu-Restrepo-Robinson and Pemstein-Meserve-Melton indices are derived from combinations of the above-listed indices (thus inheriting their limitations), from Polity (which I will shortly argue for using in isolation), and from FH* itself (thus being unsuitable as baselines with which to compare FH*).

Finally, *V-Dem* [Coppedge et al. 2025] and the *Lexical Index of Electoral Democracy* [Skaaning 2021] are manifestly inaccurate, at least partly due to an apparent US bias¹⁸.

Two other measures, not considered by Grundler and Krieger, are the Economist Intelligence Unit's *Democracy Index* and the *Bertelsmann Transformation Index*. But the EIU covers only 2006, 2008, and 2010–2018, while the BTI covers only 2006–2018 (or less, for many countries) and does not evaluate the OECD. (Once again, this does not even touch on more complex problems with these two indices.)

Therefore, *Polity* is the most suitable measure of freedom/democracy, with which to compare FH*.

It is true that, in the late 1990s, Polity joined the State Failure Task Force [Marshall, Gurr 2020: 1], which is “funded by the Central Intelligence Agency”¹⁹. However, Polity began

¹⁷ Alternative weightings would have negligible effect on the results: within the full sample's 6414 country-years analyzed in the regressions below, *PR* and *CL* have a correlation of .932.

¹⁸ For instance, according to V-Dem, as of 2024, “liberal democracy” is supposedly greater in the absolute monarchy of Qatar (8/100) than in Russia (6), greater in Israel (62) than in Hungary (32), greater in Montenegro (48) than in Serbia (22). Of course, Qatar, Israel, and Montenegro are US allies, while Russia and Serbia are not, and Hungary has become the great bugbear of Cosmopolitan-Liberals in the US-Led Bloc. Actually, even the US in 1789 – when slavery flourished and only propertied white men could vote – is considered to be more liberal-democratic (28/100) than modern-day Russia or Serbia. Also telling, in 2024, Slovakia was punished for electing Robert Fico, with a sharp downgrade from 73 to 58, while Poland was rewarded for voting out its national conservatives with a similarly-sharp upgrade from 45 to 62. As for the LIED, consider that Russia is classified as lacking competitive elections beginning in 2004, and as completely lacking multiparty legislative elections beginning (probably not by coincidence) in 2022. Both claims are false, but the latter's objective inaccuracy is particularly indisputable; non-ruling parties have 27.3% of seats, with the largest at 12.7%. Meanwhile, Azerbaijan is classified as “multi-party”, the next step up, even though all non-ruling parties collectively hold 10.4% of seats in parliament, with the largest at a mere 2.4%. And Ukraine is an “electoral democracy”, the second-highest category, even though its non-ruling parties (last elected in 2019) won 29.2% of seats, with the largest at 10.1%, figures that barely differ from Russia's. (For parliamentary data, see: IPU Parlaine. URL: <https://data.ipu.org> (accessed 08.12.2025)).

¹⁹ Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013 // Center for Systemic Peace. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed: 08.12.2025).

well earlier, in the 1970s [Marshall, Gurr 2020: 3–4], and its methodology was thus developed and applied for many years by just a few American scholars, seemingly with little influence from the US political establishment.

More importantly, Polity does not present itself as a freedom index or even a democracy index, as it describes aspects of political systems that are broader than just democracy/autocracy.

Polity's work thus appears to be more fact-based, and less susceptible to US Cosmopolitan-Liberal bias, than FH* and many of the other indices considered above²⁰. This analysis uses, specifically, the Polity V dataset²¹.

Selecting Polity's applicable indicators

However, precisely because Polity is not intended to be a freedom index, not all of its indicators are directly comparable to FH's* *Political Rights (FHPR)* and *Civil Liberties (FHCL)* scores.

Competitiveness of Executive Recruitment (henceforth *ExecCompet*) is best understood as the extent to which “chief executives are...chosen in...competitive elections” [Marshall, Gurr 2020: 22]. *Competitiveness of Participation (ParticCompet)* is “the extent to which alternative preferences for policy and leadership can be pursued in the political arena” [Ibid: 26]. Together, they directly or indirectly address all (except possibly the last) of *FHPR*'s eight components (see Appendix 2). As for *FHCL*'s fourteen components, four are so broad, vague, complex, and/or contested that measurement is essentially impossible (see Appendix 3), six are covered by *ExecCompet* and/or *ParticCompet*

(Appendix 4), one is both incoherent and covered (Appendix 5), and only three are neither of those things (Appendix 6). Thus, insofar as *FHCL* is coherent, it too is largely incorporated into *ExecCompet* and *ParticCompet*²². Confirming this, within the data's 6,414 country-years, a compound of Polity's *ExecCompet* and *ParticCompet*²³ correlates with *FHPR* alone at a rate of .878, but with the average of *FHPR* and *FHCL* at a negligibly higher rate of .881.

On the other hand, Polity's other four components are generally not directly related to democracy, *FHPR*, or *FHCL* (see Appendix 7). Nevertheless, Polity uses them (except for *Regulation of Chief Executive Recruitment*), along with *ExecCompet* and *ParticCompet*, to calculate the *Institutionalized Democracy Index*, the *Institutionalized Autocracy Index*, and in turn the *Combined Polity Score* (as *Democracy* minus *Autocracy*). Yet, along with the disconnect between democracy and three of the *CPS*'s five components, the *CPS* is also problematic (in general, and especially as a measure of democracy for use here) because of its components' nonsensical weighting, which is most evident if the components' effects on the *CPS* are transposed from the *CPS*'s additive scale of -10 to 10, onto an additive scale of 0 to 100 (see Table 1).

Several problems with the *CPS* are now evident. First, *Constraint on Chief Executive* has been given the greatest weight – 35% – seemingly by accident, just because it has the largest number of distinct categories²⁴. Second, the quantitative distinction, made between the “transitional” (25 points) and “election” (30 points) categories of *ExecCompet*, is inex-

²⁰ Insofar as Polity is still subject to some degree of US bias – it is, after all, an American product – this would partly conceal the effect of that bias upon FH*, meaning that the true effect of USG attitude upon FH* judgements is even larger than estimated in this analysis.

²¹ Polity V dataset // Center for Systemic Peace. 7 February 2021. URL: web.archive.org/web/20220728195009/https://www.systemicpeace.org/inscr/p5v2018.xls (accessed: 08.12.2025).

²² Despite *FHCL*'s superficial distinction from *FHPR*, Gastil himself came to see FH's* ratings, in their entirety, as “essentially a survey of democracy” [Gastil 1990: 26]. Other research has similarly cast doubt on whether *FHPR* and *FHCL* are actually “indicators of distinct aspects of democracy” [Coppedge, Alvarez, Maldonado 2008: 645].

²³ Specifically, *PolityDem*, calculated as $(ExecCompet + ParticCompet + ParticCompet) / 3$ and described in the next section.

²⁴ In fact, it has long been recognized that this component “virtually determines” states' democracy/autocracy as measured by Polity [Gleditsch, Ward 1997: 380], although this may now be less the case than it was for the Polity III data that was available in 1997.

Table 1
CPS components' values, transposed to a 0–100 scale

<i>ExecCompet</i>	<i>Openness of Executive Recruitment</i>				
selection	'closed' OR 'dual (designation)'	†	-3	→	0
selection	open		-2	→	5
unregulated	unregulated		0	→	15
transitional	'dual (election)' OR 'open'	†	+2	→	25
election	open		+3	→	30
					(These pairs of ExecCompet and Openness of Executive Recruitment are their only possible combinations. Values indicate the two components' joint effect on the Combined Polity Score.)
	<i>Constraint on Chief Executive</i>				
	unlimited authority		-3	→	0
	intermediate category		-2	→	5
	slight-moderate		-1	→	10
	intermediate category		+1	→	20
	substantial		+2	→	25
	intermediate category		+3	→	30
	parity or subordination		+4	→	35
	<i>Regulation of Participation</i>				
	restricted		-2	→	0
	sectarian		-1	→	5
	'unregulated' OR 'multiple identity' OR 'regulated'	†	0	→	10
	<i>ParticCompet</i>				
	repressed		-2	→	0
	suppressed		-1	→	5
	unregulated		0	→	10
	factional		+1	→	15
	transitional		+2	→	20
	competitive		+3	→	25
					† These categories are scored identically.

Source: Author's calculations based on Marshall and Gurr [2020: 15–16].

plibly small compared to their major substantive difference. Third, given that (as explained above) *ParticCompet* is one of the only two measures directly related to democracy, and is by far the more wide-ranging of the two, it seems to be severely underweighted. In short, despite its popularity, the *CPS* is not suitable for our purposes.

Calculating the measure of democracy

To produce a better measure of democracy that is maximally comparable to FH*, we should use only *ExecCompet* and *ParticCompet*²⁵.

Their contributions to the CPS transpose onto individual 0–100 scales (lowest value = 0, “unregulated” midpoint = 50, highest value = 100) as detailed in Table 2²⁶:

²⁵ Gleditsch and Ward note that, among the five components of the *Combined Polity Score*, it is *ExecCompet* and *PolitCompet* that correlate most strongly with other (non-Polity) measures of democracy – and it is thus strange that *PolitCompet* plays such a “minor role” in the determination (as calculated by the authors) of states' *CPS* values [Gleditsch, Ward 1997: 379]. And this diminishment of *PolitComp*'s effect makes “popular participation in selection of leaders” – widely seen as a defining feature of democracy – either “totally absent or relatively unimportant” in determining the *CPS* [ibid: 376].

²⁶ This transposition does not affect the actual data, but merely eases interpretation of regression results by bringing the variable onto a 0–100 scale. The one instance of substantive transformation is the compression of the highest three categories of *ParticCompet*, such that 1 point on the *CLS* becomes worth 16.67 points on the transposed 0–100 scale (rather than 25 as is the case for *ParticCompet*'s

Table 2
ExecCompet and ParticCompet, transposed
to 0–100 scales

<i>ExecCompet</i>			
selection	-2	→	0
unregulated	0	→	50
dual/transitional	+1	→	75
election	+2	→	100
<i>ParticCompet</i>			
repressed	-2	→	0
suppressed	-1	→	25
unregulated	0	→	50
factional	+1	→	66.67
transitional	+2	→	83.33
competitive and open	+3	→	100

Source: Author's calculations based on Marshall and Gurr [2020: 15–16].

The overall democraticness of a state (henceforth *PolityDem*) is then calculated by averaging its transposed *ExecCompet* and *ParticCompet* values, with *ParticCompet* weighted twice as heavily:

$$PolityDem = \frac{ExecCompet + ParticCompet + ParticCompet}{3}$$

ParticCompet is doubly weighted because *ExecCompet* relates exclusively to the election (or other form of selection) of the chief executive, whereas *ParticCompet* encompasses nearly all other aspects of the political system: “the extent to which alternative prefer-

ences for policy and leadership can be pursued in the political arena”; the inclusiveness of the political process; the existence and free operation of political parties and an opposition; the integrity of elections; the regularity of voluntary power transfers; etc. [Marshall, Gurr 2020: 26–27]. Additionally, as noted above, *ParticCompet* explicitly overlaps much more than *ExecCompet* does with FH's* *Civil Liberties*. Finally, many of *ParticCompet*'s components are also relevant to the selection of the executive, and are thus implicitly included within *ExecCompet*, too. There should accordingly be little difference between *ParticCompet* and *ExecCompet*, in any case, and they indeed correlate at a rate of .812 within the full sample's 6,414 country-years.

USG attitude toward other states

As for USG attitude toward other states, this analysis estimates it based on (1) voting alignment in the UN General Assembly and (2) arms transfers.

Both are here assumed to be determined by a state's relations (degree of alignment or nonalignment) with the US, which is in turn assumed to be (in the long run) roughly equivalent to the USG's attitude toward that state (since relations determine USG attitude, and vice versa)²⁷. See Figure 2.

first three categories and all of *ExecCompet* categories). However, this is necessary to preserve “unregulated” as the component's middle value — as that category's name, neutral/vacuous description (merely “political participation is less than fully regulated”), and null value on the *CPS* indicate it is meant to be — and to keep the negative and positive sides of the *ParticCompet* scale corresponding to 0–50 and 50–100, respectively.

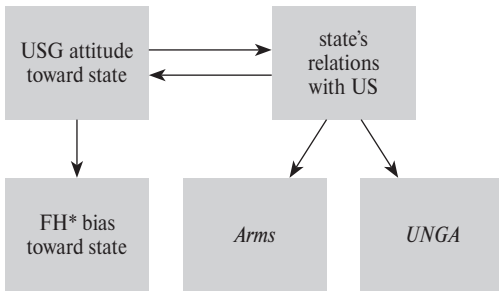
²⁷ According to Royce [2025], the US's moralistic-ideological attitude toward other states is both distorted by their submission/resistance to the US and itself determinative of US behavior. However, for the purposes of this analysis, one need only accept that the USG's attitude toward a state, and that state's relations with the US, generally converge in the long run for one reason or another.

Actually, one may disagree even with that. But, in any case, this study's statistical analysis (see below) does find a state's relations with the US to have a quite strong effect upon FH's* judgement of that state. And if this effect is not mediated through US/FH* attitude, resulting in unconscious bias, then some other explanation is required.

The most obvious alternative is **conscious** bias. FH* does not think better (worse) of states that have good (bad) relations with the US, let alone consider them to be more (less) democratic. But it nevertheless deliberately raises (lowers) their assessed levels of democracy, either voluntarily or by order of the US Government, presumably for the purpose of political propaganda targeting US and/or global audiences.

I consider such an explanation to be significantly less plausible than the unconscious-bias explanation. But it is not ruled out by the study, and some readers may prefer it as an explanation for the study's findings.

Figure 2
Hypothesized influence of this analysis's variables
on one another

Source: Author.

Therefore, *Arms* and *UNGA* can serve as rough proxies for USG attitude, for the purpose of measuring its influence on FH* judgments.

UNGA voting – crude and rather superficial, yet easily quantified – is a very popular measure of states' international positions. For this analysis, I use states' alignment with the "US-led liberal order", in their *UNGA* voting, as calculated by Bailey, Strezhnev, and Voeten [2017]. To construct the *UNGA* measure used in this analysis, the Bailey-Strezhnev-Voeten values, originally running from -2.57 (maximally distant) to +3.08 (maximally aligned with the US), are converted to a 0–100 scale.

This analysis's second measure, arms transfers, is far less popular, and is calculated here from scratch.

Fearon and Hansen [2018] have argued for arms transfers as a measure of state alignment

[Ibid: 6], and find that arms transfers align almost perfectly with paradigmatic foreign policy pivots such as those of Egypt or Iran [Ibid: 12–17], that states with diverging arms-transfer patterns are more likely to fight one another [Ibid: 3], and that arms transfers plausibly illustrate states' alignment both during and after the Cold War [Ibid: 24–25].

For this analysis, I construct a measure of arms transfers that improves upon Fearon and Hansen.

It is based on SIPRI's *Trend Indicator Values* (TIVs), which estimate the production cost and military utility of transferred arms, regardless of their sale price.

The seven largest arms exporters in the 1962–2024 period²⁸, collectively accounting for 88% of all exports in that period, are *a priori*²⁹ classified as:

- US-aligned: the US, UK, France, (West) Germany, and Italy.
- neutral: China (1972–1989).
- US-adversarial: USSR/Russia (all years)³⁰, China (1990–2018).

A state's *Arms* value is then calculated on a 0–100 scale³¹ as:

$$Arms = \frac{USaligned + (0.5 \times neutral)}{USaligned + neutral + USadversarial}$$

However, unlike *UNGA* voting, arms transfers can be sporadic and low-volume. Therefore, a state's *Arms* value for a given year is not calculated solely on the basis of transfers in that year³². Instead, *Arms* is calculated on the basis of the year in question, the preceding

²⁸ Given the procedure for constructing *Arms* (described below), the measure for 1972–2018 should actually use data from 1962–2028. But SIPRI data are presently only available through 2024.

²⁹ Fearon and Hansen [2018: 17] similarly base their measure on the axiomatic classification of certain arms-exporters. However, they do not classify Italy as 'Western', they do not consider China to be a US adversary at any point in time, and they conflate China and all other arms exporters in a third, 'Other' category.

³⁰ It may not strictly be accurate to classify US-Russian relations as adversarial in much of the 1990s, but the assumption is nevertheless functional, since the buyers of Russian arms in this period were still mostly states whose relations with the US were poor (indeed, worse than those of Russia itself): e.g. Algeria, Belarus, China, Cuba, Eritrea, Iran, North Korea, Laos, Libya, Myanmar, Nicaragua, Sudan, Syria, and Vietnam.

³¹ Fearon and Hansen [2018: 18] do not calculate a continuous alignment variable. Rather, they simply classify a state as either "Western", "Eastern", or "Other", depending on which of the three camps provided the largest volume of arms in the given year.

³² Fearon & Hansen [2018: 18] also take measures to deal with zero-volume and low-volume years, but these are more drastic than my own procedure, as they discard small volumes altogether and allow a country's categorization to be determined entirely by transfers that are up to 20 years out of date.

Table 3
Linear regression of *FHTotal* over *PolityDem* and *Att*

ind. var.	coef.	st. err.	p-value	effect size (η^2)
<i>PolityDem</i>	.646	.007	.000	.763
<i>Att</i>	.399	.010	.000	.360
constant	-4.779	.503	.000	

Source: Author.

year, and the following year. Then, if the total volume of arms transfers (US-aligned, neutral, and US-adversarial) is less than one billion TIV, the measurement's window is enlarged by one year in both directions until a volume of one billion TIV is reached. If that level is still not reached even with a 21-year window (the year in question, plus the 10 preceding and 10 following years), then no *Arms* value is assigned for that country-year. (Thus, depending on data availability, *Arms* is variously based on 3 to 21 years of data.)³³

In the resulting *Arms* variable, a score of 0 indicates total nonalignment with the US, 50 indicates a neutral or mixed position, and 100 indicates total alignment with the US.

This analysis's summary measure of USG attitude (*Att*) is then calculated as the (equally-weighted³⁴) average of *UNGA* and *Arms*³⁵.

The effects on FH* scores of actual regime type and USG attitude

With *FHTotal*, *PolityDem*, and *Att* established, we can now turn to the core analysis. The central question is whether, and to what extent, *Att* has a significant effect – controlling for *PolityDem* – on *FHTotal*. A substantial such effect would indicate that FH* judgements indeed reflect, and are biased by, USG attitude³⁶.

The available data contain 2,864 state-year observations in 1972–2018 that have values for *FHTotal*, *PolityDem*, and *Att*³⁷.

If *FHTotal* is regressed over the independent variables of *PolityDem* and *Att* in these observations, both IVs have definite statistical significance ($p=.000$), and *Att* is estimated to have a coefficient and effect size that are 62% (.399/.646) and 47% (.360/.763), respectively, as large as those of *PolityDem*. See Table 3.

In other words, on average, FH* judgements are determined roughly half as much by USG attitude as they are by actual regime type.

And if the sample is split into historical periods, the effect of *Att* only strengthens over time; see Table 4.

In sum, *Att*'s effect is statistically significant, at least half as large as *PolityDem*'s, and growing over time, to the point of almost equaling *PolityDem*'s effect in 2014–2018.

³³ If a second variable, *ArmsLeft*, is calculated based only on the current year and up to ten preceding years, and *UNGA* is regressed over both, *Arms* has a coefficient of .519, while *ArmsLeft* has a coefficient of negative .238. This confirms that *Arms* is better calculated symmetrically, rather than only to the left on a timeline.

³⁴ If *UNGA* and *Arms* actually determined *Att* or a state's relations with the US, then weighting them by substantive importance might be desirable. But they merely reflect relations and proxy for *Att*, and there is no clear reason to expect that *UNGA* or *Arms* would be more accurate in reflecting it. The two measures should, therefore, be equally-weighted.

³⁵ Note that *Att* is not a perfect measure of relations with the US, let alone of USG attitude, and insofar as it is inaccurate (in a presumably random manner), its true effect on *FHTotal* will only be understated in the following analysis.

³⁶ This analysis assumes that the (simplified) formula of the regression, $PolityDem + Att = FHTotal$, essentially represents $actual\ democracy + US\ alignment = democracy\ measurement\ that\ is\ biased\ towards\ US-aligned\ states$. Mathematically, there is one alternative interpretation: $democracy\ measurement\ biased\ against\ US-aligned\ states + US\ alignment = actual\ democracy$. However, this is substantively implausible. There are no grounds for suspecting Polity of anti-US bias, and its position within the US (not to mention years of CIA funding) suggest that it may be itself subject to a US bias – simply one not nearly as large as FH's*. If anything, then, FH's* bias is even larger than assessed in this analysis, since the control for actual democracy is itself partially affected by that bias and is thus 'eating' some of it.

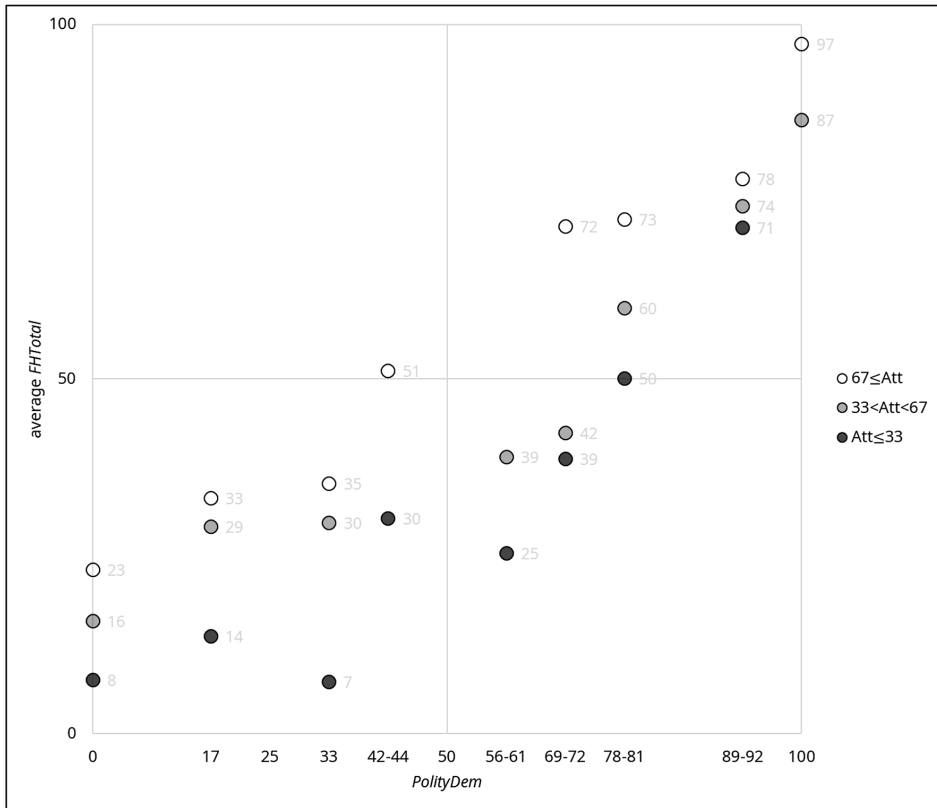
³⁷ Excluding microstates whose populations were under one million in 2018, and excluding observations that are coded by Polity as instances of occupation, anarchy, or regime change.

Table 4
Characteristics of *Att* in different time periods

	full data	First Cold War (1972–1991)	Inter-Cold-War (1992–2013)	Second Cold War (2014–2018)
<i>Att</i> 's coefficient as % of PolityDem 's	62%	41%	70%	84%
<i>Att</i> 's effect size as % of PolityDem 's	47%	30%	57%	67%
<i>Att</i> 's p-value	.000	.000	.000	.000

Source: Author.

Figure 3
Average *FHTotal* (y-axis) assigned to states with each combination³⁸ of *PolityDem* (x-axis) and *Att* (shading)

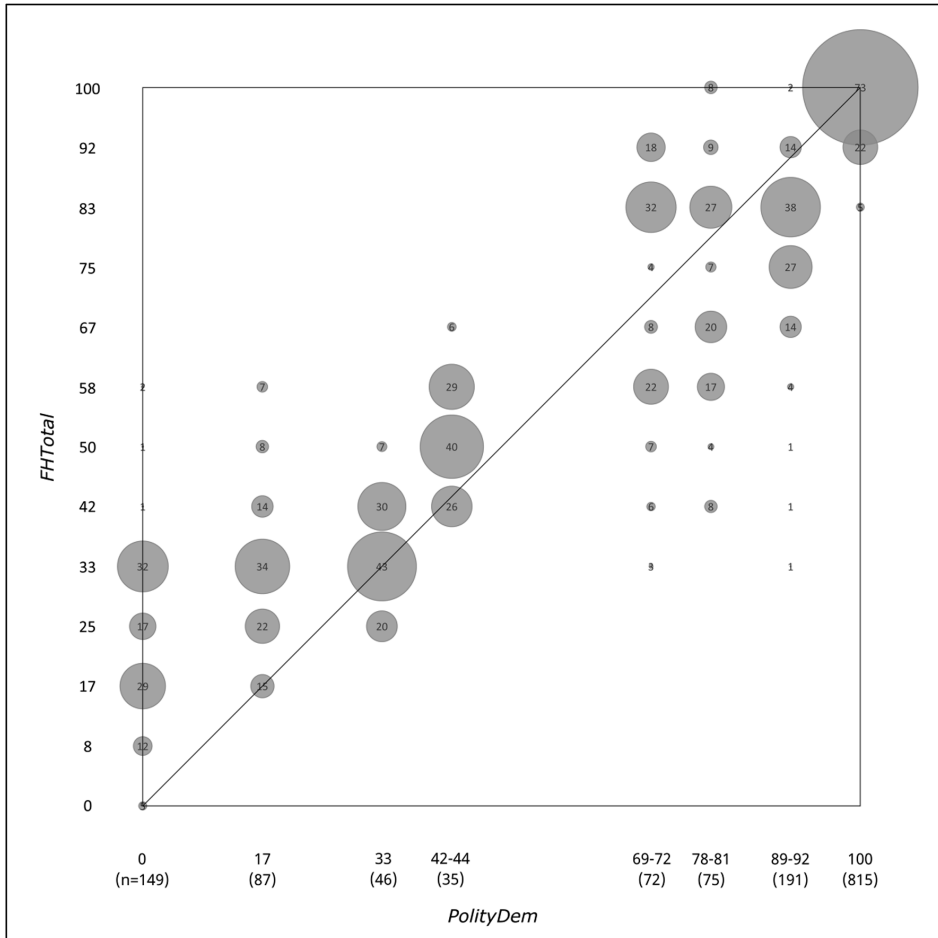
Source: Author.

But the average effect of *Att*, naturally, does not convey the extent of the distortion affecting certain states. Figure 3 below begins to give a sense of that distortion, by indicating the aver-

age score given by *FH** to recipients of each *PolityDem* score, depending on whether the USG is negatively, neutrally, or positively disposed towards them.

³⁸ Combinations with $n < 20$ not shown.

Figure 4
FH* treatment of states towards which the US is positively disposed³⁹:
 percent of states, within each value of *PolityDem*⁴⁰ (x-axis), that are assigned each value of *FHTotal* (y-axis)

Source: Author.

How to interpret diagram: For instance, of the 149 observations with a *PolityDem* value of 0, an *FHTotal* value of 58 is assigned to 2%, of 50 to 1%, of 42 to 1%, of 33 to 32%, of 25 to 17%, of 17 to 29%, of 8 to 12%, and of 0 to 5%.

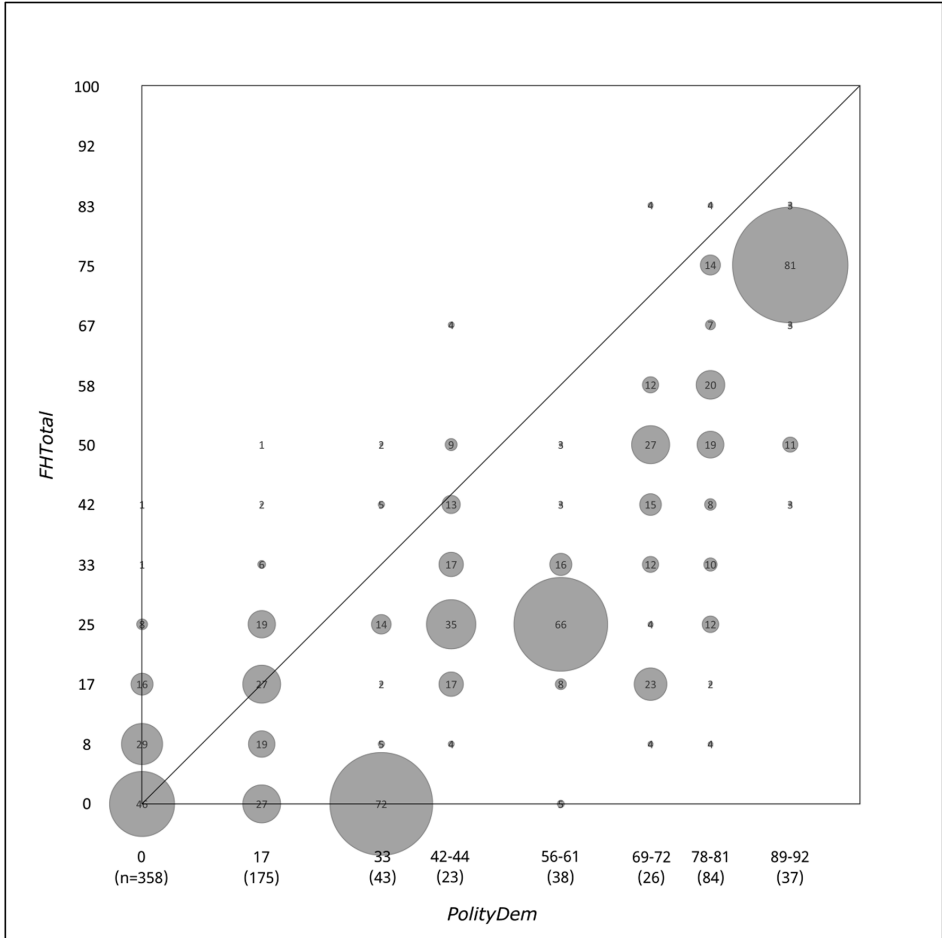
As one can see, there are large gaps, varying from 7 to 33 points in width, between average *FHTotal* for states towards which the USG is negatively disposed (*Att* ≤ 33) and for states towards which the USG is positively disposed (*Att* ≥ 66).

And these averages include some cases in which the effect of bias is near-total, as evident in the following diagrams, fully detailing how FH* alters Polity's evaluations depending on positive (Figure 4) or negative (Figure 5) *Att*.

³⁹ 1475 observations (52% of total) for which *Att* > 66.67.

⁴⁰ Categories with *n* < 20 not shown.

Figure 5
 FH* treatment of states towards which the US is negatively disposed⁴¹:
 percent of states, within each value of *PolityDem*⁴² (x-axis), that are assigned each value of *FHTotal* (y-axis)

Source: Author.

For instance, of states whose *PolityDem* is about 80 (either 77.77 or 80.55) and towards which the USG is positively inclined ($Att \geq 66.67$), 63% receive roughly the same score (67–92) from FH*, while 8% are upgraded (to 100) and 29% are downgraded (to 58, 50, or 42). However, of states with the same

PolityDem value, but towards which the USG is negatively inclined ($Att \leq 33.33$), 25% are relatively unchanged, 0% are upgraded, and a full 75% are downgraded to anywhere between 58 and 8. Thus, the USG’s negative attitude is driving FH’s* scoring of some states almost the entire way down the regime-type spectrum.

⁴¹ 784 observations (27% of total) for which $Att < 33.33$.

⁴² Categories with $n < 20$ not shown.

Discussion

Our findings suggest that FH* perceptions of a state's regime type are partially determined by the USG's attitude towards that state.

On average, this bias is about half as strong as the effect of actual regime type (coefficient 62% as large, effect 47%), although it has become almost as powerful as reality (84%, 67%) amidst the great-power conflict of recent years (2014–2018).

Moreover, those average effect sizes contain within themselves massive bias in the cases of many states, especially those that have *PolityDem* scores between 33 and 81. The lack of absolute clarity regarding such regimes likely leaves more room for the operation of (conscious and/or unconscious) bias. Furthermore, mathematically, there is significant space for such states to be dragged upwards or downwards by that bias.

Accordingly, the four intermediate *PolityDem* categories (33, 42–44, 69–72, and 78–81), that have sufficient observations to compare states towards which the US is negatively ($Att \leq 33$) and positively ($67 \leq Att$) inclined, feature 28-, 21-, 33-, and 23-point gaps between the average scores of $Att \leq 33$ and $67 \leq Att$.

For many individual states, the effect of bias is larger still, completely altering ascribed regime type relative to its reality. The following states have been 'downgraded' by 53–72 points for periods of at least three consecutive years: Russia (2004–2018); Iran (1997–2003); Cambodia (1995–2000, except 1997); Chad (2007–2018); Central African Republic (2016–2018); Democratic Republic of the Congo (2006–2015); Somalia (2012–2018); Kenya (1997–2001); Zimbabwe (2009–2012). Russia stands out for the length and depth of its downgrade, by 11 points in 1992, 22 in 1993–1997, 31 in 1998, 39 in 1999, 47 in 2000–2003, 56 in 2004–2013, 64 in 2014–2015, and an unprecedented 72 (nearly the entire scale) in 2016–2018.

And, as mentioned in various footnotes throughout this article, the results of this study

are, if anything, underestimates. Any shortcomings of *Att* as a measure of US attitude will only muddle and suppress its assessed effect on *FHTotal*. And *Polity* itself may be subject to some of the bias affecting FH*. (And it certainly could not plausibly be systematically biased in the opposite direction.)

Conclusion

Most directly, this article's findings mean that FH* may be inaccurate and should not be used as a measure of democracy. This does not necessarily warrant any additional measures by the Russian government; the Ministry of Justice has already designated FH* as an Undesirable Organization. But this certainly ought to prompt Russian academia – and actually all academia, especially within states towards which the US is hostile – to reject FH* as an indicator of what it ostensibly measures (democracy/'freedom'). It should instead be used only for unorthodox purposes that explicitly account for and utilize its bias. (For instance, comparing it to *Polity* as a means of estimating USG attitude towards other states.)

In fact, caution is warranted regarding all democracy indices (maybe even *Polity*) that are produced within the US-led bloc or under its influence. Such indices may (FH* certainly does) essentially amount to projections of the US's friend-enemy distinction under the guise of a (factually inaccurate) division of states into the democratic and undemocratic.

Insofar as Russian political science retransmits these projections, it perpetuates the US's ideological hegemony, lionizing the US-Led Bloc while (not coincidentally) deprecating Russia and many states whose friendliness or at least neutrality is important to Moscow. For instance, while the Russian-language literature cited at the beginning of this article does, in 2020–2024, twice note FH's* claim that the US is becoming less democratic under Trump⁴³, the articles also focus on FH's* positive categorizations of the US-led bloc (twice)⁴⁴, and on FH's* negative categorizations of Venezuela (once)⁴⁵,

⁴³ Жданов 2020: 65; Пашенцев, Базаркина, Кросстон 2022: 91. See Appendix 1.

⁴⁴ Аргылов, Меньшиков, Шоботенко 2022: 145; Иншаков, Малинова 2020: 46. See Appendix 1.

⁴⁵ Лудена Лопес 2022: 91. See Appendix 1.

Turkiye (twice)⁴⁶, China (once)⁴⁷, Vietnam (once)⁴⁸, and Russia (six times)⁴⁹.

Beyond FH*, this study has made two methodological contributions. It has developed an improved (UNGA- and arms-based) method for roughly estimating states' (non) alignment with the US. (Although, as suggested above, the FH*-Polity gap is likely to indicate USG attitudes with even greater accuracy.) And this study has also developed a more accurate formula for calculating a state's democraticness according to Polity.

The study also suggests, more generally, that states' regime type should not be analyzed by – or based upon information from – entities that ascribe any normative value to regime type, or that are under the control or influence of any government, society, or other institution that does so. Only the avoidance of such entities can minimize the risk of information and analysis being consciously or unconsciously shaped so that normative judgements of states are matched by equally normative judgements of their regime types. (More methodologically complicated approaches, such as V-Dem, do not actually address this risk, if all their infor-

mation and analysts are systematically biased in the same direction.) These criteria will tend to rule out people and groups from universalistic societies (e.g. the Cosmopolitan-Liberal US and Western Europe in the present; the Communist bloc in the past). But nationality itself should not be used as a criterion, as dissenters from universalistic societies will actually be some of the best-inoculated against universalism, while even those originating from beyond those societies may still ascribe to their worldview – particularly given the influence/dominance of US-origin Cosmopolitan-Liberalism within the global intelligentsia (academia, journalism, etc.).

Finally, this study also supports the contention that a universalistic state's general attitudes towards other states will substantially determine its judgements of the degree to which the other states conform to its own identity-morality-ideology. The US appears to be a universalistic state, whose political elite (in the form of FH*) believes itself (presumably sincerely) to be judging others in accordance with its Cosmopolitan-Liberal IMI, but whose judgements are in fact quite distorted from reality.

References

- Bailey M., Strezhnev A., Voeten E. (2017). Estimating dynamic state preferences from United Nations voting data. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. No. 2. P. 430–456. <https://doi.org/10.1177/0022002715595700>
- Bollen K., Paxton P. (1998). Detection and determinants of bias in subjective measures. *American Sociological Review*. Vol. 63. No. 3. P. 465–478.
- Bollen K., Paxton P. (2000). Subjective measures of liberal democracy. *Comparative Political Studies*. Vol. 33. No. 1. P. 58–86. <https://doi.org/10.1177/0010414000033001003>
- Bollen K. (1993). Liberal democracy: Validity and method factors in cross-national measures. *American Journal of Political Science*. Vol. 37. No. 4. P. 1207–1230.
- Bush S. (2017). The Politics of Rating Freedom: Ideological Affinity, Private Authority, and the Freedom in the World Rankings. *Perspectives on Politics*. Vol. 15. No. 3. P. 711–731. doi:10.1017/S1537592717000925
- Coppedge M., Alvarez A., Maldonado C. (2008). Two Persistent Dimensions of Democracy: Contestation and Inclusiveness. *The Journal of Politics*. Vol. 70. No. 3. P. 632–647.
- Coppedge M. et al. (2025). *V-Dem Country-Year Dataset v10*. <https://doi.org/10.23696/vdemds20>
- Epley N., Caruso E. (2004). Egocentric Ethics. *Social Justice Research*. Vol. 17. No. 2. P. 171–187.
- Fearon J., Hansen B. (2018). The Arms Trade, International Alignments, and International Conflict. Working paper. 39 p.

⁴⁶ Иншаков, Малинова 2020: 46; Мамедов 2023: 738. See Appendix 1.

⁴⁷ Аргылов, Меньшиков, Шоботенко 2022: 145. See Appendix 1.

⁴⁸ Войтов, Журбей 2023: 160. See Appendix 1.

⁴⁹ Аргылов, Меньшиков, Шоботенко 2022: 145; Бедерсон, Семенов 2020: 100; Волков, Гончаров, Снеговая 2020: 155; Иншаков, Малинова 2020: 46; Летняков 2020: 377; Шушпанова 2022: 152. See Appendix 1.

- Gastil R. (1990). The Comparative Survey of Freedom: Experiences and Suggestions on Measuring Democracy. *Studies in Comparative International Development*. Vol. 25. P. 25–50. <https://doi.org/10.1007/BF02716904>
- Gawronski B. (2007). Fundamental Attribution Error. In: Baumeister R.F., Vohs K.D. (eds.). *Encyclopedia of Social Psychology*. Los Angeles: Sage. P. 367–369.
- Giannone D. (2010). Political and ideological aspects in the measurement of democracy: the Freedom House case. *Democratization*. Vol. 17. No. 1. P. 68–97. <https://doi.org/10.1080/13510340903453716>
- Gleditsch K., Ward M. (1997). Double Take: A Reexamination of Democracy and Autocracy in Modern Politics. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 41. No. 3. P. 361–383.
- Goldstein R. (1992). The limitations of using quantitative data in studying human rights abuses. In: T. Jabine, R. Claude (eds.). *Human Rights and Statistics: Getting the Record Straight*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 35–61.
- Grundler K., Krieger T. (2021). Using Machine Learning for measuring democracy: A practitioner's guide and a new updated dataset for 186 countries from 1919 to 2019. *European Journal of Political Economy*. Vol. 70. P. 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102047>
- Hartman J., Hsiao W. (1988). Inequality and violence: Issues of theory and measurement. *American Sociological Review*. Vol. 53. No. 5. P. 794–799.
- Kennedy C. (2013). The Manichean Temptation: Moralising Rhetoric and the Invocation of Evil in US Foreign Policy. *International Politics*. Vol. 50 No. 5. P. 623–638.
- Mainwaring S., Brinks D., Perez-Linan A. (2001). Classifying political regimes in Latin America, 1945–1999. *Studies in Comparative International Development*. Vol. 36. No. 1. P. 37–65. <https://doi.org/10.1007/BF02687584>
- Marshall M., Gurr T.R. (2020). *Polity5: Dataset Users' Manual*. Version 2018. Center for Systemic Peace. 85 p.
- Oren I. (1995). The Subjectivity of the “Democratic” Peace: Changing U.S. Perceptions of Imperial Germany. *International Security*. Vol. 20. No. 2. P. 147–184.
- Oren I. (2005). *Our Enemies and US: America's Rivalries and the Making of Political Science*. Ithaca: Cornell University Press.
- Owen J.M. (1993). *Testing the Democratic Peace: American Diplomatic Crises, 1794–1917*. Ph.D Dissertation, Harvard University.
- Peceny M. (1997). A Constructivist Interpretation of the Liberal Peace: The Ambiguous Case of the Spanish-American War. *Journal of Peace Research*. Vol. 34 No. 4. P. 415–430.
- Royce D.P. (2025). The Behavior of Particularistic and Universalistic States. *Russia in Global Affairs*. Vol. 23. No. 1. P. 70–99. DOI: 10.31278/1810-6374-2025-23-1-70-99
- Samuels R.J. (1991). Japanese Political Studies and the Myth of the Independent Intellectual. In: Samuels R.J., Weiner M. (eds.). *The Political Culture of Foreign Area and International Studies: Essays in Honor of Lucian W Pye*. Washington: Brassey's.
- Scoble H., Wiseberg L. (2019). Problems of comparative research on human rights. In: V. Nanda, J. Scarritt, G. Shepherd (eds.). *Global Human Rights: Public Policies, Comparative Measures, and NGO Strategies*. London; New York: Routledge. 25 p.
- Shushpanova I.S. (2022). Sotsiologicheskoe izmerenie urovnya razvitiya demokratii v Rossii kak formy politicheskogo rezhima [Sociological Measurement of the Level of Development of Democracy in Russia as a Form of Political Regime]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 2. P. 149–158. DOI: 10.17805/zpu.2022.2.11
- Skaaning S.E. (2021). *Lexical Index of Electoral Democracy (LIED) dataset v6.0*. Harvard Dataverse. V5. <https://doi.org/10.7910/DVN/WPKNIT>
- Steiner N. (2014). Comparing Freedom House Democracy Scores to Alternative Indices and Testing for Political Bias: Are US Allies Rated as More Democratic by Freedom House? *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. Vol. 18. No. 4. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/13876988.2013.877676>

Appendix 1

- Алимов А.А., Матяшева Д.О. (2020). 'Мягкая сила' Индии: Приоритет кооперации Юг-Юг в контексте мир-системного анализа. *Общество, Среда, Развитие*. №2. С. 21–27.
- Арғылов Н.А., Меньшиков П.В., Шоботенко А.В. (2022). Функционирование политической коммуникации в КНР и США в условиях пандемии COVID-19. *Известия Восточного института (ДалВосФедУн)*. №1. С. 144–155.
- Бабич Н.С., Батыков И.В. (2022). Общество потребления и социальное развитие: моделирование статистических взаимосвязей. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. №5. С. 189–202.
- Бедерсон В.Д., Семенов А.В. (2020). Политические основания государственной поддержки некоммерческого сектора: анализ распределения президентских грантов в России. *Мир России*. №3. С. 96–120.
- Власова В.В. (2023). Международные рейтинги как инструмент оценки инновационного климата страны: Позиции России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. №3. С. 155–180.
- Войтов С.А., Журбей Е.В. (2023). Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике: Часть 1. *Ойкумена: Регионоведческие исследования*. №2. С. 157–170.
- Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. (2020). Верховенство права: Российское общественное мнение о правовой защищенности и возможности отстоять свои прав. *Вестник общественного мнения*. №1–2. С. 154–165.
- Дауш И.А., Парпинская-Сакович Е.В. (2022). Международные индексно-рейтинговые модели: Статистический анализ. *Труды БГТУ*. №2. С. 58–64.
- Елисеев А.К. (2020). Проблемы реализации прав и свобод человека в условия авторитаризма. *Уральский журнал правовых исследований (УрГосЮрУн)*. №4. С. 96–109.
- Жданов А.И. (2020). Угрозы деkonsolidации либеральной демократии: Определение магистрального пути эрозии демократического режима на примере Соединённых Штатов Америки. *История и современность*. №4. С. 62–77.
- Иншаков И.А., Малинова О.Ю. (2020). Действительно ли 'политическая наука сильна там, где сильна демократия'? Анализ результатов опроса политологов из 39 стран. *Политическая наука*. №1. С. 35–63.
- Киртон Д. (Kirtton J.), Уоррен Б. (Warren B.) (2022). Управление изменением климата на саммитах 'Группы двадцати' в Риме и ООН в Глазго и в последующий период. *Вестник международных организаций*. №2. С. 110–134.
- Коротаев А., Гринин Л., Медведев И., Слав М. (2022). Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение*. №2. С. 9–65.
- Курюкин А.Н. (2020). COVID-19 как вызов политической системе и демократии в России и в мире. *Власть*. №5. С. 275–280.
- Летняков Д.Э. (2020). Концептуализация режимных трансформаций на постсоветском пространстве: некоторые промежуточные итоги. *Вестник Санкт-Петербургского Университета: Международные отношения*. №3. С. 374–393.
- Лудена Лопес Д.Е. (Ludena Lopez G.E.) (2022). К вопросу о генезисе гибридного режима в Венесуэле (1999–2013 гг.). *Управление*. №3. С. 89–97.
- Лукашов Н.В., Лукашова С.С., Латов Ю.В. (2021). Парадоксы российских программ информатизации. *Журнал институциональных исследований*. №1. С. 115–134.
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. (2020). Становление постиндустриальной общепланетарной цивилизации. *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 86–98.
- Малашенкова А.А., Харитонова О.Г. (2022). Президенты-популисты и гражданское общество в латиноамериканских демократиях. *Вестник РУДН: Политология* №2 247–267.
- Мамедов Р.Т. (2023). 'Мягкая сила' как часть турецкой внешней политики в Грузии. *Вестник РУДН: Международные отношения*. №4. С. 734–747.
- Межевич Н. (2020). В поисках какого-нибудь будущего. *Россия в глобальной политике*. №5. С. 229–232.
- Пархоменко В.К. (2022). Соперничество США и КНР в Африке: Вызовы и перспективы. *Вестник Московского Университета: Международные отношения и мировая политика*. №1. С. 114–150.
- Пашенцев Е.Н., Базаркина Д.Ю., Кросстон М.Д. (Crosston M.D.) (2022). Системные конструкты международной безопасности: индикаторы социальных изменений как путь к разрешению конфликтов. *Государственное управление*. №93. С. 81–95.
- Родионов В.А. (2022). 'Мягкая сила' малых стран: опыт Монголии. *Oriental Studies* №2 228–243.
- Садченко В.Н. (2020). Диалоговые площадки Азербайджана как имиджевые мероприятия по повышению репутационного рейтинга страны в 2000–2019 гг. *Гуманитарные и юридические исследования (СевКазФедУн)*. №1. С. 66–73.

- Ткаченко М. (2024). Китай-Запад: Уроки прошлого, старые нарративы и новая реальность. *Перспективы* (Фонд исторической перспективы). №2. С. 39–53.
- Травкина Н., Васильев В. (2023). 'Саммиты за демократию' и крах американских иллюзий о либерально-демократическом переустройстве мира: Части 1 и 2. *Перспективы* №2. С. 7–22.
- Файнберг Е.И. (2024). Критический взгляд на существующие рейтинги конкурентоспособности стран. *Российский внешнеэкономический вестник*. №10. С. 70–81.
- Шебеко К., Шебеко Д. (2024). Человеческий капитал как фактор развития информационно-коммуникационных технологий и сетевой экономики в странах бывшего СССР. *Экономика и качество систем связи*. №2. С. 4–13.
- Шушпанова И.С. (2022). Социологическое измерение уровня развития демократии в России как формы политического режима. *Знание, Понимание, Умение* (МосГУМ). №2. С. 149–158.

Appendix 2

Polity: *Competitiveness of Executive Recruitment (ExecCompet)*

(0) Not Applicable / Unregulated: Power transfers are coded Unregulated...in the Regulation of Executive Recruitment.

(1) Selection: Chief executives are determined by hereditary succession, designation, or by a combination of both, as in monarchies whose chief minister is chosen by king or court. Examples of pure designative selection are rigged, unopposed elections; repeated replacement of presidents before their terms end; recurrent military selection of civilian executives; selection within an institutionalized single party; recurrent incumbent selection of successors; repeated election boycotts by the major opposition parties, etc.

(2) Dual/Transitional: Dual executives in which one is chosen by hereditary succession, the other by competitive election. Also used for transitional arrangements between selection (ascription and/or designation) and competitive election.

(3) Election: Chief executives are typically chosen in or through competitive elections matching two or more major parties or candidates. (Elections may be popular or by an elected assembly.)

[Marshall, Gurr 2020: 21–22]

Polity: *Competitiveness of Participation (ParticCompet)*

(0) Not Applicable: ...polities that are coded as Unregulated, or moving to/from that position, in Regulation of Political Participation...

(1) Repressed: No significant oppositional activity is permitted outside the ranks of the regime and ruling party. Totalitarian party systems, authoritarian military dictatorships, and despotic monarchies are typically coded here. ...

(2) Suppressed: Some organized, political competition occurs outside government, without serious factionalism; but the regime systematically and sharply limits its form, extent, or both in ways that exclude substantial groups (20% or more of the adult population) from participation. ... Examples of 'suppression' are: i. Prohibiting some kinds of political organizations, either by type or group of people involved (e.g., no national political parties or no ethnic political organizations). ii. Prohibiting some kinds of political action (e.g., Communist parties may organize but are prohibited from competing in elections). iii. Systematic harassment of political opposition (leaders killed, jailed, or sent into exile; candidates regularly ruled off ballots; opposition media banned, etc.). This is evidence for either Factional, Suppressed, or Repressed, depending on the nature of the regime, the opposition, and the persistence of political groups.

(3) Factional: Polities with parochial or ethnic-based political factions that regularly compete for political influence in order to promote particularist agendas and favor group members to the detriment of common, secular, or cross-cutting agendas.

(4) Transitional: Any transitional arrangement from Restricted [i.e. Repressed], Suppressed, or Factional patterns to fully Competitive patterns, or vice versa. Transitional arrangements are

accommodative of competing, parochial interests but have not fully linked parochial with broader, general interests. Sectarian and secular interest groups coexist.

(5) Competitive: There are relatively stable and enduring, secular political groups which regularly compete for political influence at the national level; ruling groups and coalitions regularly, voluntarily transfer central power to competing groups. Competition among groups seldom involves coercion or disruption. Small parties or political groups may be restricted in the Competitive pattern.

[Marshall, Gurr 2020: 26–27]

FH*: *Political Rights*

1. Is the head of state and/or head of government or other chief authority elected through free and fair elections?
2. Are the legislative representatives elected through free and fair elections?
3. Are there fair electoral laws, equal campaigning opportunities, fair polling, and honest tabulation of ballots ?
4. Are the voters able to endow their freely elected representatives with real power?
5. Do the people have the right to organize in different political parties or other competitive political groupings of their choice, and is the system open to the rise and fall of these competing parties or groupings?
6. Is there a significant opposition vote, de facto opposition power, and a realistic possibility for the opposition to increase its support or gain power through elections?
7. Are the people free from domination by the military, foreign powers, totalitarian parties, religious hierarchies, economic oligarchies, or any other powerful group?
8. Do cultural, ethnic, religious, and other minority groups have reasonable self-determination, self-government, autonomy, or participation through informal consensus in the decision-making process?

Appendix 3

The components are as follows:

- 3.4. “Is there freedom from extreme government indifference and corruption?”
- 4.3. “Are property rights secure? Do citizens have the right to establish private businesses? Is private business activity unduly influenced by government officials, the security forces, or organized crime?”
- 4.4. “Are there personal social freedoms, including gender equality, choice of marriage partners, and size of family?”
- 4.5. “Is there equality of opportunity, including freedom from exploitation by or dependency on landlords, employers, union leaders, bureaucrats, or other types of obstacles to a share of legitimate economic gains?”

There are several clear problems.

Opinions differ greatly regarding what counts as: “extreme government indifference” vs. the proper restraint of government; “undue influence” by the government over the economy vs. the government’s proper intervention/management on behalf of the public good; “personal social freedoms” vs. degenerate behavior that is penalized by government and/or society; and “exploitation by...landlords, employers, union leaders, [and] bureaucrats” vs. the legitimate exercise of those figures’ rights/authority in a free market, social democracy, or modern administrative state.

And the potential scope of each of these components is so great that things’ inclusion and weighting would inevitably be arbitrary. To take one example from the US itself, does a government’s failure to provide public healthcare qualify as “extreme indifference”? Or alternatively,

would such a provision qualify as “dependency on...bureaucrats”? How do the government’s material resources affect the answer? If it expands taxation in order to acquire the necessary material resources, does that violate property rights or deprive individuals of their “share of legitimate economic gains”? If the government instead mandates that businesses provide health insurance, does that make “private business activity unduly influenced by government officials”? And if the state-provided healthcare does not cover procedures considered immoral/unnatural, does that impinge upon “personal social freedoms”? This is just one issue, yet it has already become hopelessly complicated: the question of which things count as ‘good’ or ‘bad’ – let alone how they should be quantified and weighted relative to one another – is unclear and politically-ideologically contested.

Appendix 4

FH* CL component	covered by Polity <i>ExecCompet</i> and/or <i>ParticCompet</i> because...
1.1. Are there free and independent media and other forms of cultural expression?	Is an attribute of a democratic political system, i.e. <i>ExecCompet</i> and <i>ParticCompet</i> . E.g. “opposition media banned” is “evidence of either Factional, Suppressed, or Repressed” <i>ParticCompet</i>
2.1. Is there freedom of assembly, demonstration, and open public discussion?	Is necessary for a democratic political system, i.e. <i>ExecCompet</i> and <i>ParticCompet</i> . E.g. “prohibiting some kinds of political action” is evidence of ‘Suppressed’ <i>ParticCompet</i> , and in ‘Repressed’ systems, “no significant oppositional activity is permitted outside the ranks of the regime and ruling party”
2.2. Is there freedom of political or quasi-political organization? (...civic organizations, ad hoc issue groups, etc.)	Is necessary for a democratic political system, i.e. <i>ExecCompet</i> and <i>ParticCompet</i> . E.g. “prohibiting some kinds of political organization” is evidence of ‘Suppressed’ <i>ParticCompet</i>
3.1. Is there an independent judiciary ?	Is necessary for a democratic political system, i.e. <i>ExecCompet</i> and <i>ParticCompet</i> . E.g. “leaders...jailed” and “candidates regularly ruled off ballots” are “evidence of either Factional, Suppressed, or Repressed” <i>ParticCompet</i>
3.3. Is there protection from political terror, unjustified imprisonment, exile, or torture, whether by groups that support or oppose the system? Is there freedom from war and insurgencies? ...	Such protection is necessary for a democratic political system, i.e. <i>ExecCompet</i> and <i>ParticCompet</i> . E.g. “totalitarian” systems have ‘Repressed’ <i>ParticCompet</i> , and the “systematic harassment of political opposition” is “evidence of either Factional, Suppressed, or Repressed” <i>ParticCompet</i> . As for “freedom from wars and insurgencies”, if a country is sufficiently disrupted by internal or external adversaries, the country-year is simply not coded by Polity
4.1. Is there open and free private discussion?	Is necessary for a democratic political system, i.e. <i>ExecCompet</i> and <i>ParticCompet</i> . E.g. “totalitarian” systems have ‘Repressed’ <i>ParticCompet</i>

Appendix 5

FH* CL component	covered by Polity <i>ExecCompet</i> and/or <i>ParticCompet</i> because...
4.2. Is there personal autonomy? Does the state control travel, choice of residence, or choice of employment? Is there freedom from indoctrination and excessive dependency on the state?	The absence of “totalitarianism” (incorporated in <i>ParticCompet</i>) should equate to greater “personal autonomy” and “freedom from indoctrination”. “Excessive dependency on the state” is an impossibly broad/vague/complex/contested idea

Appendix 6

- 1.2. Are there free religious institutions and is there free private and public religious expression?
- 2.3. Are there free trade unions and peasant organizations or equivalents, and is there effective collective bargaining? Are there free professional and other private organizations?
- 3.2. Does the rule of law prevail in civil and criminal matters? Is the population treated equally under the law? Are police under direct civilian control?

Appendix 7

Regulation of Chief Executive Recruitment: “The extent to which a polity has institutionalized procedures for transferring executive power.” [Marshall, Gurr 2020: 20] Such procedures might be democratic, undemocratic, or anywhere in between. For instance, the ‘regulated’ category includes both “hereditary succession” and “competitive elections”.

Openness of Executive Recruitment: “The extent that all the politically active population has an opportunity, in principle, to attain the [executive] position through a regularized process.” [Ibid: 22] This process might be democratic, undemocratic, or anywhere in between. All non-hereditary systems – not only those employing “competitive election”, but also those employing “elite designation” or some “transitional arrangement” between the two – are given the highest score of ‘open’.

Constraint on Chief Executive: “The extent of institutionalized constraints on the decisionmaking powers of chief executives, whether individuals or collectivities. Such limitations may be imposed by any ‘accountability groups.’ In Western democracies these are usually legislatures. Other kinds of accountability groups are the ruling party in a one-party state; councils of nobles or powerful advisors in monarchies; the military in coup-prone polities; and in many states a strong, independent judiciary.” [Ibid: 24] This is indeterminate regarding democracy. Some degree of constraints (at least from the judiciary) is arguably **necessary** for a full democracy. But constraints are not **sufficient for or indicative of democracy**, since many constraints (including some listed in the above definition) can also exist within nondemocratic systems.

Regulation of Participation: The lowest ‘democracy score’ (see Table 1) is assigned to **restricted** regulation, which indeed excludes “significant groups...from the political process”. Yet the next-lowest category is sectarian regulation, which is defined not by a political system’s level of democracy, but by a society’s high level of identity-based or ideological fractiousness. And the other three categories – **unregulated**, **multiple identity**, and **regulated** – are all scored equally, and are all defined by lower degrees of social fractiousness, yet are not indicative of regime type: **multiple identity**, for instance, features “political groups” that are “stable and enduring” but “not necessarily elected”. [Ibid: 25–26]

ИСКАЖЕНИЕ РЕЙТИНГОВ FREEDOM HOUSE* В ЗАВИСИМОСТИ ОТ АМЕРИКАНСКОГО ОТНОШЕНИЯ К СТРАНАМ

ДИЛАН ПЭЙН РОЙС

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Хотя ряд исследований уже фиксировал внешнеполитическую предвзятость рейтинга «Свобода в мире» организации Фридом Хаус* (Freedom House), данный индекс с заметной регулярностью продолжает использоваться в академических работах (в том числе в российской научной среде). В статье представляется количественное исследование в пользу того, что Фридом Хаус* институционально связан с политико-административным истеблишментом США, вследствие чего его оценки (претендующие на универсальную внешнеполитическую нормативность) могут быть подвержены систематическим искажениям, коррелирующим с внешнеполитическим отношением США к оцениваемым государствам. Далее предлагается уточнённая формула измерения «демократичности» на основе индекса Полити (Polity), а также усовершенствованный способ аппроксимации близости государств к США (и, соответственно, предполагаемого отношения США к ним) на базе данных о трансфертах вооружений и голосованиях в Генеральной Ассамблее ООН. В статье эти показатели используются для измерения эффекта американского отношения к стране на оценку её типа режима. В статье делается вывод, что отношение оказывает эффект, равный половине эффекта от реального типа режима. И эти эффекты почти уравниваются в последние годы. Искажение в отдельных случаях достаточно для того, чтобы переклассифицировать режим от демократии к авторитаризму и наоборот. Полученные результаты ставят под сомнение валидность индекса Фридом Хаус*, а также проблематизируют роль политической науки в универсалистских государствах как источника не только знания, но и легитимации и мотивации внешнеполитического поведения.

Ключевые слова:

США; отношение; Freedom House*; Polity; политический режим; демократия; искажение; отношения государств; поставки оружия; Генеральная ассамблея ООН

* Признана в России нежелательной организацией в соответствии с распоряжением Минюста № 619-р от 21.05.2024 и решением Генеральной прокуратуры от 06.05.2024.

МАЛЫЕ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРИОРИТЕТ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НАД ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ РИТОРИКОЙ

АНАСТАСИЯ ПОСАЖЕННИКОВА

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

Для Нидерландов как малого государства, находящегося под ядерным зонтиком США, формирование позиции по вопросу ядерного разоружения обусловлено необходимостью соблюдения союзнических обязательств. Вместе с тем страна активно участвует во всех многосторонних переговорных процессах, связанных с этой проблематикой. Целью исследования является выявление факторов, которые определяют выбор Нидерландов в пользу приоритета союзнических обязательств в НАТО над традиционной приверженностью идее ядерного разоружения. Подчинение внешнеполитической стратегии союзническим обязательствам означает, что руководство Нидерландов воспринимает НАТО в качестве «убежища», которое позволяет руководству страны решить вопрос национальной безопасности за счёт более сильных союзников. Параллельно в политическом дискурсе сохраняется представление о Нидерландах как о движущей силе процесса ядерного разоружения, что требует соответствующего подкрепления конкретными дипломатическими инициативами. Опора на устойчивые и общие для субъектов представления об их ролях и моделях поведения характерна для концепции онтологической безопасности. Автор приходит к выводу, что политика Нидерландов в сфере ядерного оружия преимущественно детерминирована необходимостью соблюдения союзнических обязательств, что соответствует теории убежища, на фоне обострения проблем безопасности в Европе. Концепция онтологической безопасности может играть лишь комплементарную роль в объяснении шагов Амстердама в сфере ядерного оружия. Подходы к ядерному разоружению, согласно которым Нидерланды должны стать локомотивом этого глобального процесса, характерны лишь для неправительственных организаций, большей части населения и отдельных левых политических сил и оказывают определённое влияние на официальную позицию страны. Их потенциал существенно ограничен высокой степенью напряжённости в международных отношениях и маргинальным положением левых сил в политической системе. Учитывая устойчивый характер этих факторов, в обозримой перспективе кардинальные изменения во внешнеполитическом курсе Нидерландов по вопросу ядерного оружия представляются маловероятными.

Ключевые слова:

Договор о запрещении ядерного оружия; малые государства; международная безопасность; НАТО; Нидерланды; онтологическая безопасность; теория убежища; ядерное оружие; ядерное разоружение

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2025

Дата принятия к публикации: 05.01.2026

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: posazhennikova.a.a@my.mgimo.ru

Введение

Проблема ядерного разоружения, сохранявшая свою актуальность на протяжении десятилетий, приобрела особую остроту на фоне эскалации российско-украинского конфликта. Ведение боевых действий в непосредственной близости от объектов критической ядерной инфраструктуры, таких как Чернобыльская и Запорожская АЭС, создаёт риски радиационных аварий¹.

Дискуссии вокруг проблематики ядерного оружия активизировались и в Нидерландах. Эта страна находится в особой ситуации: она не обладает собственным ядерным потенциалом, однако на её территории ещё со времён «холодной войны» размещено американское тактическое ядерное оружие (ЯО) в рамках совместных ядерных миссий НАТО (*nuclear sharing*), гарантирующее стране «ядерный зонтик» со стороны США. В связи с этим руководство Нидерландов определяет позицию страны по вопросу ядерного разоружения, пытаясь выполнять союзнические обязательства в рамках НАТО, чтобы сохранить «ядерный зонтик» как ключевой элемент безопасности, в то же время поддерживая на международных площадках инициативы, направленные на глобальное ядерное разоружение. Такая поддержка зачастую является результатом давления на руководство страны со стороны общественного мнения и негосударственных организаций (НПО), исторически продвигающих идеи отказа всех стран мира от ЯО. В парламенте эти позиции отстаивают некоторые левые и левоцентристские партии, например, Социалистическая партия (*Socialistische Partij, SP*), Партия труда (*Partij van de Arbeid, PvdA*) и «Зелёные левые» (*GroenLinks, GL*). В последнее десятилетие наиболее показательным достижением всех этих сил стало то, что они добились от правительства участия в переговорах о Договоре о запрещении ядерного оружия в 2017 году.

Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: какие аргумен-

ты учитывает правительство Нидерландов, выстраивая баланс между обязательствами в рамках НАТО и давлением общественности, НПО и левых политических сил в пользу курса на ядерное разоружение?

В рамках статьи предлагается проверить следующую гипотезу: в связи с восприятием руководством Нидерландов ситуации в Европе как крайне нестабильной, внешняя политика Нидерландов в отношении ЯО преимущественно определяется поиском и сохранением союзнических гарантий безопасности в НАТО, а шаги, направленные на поддержку глобальных усилий по ядерному разоружению, являются лишь символической реакцией на недовольство общественности и НПО.

Такая логика стратегии безопасности может объясняться через теорию убежища (*shelter theory*), согласно которой малые страны, неспособные обеспечить собственную безопасность в одиночку, используют международные организации и объединения как своеобразное «убежище». Так, предлагается проверить, является ли НАТО таким «убежищем» для Нидерландов, которому руководство страны «делегировало» обеспечение её внешней безопасности в обмен на лояльность, то есть на следование в фарватере задаваемого в первую очередь США курса Альянса в отношении ЯО.

В свою очередь, поддержание руководством Нидерландов стремления к отказу всех стран мира от ЯО объясняется теорией онтологической безопасности (*ontological security*), указывающей на приоритет этого вида безопасности над физической. Таким образом, Амстердам обеспечивает преемственность сложившегося исторического нарратива о Нидерландах как о стране, выступающей за мирное урегулирование споров с опорой на международное право.

Для проверки гипотезы необходимо выполнить ряд задач. Во-первых, проанализировать, как статус Нидерландов как малого государства влияет на выбор ими стратегии поведения в отношении ЯО.

¹ Военный конфликт и АЭС Украины: угроза взрыва и утечки радиации // Новости ООН. 05.03.2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419282>. (дата обращения: 11.04.2025).

Во-вторых, сравнить позиции различных внутриполитических субъектов по этой проблеме. *В-третьих*, оценить, как изменялось мнение последних в 2023–2025 годах.

Научная новизна исследования заключается в сравнении объяснительного потенциала двух логик, используемых для анализа поведения малых государств – обеспечения онтологической безопасности и поиска «убежища», – в контексте политики Нидерландов в отношении ЯО. Выбор данного кейса обусловлен особым положением Нидерландов как государства, разместившего на своей территории американское ЯО, однако, в отличие от других таких западноевропейских союзников США – Бельгии, ФРГ и Италии, – характеризующегося исторически сложившимся акцентом на международном праве и мирном урегулировании споров во внешнеполитической риторике. Так, ссылаясь на закреплённое в конституции обязательство правительства страны «поддерживать международный правопорядок», Нидерланды в различных документах последовательно определяют деятельность на площадках международных и региональных организаций безопасности, таких как ОБСЕ и ОЗХО². Кроме того, официальные документы содержат и стремление правительства к достижению «глобального нуля» – уничтожению всего ЯО на планете. Представляется важным проследить, как руководство страны определяет баланс между этими двумя, на первый взгляд противоречивыми, стремлениями – соблюдать союзнические обязательства, что подразумевает использование совместных с союзниками ядерных сил в случае необходимости, и в то же время способствовать избавлению от ЯО.

В отличие от других работ, посвящённых проблематике ЯО в Нидерландах [Shirobokova 2018; Onderco & Joosen 2022; Onderco et al. 2021], данная статья опирается на описанную выше теоретическую базу, отступая от описательного характера ука-

занных работ. Определив, каким образом правительство Нидерландов находит баланс между союзническими обязательствами и давлением общественности и НПО в контексте ядерного разоружения, сделанные выводы могут быть использованы при анализе поведения других малых стран применительно к различным вопросам международного взаимодействия. Практическая значимость исследования заключается в более глубоком понимании процессов принятия внешнеполитических решений малыми государствами, к числу которых относятся Нидерланды.

Теоретическая рамка исследования

В данной статье используется синтез нескольких теоретических подходов. *Во-первых*, предлагается рассмотреть действия Нидерландов как малого государства, поскольку размер страны имеет значение для выбора ею внешнеполитического курса. *Во-вторых*, необходимо подробнее проанализировать основные положения и операционализировать понятия теории убежища и концепции онтологической безопасности, чтобы выявить их объяснительный потенциал применительно к политике Нидерландов в отношении ЯО.

Малое государство и его ресурсы

Нидерланды не являются крупной державой, а некоторые исследователи (например, Самуэль Крёйзинга [Kruizinga 2016]) даже говорят о них как о малом государстве. Однако критерии, позволяющие отнести ту или иную политику к малой державе, разнятся. В этом качестве используются, например, такие параметры, как численность населения (при этом верхней границей может быть отметка от 1 до 15 млн человек [Maass 2009]), площадь территории, размер экономики (например, ВВП менее 1% мирового [Baehr 1975]), ориентированность экономики страны на экспорт [Thorhallsson, Steinsson 2017]), низкая

² Veiligheidsstrategie voor het Koninkrijk der Nederlanden // Rijksoverheid. 03.04.2023. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/publicaties/2023/04/03/veiligheidsstrategie-voor-het-koninkrijk-der-nederlanden>. (accessed: 11.04.2025).

военная мощь или внешнеполитический потенциал страны. Существуют также подходы, учитывающие все вышеперечисленные характеристики одновременно [Maass 2009].

Проблема этих объективных критериев заключается в крайне произвольном их использовании исследователями [Väyrynen 1971]. В других работах государства причисляются к малым в случае, если они позиционируют себя как таковые, что находит отражение в официальных документах и заявлениях [Maass 2009; Amstrup 1976]. Кроме того, некоторые страны (например, страны Северной Европы) могут классифицироваться как малые по одному набору критериев, но относиться к средним – по другим [Hänggi 1998].

Нидерланды представляют собой показательный пример такой двойственной классификации: государство с 18 млн жителей и ВВП более 1 трлн долл. США³ едва ли может считаться малым по этим показателям. Однако такая трактовка возможна, если принять во внимание степень зависимости страны от внешнеэкономической конъюнктуры – внешнеторговая квота достигает 84%⁴ – и от обеспечения безопасности союзниками по НАТО, главным образом США. Это наблюдение подтверждается и использованием Амстердамом в официальном дискурсе выражения «малая страна» и подчёркиванием её уязвимости перед происходящими процессами на мировой арене⁵.

При определении малых государств учитываются параметры, связанные с их внешнеполитической стратегией. На первом этапе изучения малых государств в международных исследованиях (1950–1970-е годы) большинство исследователей сходились

во мнении, что главной и единственной задачей малых стран является обеспечение собственной безопасности и выживания. Учёные выделяли несколько наиболее присущих этим политиям поведенческих характеристик: заключение соглашений о коллективной обороне и/или ненападении с крупными странами, мирная внешняя политика и роль посредников, региональная ориентация и отказ от активного участия в международных делах [Maass 2009; Neumann, Gstöhl 2006; Amstrup 1976; Väyrynen 1971].

Однако с 1990-х годов в научной литературе, посвящённой малым государствам, стала популярна несколько иная точка зрения, согласно которой они стремятся компенсировать недостаток силы и влияния за счёт специализации на ограниченном круге вопросов, активно высказываясь по ним на международных площадках, например в ООН. Нередко такие страны выбирают в качестве специализации глобальные проблемы, такие как изменение климата и неравенство, поскольку такое поведение направлено на укрепление положительного восприятия страны государствами-партнёрами и их гражданским обществом. Ещё одним инструментом увеличения их влияния является участие в региональных и международных организациях и объединениях. Такие площадки позволяют более эффективно продвигать национальные интересы малых стран, так как их представители получают возможность высказывать мнение своего правительства, а зачастую и участвовать в голосованиях по решениям организаций наравне с более крупными странами. Кроме того, международные организации создают возможности для координации позиций с дру-

³ Bevolkingsteller // CBS. URL: <https://www.cbs.nl/nl-nl/visualisaties/dashboard-bevolking/bevolkingsteller>. (дата обращения: 11.04.2025); World Bank. GDP (current US\$) // World Development Indicators. The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>. (accessed: 11.04.2025).

⁴ World Bank. Exports of goods and services (% of GDP) – Netherlands // World Development Indicators. The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?locations=NL>. (accessed: 11.04.2025).

⁵ Nederland gastland // Rijksoverheid. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/internationale-organisaties-in-nederland/nederland-gastland>. (дата обращения: 11.04.2025).

гими участниками и выработки совместных инициатив. [Neumann, Gstöhl 2006; Panke 2012; Thorhallsson, Steinsson 2017].

Особенности внешнеполитического поведения малых государств подтолкнули исследователей к концептуализации иных видов ресурсов, имеющих у этих стран в сопоставимом или даже большем объёме, чем у крупных. Например, И.Л. Прохоренко и А.А. Алешин в качестве внешнеполитических ресурсов выделяют структуру внешней политики, дипломатические, кадровые, информационные, финансовые и имиджевые ресурсы, ресурсы знаний, ресурсы «жёсткой» и «мягкой силы», а также степень поддержки общественностью внешнеполитического курса правительства [Прохоренко, Алешин 2019]. М.М. Лебедева говорит о трёх больших ресурсных областях: военно-политической, политико-экономической и социально-политической и гуманитарной. В качестве важнейших трендов исследователь отмечает появление новых ресурсов (в первую очередь в информационной и научно-технической сферах), дробление ресурсных потенциалов и актуализацию третьей области – социально-политической и гуманитарной [Лебедева 2014]. Последнее особенно важно для малых государств. Как отмечает В.А. Смирнов, для стран Балтии ключевым стал такой ресурс, как дипломатия [Смирнов 2014]. Интересны подходы к типологизации ресурсов малых стран, предложенные Томом Лонгом [Long 2016], который выделяет производные, коллективные и внутренне присущие ресурсы. Первые вытекают из особых отношений малого государства с более крупными; вторые – из многостороннего взаимодействия и альянсов; а третьи имеют эндогенную природу, однако могут выходить за рамки критериев, которые традиционно учитываются исследователями.

Последняя типология удобна применительно к нидерландскому контексту. Так, к категории производных ресурсов относятся гарантии коллективной безопасности, предоставляемые в рамках союзнических обязательств государств-членов Альянса.

Для Амстердама партнёрство с США является критически важным, поскольку даёт среди прочего доступ к режиму расширенного ядерного сдерживания. Коллективные ресурсы включают в себя экономические и политические выгоды от членства в НАТО и ЕС. Внутренне присущими ресурсами могут считаться выгодное географическое положение, наличие крупных морских портов, а также статус Гааги как правовой столицы мира [Baehr, Castermans-Holleman, Grünfeld 2002].

Теория убежища Б. Торхальссона

Ряд исследователей разработали теории среднего уровня, объясняющие поведение малых государств. Одной из них стала теория убежища (shelter theory) Балдура Торхальссона, ставшая результатом адаптации теории альянсов к особенностям внешнеполитических стратегий малых стран [Bailes, Thayer, Thorhallsson 2016]. Последние отличаются от крупных стран, в частности, своим положением в международной системе, поскольку более уязвимы к происходящим глобальным процессам, что определяет их мотивацию к участию в альянсах: она носит не только внешне-, но и внутривнутриполитический характер. Независимо от формата сотрудничества – союзнические отношения в паре с более крупным государством или в рамках объединения – малые страны стремятся получить от них не только гарантии безопасности, но и «экономическое, политическое и социальное “убежище”», что даёт возможность справиться как с внешними, так и отчасти с внутренними негативными последствиями событий на мировой арене, такими как политические и экономические кризисы [Bailes, Thayer, Thorhallsson 2016: 13]. Недостаточная ёмкость внутреннего рынка обуславливает зависимость малых стран от ресурсных и торговых потоков, повышая их чувствительность к кризисам в мировой экономике. Участие в интеграционных объединениях позволяет им минимизировать эти риски, а также получить наибольшую выгоду от устранения таможенных барьеров. Это верно и для

участия Нидерландов в европейской интеграции.

В свою очередь, участие в НАТО позволило решить проблему обеспечения национальной безопасности страны за счёт механизмов коллективной обороны. Согласно классификации Т. Лонга, членство в НАТО и ЕС представляет собой часть коллективных и производных ресурсов Нидерландов, поскольку позволяет извлечь выгоду из многосторонних объединений, и в случае Альянса – из сотрудничества с США. Два объединения являются своеобразным международно-политическим «убежищем», посредством которого руководство страны способно направить свои усилия на решение внутренних – преимущественно социально-экономических – проблем [Andreweg, Irwin, Louwerse 2020: 373].

Концепция онтологической безопасности Э. Гидденса

Концепция онтологической безопасности, в свою очередь, была привнесена конструктивистами – в частности, Энтони Гидденсом [Giddens 1991] – в международные исследования из психологии [Huysmans 1998: 242]. Государства, подобно индивидам, стремятся к поддержанию устойчивых и предсказуемых моделей взаимодействия с внешним миром и обеспечению безопасности собственного «я». В рамках данного подхода психологические и социальные переменные рассматриваются как более релевантные предикторы поведения государств, чем стремление к обеспечению физической безопасности. Эти действия направлены на интерсубъективное – через взаимодействие с контрагентами – конструирование реальности, в которой субъект не ощущал бы угроз собственной безопасности. Успешность такой политики приводит к формированию общего для агентов понимания принципов взаимодействия и ролей друг друга [Худайкулова, Неклюдов 2019].

Применение теории онтологической безопасности для анализа внешнеполитического курса государств помогает лучше понять их целеполагание и мотивацию,

особенно в случае, если их поведение с точки зрения сохранения собственной физической безопасности кажется нерациональным. Brent Stiles в своей монографии приводит пример действий руководства Бельгии в Первой мировой войне: несмотря на объективную неготовность страны дать отпор немецкой армии, правительство отказалось от капитуляции, что привело к катастрофическим последствиям для населения и инфраструктуры страны, на территории которой на протяжении нескольких лет велись боевые действия. По мнению автора, такое «самоубийственное» решение было продиктовано стремлением руководства страны доказать, что Бельгия достойна принадлежать к кругу «благородных» европейских держав, и не потерять доверие последних [Steele 2008: 99].

Теория опирается на непрерывность идентичностей. Такая установка помогает понять, где страны видят угрозу безопасности и какие действия считают приемлемыми для её нейтрализации. Отсутствие онтологической безопасности, или онтологическая небезопасность, приводит к возникновению у государства «тревожности» (*anxiety*) – состояния, заставляющего руководство государства ощущать острую необходимость предпринять какие-либо шаги, чтобы не потерять свою идентичность, но в то же время не позволяющего ему это сделать из страха последствий [von Essen, Danielson 2023]. Предотвращение такой патовой ситуации, в соответствии с теорией, является важным механизмом, заставляющим государства предпринимать меры, кажущиеся нерациональными.

В качестве идентичностного нарратива, поддержание непрерывности которого важно для Нидерландов в вопросе о ЯО, является видение страной себя как сторонника мирного разрешения конфликтов и верховенства международного права. Такое самовосприятие уходит корнями в правовую традицию нидерландских университетов и подкрепляется ролью Гааги как правовой столицы мира [Baehr, Castermans-Holleman, Grünfeld 2002], на территории которой размещены международные юри-

дические организации: Международный уголовный суд, Постоянная палата третейского суда, международные трибуналы по Руанде и бывшей Югославии и другие. Внешнеполитические документы Нидерландов содержат отсылки к статье 90 конституции, накладывающей на правительство обязательство «содействовать международному правопорядку»⁶.

Исторически этот нарратив восходит к поддержке Нидерландами мирных международных отношений в Европе, поскольку отсутствие военных действий позволяло свободно и безопасно торговать по морю и суше с многими партнёрами, что было важно для такой торговой державы, как Нидерланды. Логикой финансовой выгоды обусловлен и выбор Нидерландов в пользу нейтралитета, особенно в XIX–XX веках: нейтральный статус позволял торговать с обеими сторонами конфликта, что отчётливо обозначилось в годы Первой мировой войны [Voorhoeve 1979].

После того как Нидерланды отступили от нейтрального курса и стали членом НАТО, нарратив о роли государства как локомотива мирного урегулирования споров на основе международного права «стал своеобразной традицией» [Voorhoeve 1979: 42] и может рассматриваться в качестве внутренне присущего ресурса. Его источником, в частности, выступает самопозиционирование государства, поскольку внешнеполитическое влияние зависит, в том числе, от того, насколько партнёры убеждены в наличии у него определённых идентитарных характеристик [Long 2016]. Деятельность Нидерландов в контексте продвижения климатической повестки, борьбы с неравенством и нераспространения ОМУ служит инструментом поддержания этой воспринимаемой идентичности и повышения статуса страны.

Таким образом, исходя из логики онтологической безопасности, внешняя политика страны должна быть направлена на сохранение национальной идентичности и воспроизведение исторически укоренённых моделей поведения на международной арене. Но в то же время государство стремится, в соответствии с логикой первой теории, к нахождению или сохранению внешнего убежища – созданию или поддержанию союзнических связей. Указанные выше стремления государства могут вступать в противоречие, что особенно проявилось в ходе дебатов вокруг участия страны в военной кампании в Ираке в 2003 году. Левые и левоцентристские партии – в первую очередь Партия труда и Социалистическая партия – резко осудили поддержку военной операции США в Ираке со стороны правящей коалиции в составе правоцентристских партий, представленных Христианско-демократическим призывом (*Christen-Democratisch Appèl, CDA*) и Народной партией за свободу и демократию (*Volkspartij voor Vrijheid en Democratie, VVD*), и правопопулистского «Списка Пима Фортёйна» (*Lijst Pim Fortuyn, LPF*)⁷.

Применительно к политике Нидерландов в отношении ЯО, теория убежища позволяет предположить, что государство будет действовать в полном соответствии с курсом Соединённых Штатов в данной области из-за зависимости от гарантий расширенного ядерного сдерживания. Показателем того, что актор руководствуется такими соображениями, является поддержка участия Нидерландов в совместных ядерных миссиях НАТО.

Напротив, индикатором того, что Нидерланды в своей деятельности в области ЯО придерживаются именно логики онтологической безопасности, могла бы стать поддержка различных инициатив по сокра-

⁶ Veiligheidsstrategie voor het Koninkrijk der Nederlanden // Rijksoverheid. 03.04.2023. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/publicaties/2023/04/03/veiligheidsstrategie-voor-het-koninkrijk-der-nederlanden>. (accessed: 11.04.2025).

⁷ Debat naar aanleiding van een verklaring van de minister-president en de behandeling van brieven van de minister van Buitenlandse Zaken over Irak (23432, nrs. 93 en 94) // Officiële Bekendmakingen. 18.03.2003. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/h-tk-20022003-3275-3313.html>. (дата обращения: 11.04.2025).

шению, уничтожению и контролю над этим видом вооружений. Однако в секциях ниже показано, что о такой поддержке речи не идёт, а приоритет в определении внешнеполитического курса отдаётся союзническим обязательствам в рамках НАТО.

Методология исследования

Временные рамки исследования охватывают 2017–2025 годы. Выбор нижней границы обусловлен разработкой и принятием в этом году текста Договора о запрещении ядерного оружия. Ситуация вокруг этого договора позволяет проследить логику руководства страны в поиске баланса между союзническими обязательствами и декларируемым стремлением к ядерному разоружению.

В качестве факторов, влияющих на итоговые действия государства, то есть выбор в пользу союзнических обязательств или же разоружения, рассматриваются действия различных акторов: правящих и оппозиционных партий и ключевых неправительственных организаций, занимающихся проблематикой ЯО, а также общественное мнение. Данных о позиции бизнес-кругов по вопросу о ЯО мало; далее автор будет опираться на доступную аналитику: оценки общественного мнения и опубликованные заявления НПО и политических партий.

Следование правящих партий определённой логике определяется по тому, как соответствующие намерения закрепляются в документах (государственных стратегиях, выступлениях, парламентских запросах и партийных программах), внешнеполитических действиях (таких как подписание или неподписание международных договоров), а также в законодательных инициативах и голосовании по законопроектам о ЯО. Для оппозиционных партий доступны только действия, связанные с парламентскими запросами и голосованием по законопроектам. Индикатором общественного мнения служат данные опросов и численность демонстраций против ЯО. В отношении ядерного разоружения важно также проследить поддержку со стороны НПО, показателем которой является публикация

документов, призывающих правительство к отказу от ЯО, и проведение демонстраций с соответствующими лозунгами. Ниже предлагается сравнить индикаторы, подтверждающие каждую из двух точек зрения, и сделать вывод о том, какая является преобладающей.

В качестве источников использованы государственные стратегии; выступления официальных лиц и парламентские запросы, содержащие упоминание о позиции Нидерландов по ЯО; ответы должностных лиц на вопросы парламента по данной проблематике; тексты предвыборных программ партий; официальные данные голосований в парламенте по ряду законопроектов, посвящённых ЯО; тексты документов НПО. Автор также опирается на данные опросов общественного мнения, проведённых в рамках исследований прошлых лет [Smetana, Onderco, Etienne 2023, 2021; Onderco et al. 2021; van Reekum 2016], и данные СМИ о характеристиках демонстраций за разоружение, выполненных НПО.

Особое внимание уделено сравнению позиций политических партий по вопросам ядерного разоружения, а также сопоставлению публичных заявлений с фактическими решениями правительства.

Исторические особенности восприятия Нидерландами проблем ядерной безопасности

После завершения Второй мировой войны, на фоне складывания биполярной системы международных отношений руководство Нидерландов осознавало необходимость отказа от нейтралитета как стратегии безопасности, доказавшей свою неэффективность [Vooghoeve 1979]. Нидерланды стали одним из государств-основателей НАТО, поставив свою политику безопасности в зависимость от курса США.

В соответствии с союзническими обязательствами, в 1960 г. Нидерланды разместили на своей территории американское тактическое ЯО. Официально правительство никогда этого не подтверждало, но данные НАТО и заявления бывших высо-

копоставленных политических деятелей свидетельствовали о наличии на военной базе Фолкел около 20 бомб, которые могут быть доставлены нидерландскими истребителями⁸. На фоне роста военной напряжённости в Европе наличие ЯО на территории Нидерландов стало источником общественного недовольства. Население страны рассматривало его размещение как потенциальный риск, способный превратить страну в первоочередную цель в случае конфликта со странами Варшавского договора. Эти настроения не были секретом для властей, чем и объясняется отсутствие официальной публикации данных об американском ЯО [Onderco, Joosen 2022].

Правительство, состоявшее из *CDA* и *VVD*, не могло отказать США в размещении ЯО по нескольким причинам. В частности, подобный подход позволял обеспечить национальную безопасность страны с минимальными затратами бюджета, поскольку Нидерланды были экономически истощены в послевоенные годы. Кроме того, размещая у себя ядерное оружие, Амстердам надеялся, что в случае начала конфликта наступление противника удастся остановить прежде, чем он приблизится к первой линии обороны НАТО, на тот момент проходившей по рекам Рейн и Эйссел, то есть по территории Нидерландов. Одновременно с этим размещение ЯО на территории страны подкрепляло образ Нидерландов как одного из приоритетных младших партнёров Соединённых Штатов [Onderco, Joosen 2022; van der Harst 1997]. Эти аргументы соответствуют определению понятия безопасности через призму поиска убежища, что также подкрепляется экономическими расчётами руководства страны.

Вместе с тем поддержка ядерного разоружения в нидерландском обществе росла, следствием чего стало появление НПО,

отражающих такие настроения. Именно благодаря крупнейшей из них – христианскому «Общecerковному совету мира» (нид. *Interkerkelijk Vredesberaad, IKV*) – была проведена крупнейшая демонстрация в истории Нидерландов. В 1983 г. в Гааге более 500 тыс. манифестантов выступили против размещения американского ядерного оружия на территории страны в рамках «двойного решения НАТО»⁹.

Последнее предполагало размещение в Нидерландах американских крылатых ракет «Томагавк», что вызвало, среди прочего, ожесточённые дискуссии в парламенте. Левые силы, наряду с частью депутатов от *CDA*, входившей в правящую коалицию с *VVD*, высказались против решения правительства. Анализ заявлений депутатов того времени показывает, что среди политической элиты страны были глубокие противоречия [van Dijk 2011]. Политики столкнулись с необходимостью балансировать между союзническими обязательствами в рамках НАТО и стремлением предотвратить эскалацию гонки вооружений. Здесь вновь заметно столкновение логики сохранения убежища в виде модернизированного ядерного зонтика и стремления выступить проводником возможной «разрядки». В этой ситуации лучшим вариантом стало затягивание решения [van Dijk 2011]: правительство дало своё согласие на размещение американского ЯО последним из европейских партнёров – в 1985 году. Тем не менее, в связи с заключением Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в 1987 году, оружие так и не было размещено на территории Нидерландов.

В 1990-е годы начался процесс распада системы блокового противостояния в Европе. На начальном этапе Нидерланды сохраняли преемственность внешнеполитического курса, опираясь на две основ-

⁸ The Netherland's nuclear weapons policies // Basel peace Office. 07.12.2015. URL: https://baselpeaceoffice.org/sites/default/files/imce/HumanRights/submission_to_the_hrc_regarding_netherlands_nuclear_weapons_policies_final_full_version.pdf. (дата обращения: 11.04.2025).

⁹ Massaal protesteren op het Malieveld // Andere Tijden. 02.02.2017. URL: <https://anderetijden.nl/artikel/6667/Massaal-protesteren-op-het-Malieveld>. (дата обращения: 11.04.2025).

ные константы: углубление евроинтеграции за счёт делегирования всё больших полномочий наднациональным органам и опоры на НАТО в вопросах обеспечения национальной безопасности. Тем не менее дальнейшее развитие интеграционных процессов стало принимать всё более политизированный характер, оттесняя на второй план вопросы экономики. Нидерланды превратились в нетто-донора бюджета ЕС, а Брюссель столкнулся с внешнеполитическими неудачами в урегулировании конфликтов 1990–2000-х годов. На этом фоне внешнеполитический курс страны стал принимать всё более проатлантический характер [Швейцер 2008; Van Keulen 2006: 146].

Таким образом, ещё в годы «холодной войны» проблематика ЯО раскалывала нидерландскую политическую элиту: правые партии, находившиеся у власти в моменты принятия ключевых решений, поддерживали приоритет союзнических обязательств, в то время как левые силы выступали за ядерное разоружение. Последнюю точку зрения поддерживали и широкие слои населения, а также НПО, о чём свидетельствуют данные о массовых демонстрациях.

Мнения о ядерном оружии в Нидерландах

Проатлантический характер проявился в более чёткой ориентации Амстердама на подходы Вашингтона и Лондона к вопросам европейской и международной безопасности. Нидерланды не осудили вторжение США в Ирак в 2003 г. и всегда критически оценивали европейские оборонные

проекты [De Wijk 2007]. Ситуация изменилась только в 2020-е годы в связи с ухудшением взаимоотношений между ЕС и США после победы на выборах Дональда Трампа¹⁰. Страна активно участвовала в программах военного присутствия НАТО: в Литовской и Румынской батальонных боевых группах (2022–2023), в Усиленной миссии по патрулированию воздушного пространства на восточном фланге Альянса, а также в патрулировании воздушного пространства в регионе Бенилюкса¹¹. Относительно стабильная ситуация в сфере безопасности в Европе, по крайней мере в восприятии правительства Нидерландов, привела к снижению приоритетности вопросов ядерного разоружения во внутриполитических дебатах.

Ядерное разоружение занимает двойственное положение в системе внешнеполитических приоритетов. С одной стороны, оно регулируется императивами союзнической солидарности в рамках НАТО, а с другой – все еще остаётся центральной темой идеалистских подходов, где постулируется полный отказ страны от наличествующего ЯО.

Сотрудничество с партнёрами по Североатлантическому альянсу и Европейскому союзу остаётся ключевым приоритетом внешней политики Нидерландов¹². Страна продолжает зависеть от гарантий расширенного ядерного сдерживания США. В ответ на запросы НПО (например, PAX¹³) и оппозиции (в первую очередь, SP, GL и PvdA¹⁴) о раскрытии информации об американском ЯО на территории страны, офи-

¹⁰ Veiligheidsstrategie voor het Koninkrijk der Nederlanden // Rijksoverheid. 03.04.2023. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/publicaties/2023/04/03/veiligheidsstrategie-voor-het-koninkrijk-der-nederlanden>. (accessed: 11.04.2025).

¹¹ Versterking oostflank NAVO-gebied // Ministerie van Defensie. URL: <https://www.defensie.nl/onderwerpen/oostflank-navo-gebied/versterking-oostflank-navo-gebied>. (дата обращения: 11.04.2025).

¹² Regeerprogramma. Uitwerking van het hoofdlijnenakkoord door het kabinet // Open.overheid.nl. 13.09.2024. URL: <https://open.overheid.nl/documenten/ronl-f525d4046079b0beabc6f897f79045ccf2246e08/pdf>. (дата обращения: 11.04.2025) P. 8.

¹³ Nieuwe kernwapens in Nederland // PAX. 2023. URL: https://paxvoorvrede.nl/wp-content/uploads/2023/10/PAX_REPORT_Nieuwe_Kernwapens_2023.pdf. (accessed: 11.04.2025).

¹⁴ См. например Uitvoering van de motie van het lid Jasper van Dijk over de stand van zaken rond nucleaire ontwapening en moderisering van kernwapens in Nederland (Kamerstuk 36200-V-30) // Tweede Kamer. 22.12.2022. URL: https://www.tweedekamer.nl/kamerstukken/brieven_regering/detail?id=2022226196&did=2022D56490. (accessed: 11.04.2025).

циальные лица ограничиваются ссылкой на требования режима секретности. Как подчёркивают представители властей, сохранение конфиденциальности подобных данных является важным для обеспечения национальной безопасности, особенно в «нынешней геополитической реальности»¹⁵. Позиция Нидерландов соответствует подходам других западноевропейских государств к вопросам обеспечения ядерной безопасности. Основным акцент делается на важности сохранения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Одновременно с этим официальные лица регулярно выражают обеспокоенность в связи с действиями России, которые, по их оценкам, подрывают стабильность этого режима, и заявляют о готовности к исполнению своей союзнической роли в НАТО¹⁶.

В то же время, по словам министра обороны страны Р. Брекелманса, Нидерланды подтверждают общее стремление к ядерному разоружению¹⁷ и активно участвуют в международных переговорах процессах [Shirobokova 2018]. В начале 2010-х годов нидерландские представители в Рабочей группе открытого состава (*Open-Ended Working Group, OEWG*) последовательно поддерживали идею постепенного отказа

от ядерного оружия¹⁸. Нидерланды продолжают участвовать в ядерном разоружении, в частности, в рамках Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Например, страна присутствовала на первой встрече государств-участников ДЗЯО в качестве наблюдателя. На этом мероприятии её представитель призвал к активизации разработки Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (*Fissile Material Cut-off Treaty*)¹⁹. Однако неизменным остаётся отказ Амстердама от подписания документа, что подчёркивает второстепенность для него полного ядерного разоружения.

Политические партии, выступающие за более активную роль Нидерландов в ограничении ядерных вооружений, используют парламентские запросы как инструмент воздействия на правительство. Их ключевое требование – публичное раскрытие информации о возможном размещении ядерного оружия на территории страны. В конце 2000-х – начале 2010-х годов ряд парламентариев от левых и левоцентристских партий – *PvdA*, *D66*, а также «Зелёных левых» (*GroenLinks, GL*) – обращались к правительству с призывами отказаться от размещения на своей территории американского ЯО²⁰ и в целом собственным при-

¹⁵ Beslisnota bij Kamerbrief inzake uitvoering van de motie van het lid Jasper van Dijk over de stand van zaken rond nucleaire ontwapening en modernisering van kernwapens in Nederland (Kamerstuk 36200-V-30) // Eerste Kamer. 22.12.2022. URL: https://www.eerstekamer.nl/overig/20221222/beslisnota_bij_kamerbrief_inzake_7/document. (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁶ Uitvoering van de motie van het lid Jasper van Dijk over de stand van zaken rond nucleaire ontwapening en modernisering van kernwapens in Nederland (Kamerstuk 36200-V-30) // Tweede Kamer. 22.12.2022. URL: https://www.tweedekamer.nl/kamerstukken/brieven_regering/detail?id=2022Z26196&did=2022D56490. (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁷ Tweede Kamer, 32e vergadering Woensdag 4 december 2024 // Tweede Kamer. 04.12.2024. URL: https://www.tweedekamer.nl/kamerstukken/plenaire_verslagen/detail/2024-2025/32. (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁸ "Building Blocks for a World without Nuclear Weapons," working paper submitted to the OEWG, Geneva, June 27, 2013 // Reaching Critical Will. 27.06.2013. URL: www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/OEWG/Documents/WP.4_Japan_group.pdf. (accessed: 11.04.2025).

¹⁹ Statement by the Netherlands at the 1st Meeting of States Parties of the TPNW // Rijksoverheid. 22.06.2022. URL: <https://www.tweedekamer.nl/downloads/document?id=2022D32557>. (accessed: 11.04.2025).

²⁰ Motie van de leden Van Velzen en Azough over de wenselijkheid van terugtrekking van Amerikaanse kernwapens uit Europa—Vaststelling van de begrotingsstaten van het Ministerie van Buitenlandse Zaken (V) voor het jaar 2010, 32 123 V, No. 86 // Eerste Kamer. 21.04.2010. URL: https://www.eerstekamer.nl/behandeling/20100421/motie_van_de_leden_van_velzen_en_azough/document3/f=/viqdcqqrxdgc.pdf. (дата обращения: 11.04.2025).

мером показать стремление к ядерному разоружению²¹.

Среди негосударственных организаций, занимающихся этими вопросами, особой активностью выделяются *РАХ* (преемник *КИ*) и нидерландское отделение Международного комитета Красного Креста (МККК). Они регулярно публикуют заявления и инициируют петиции, в которых требуют от правительства большей прозрачности в вопросах, связанных с ядерным оружием, а также призывают к присоединению страны к ДЗЯО. Кроме того, они активно организуют демонстрации, привлекая внимание к проблеме ядерного разоружения²².

Внешнеполитический курс Нидерландов демонстрирует явное противоречие между общественными ожиданиями и официальной позицией правительства. С одной стороны, НПО, занимающиеся ЯО, и левые политические силы настаивают на активной роли страны в вопросах продвижения идеи ядерного разоружения, позиционируя её как потенциального лидера этого процесса. С другой стороны, правительство продолжает придерживаться стратегии ядерного сдерживания в рамках НАТО, допуская возможность размещения американского ЯО на своей территории.

Отчасти переход этого противоречия в политический кризис сдерживается нахождением соответствующих партий в оппозиции. Анализ парламентских запросов в нижней палате парламента за 2012–2021 годы, проведённый М. Ондерко и Р. Йосеном [Onderco, Joosen 2022], показал, что проблематика ЯО в Европе связа-

на с партийными различиями: оппозиция более склонна выступать с запросами о ядерной политике в парламенте; кроме того, левые партии чаще голосуют против размещения арсеналов ЯО в Нидерландах, особенно когда эти партии находятся в оппозиции.

При этом даже правящие коалиции, в целом не придерживающиеся принципа полного ядерного разоружения, вынуждены считаться с общественным мнением. Оно выступает преимущественно против ЯО: в 2020 г. опрос компании *YouGov*, исследующей общественное мнение, показал, что 58% респондентов поддерживают идею вывода американского ядерного оружия с территории Нидерландов²³. В то же время, согласно исследованию, общественные настроения в Нидерландах по этим вопросам менее консолидированы, чем в других европейских странах, таких как ФРГ [Smetana, Onderco, Etienne 2021].

Такое положение вещей связано с обострением военно-политической ситуации в Европе и мире, что способствует повышению общего уровня тревожности среди населения. В результате усиливается запрос общества на более осязаемые гарантии безопасности – со стороны НАТО. Это обстоятельство делает практически любую партийную позицию, кроме проатлантической, очень уязвимой. Доказательством может служить критика в адрес лидера Партии свободы Г. Вилдерса, чья позиция до 2022 г. воспринималась в Нидерландах как пророссийская²⁴.

Даже те силы, которые ранее выступали за отказ от ЯО, реже поднимают эту тему.

²¹ Gewijzigde Motie van het lid Sjoersma ter vervanging van die gedrukt onder Nr 9 over de nucleaire ontwapening en non-proliferatie, 33 783, No. 10 // Parlementaire Monitor. 18.03.2014. URL: https://www.parlementairemonitor.nl/9353000/1/j4nvg5kkg27kof_j9vvij5epmj1ey0/vji6i2llccw1/f=/kst3378310.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

²² van Alebeek H. Protestactie tegen nieuwe kernwapens op vliegbasis Volkel // Brabants Dagblad. 15.09.2021. URL: <https://www.bd.nl/uden-veghel-e-o/protestactie-tegen-nieuwe-kernwapens-op-vliegbasis-volkel-a2a220f3/> (дата обращения: 11.04.2025).

²³ NATO Public Opinion on Nuclear Weapons // ICAN. 2021. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ican/pages/234/attachments/original/1611134933/ICAN_YouGov_Poll_2020.pdf. (accessed: 11.04.2025).

²⁴ Jesse Klaver: 'Vrienden van Wilders in Europa hebben allemaal banden met het Kremlin' // BNNVARA. 07.04.2024. URL: <https://www.bnnvara.nl/joop/artikelen/jesse-klaver-vrienden-van-wilders-in-europa-hebben-allemaal-banden-met-het-kremlin> (дата обращения: 11.04.2025).

Хотя формально в предвыборных программах крупнейших левых партий – *SP*, блока *PvdA* и *GL* – всё ещё содержатся призывы к ядерному разоружению и выводу с территории Нидерландов американского ЯО, а *SP* даже призывает подписать соответствующий договор²⁵, данные вопросы практически не фигурируют в электоральном дискурсе.

Маловероятно, что активизация левыми силами дискуссии о ЯО приведёт к существенным изменениям в правительственном курсе. Существующий политический расклад демонстрирует устойчивое доминирование правых и правоцентристских партий, обладающих значительным перевесом в парламенте. Правящая коалиция, включающая в себя *VVD*, антииммигрантскую правопопулистскую Партию свободы и правоцентристские партии «Новый социальный контракт» (*Nieuw Sociaal Contract, NSC*) и «Фермерско-гражданское движение» (*BoerBurgerBeweging, BBB*), контролирует 88 из 150 мест в нижней палате парламента. В то же время совокупное представительство основных левых и левоцентристских сил – блока *GL/PvdA*, «Демократов-66» (*D66*) и *SP* – ограничивается

лишь 39 мандатами. Несмотря на рост поддержки центристских партий, наиболее популярными остаются правые *PVV* (18–21%) и *VVD* (15–18%)²⁶.

Позиция правых партий по ЯО примерно соответствует положениям, изложенным в предвыборной программе *VVD* 2023 года, в которой отмечается, что «Нидерланды продолжат способствовать выполнению задач НАТО в области ядерного оружия»²⁷. Упоминания ЯО содержатся лишь в программах *VVD*, *GL/PvdA* и *SP*. О второстепенной роли данной проблематики в политической повестке свидетельствует и минимальное количество парламентских запросов по этому вопросу. За период с 2022 по 2025 г. было зарегистрировано всего четыре таких инициативы: три исходили от *SP* и одна – от совместной группы депутатов *SP* и *D66*²⁸.

Отражением позиции Амстердама по ЯО стала ситуация с участием страны в переговорах по Договору о запрещении ядерного оружия. Этот документ, открытый ООН к подписанию 20 сентября 2017 года, предполагает отказ подписантов от разработки, испытания, хранения, приобретения, транспортировки и использования ЯО²⁹.

²⁵ Nu de mensen. Programma van de Socialistische Partij voor de Tweede Kamerverkiezingen van 22 november 2023 // *SP*. URL: https://sp-mediabucket.s3.eu-north-1.amazonaws.com/2025/01/OfSgFA5C-sp_verkiezingsprogramma_2023-2027.pdf. (дата обращения: 11.04.2025); Samen voor een hoopvolle toekomst. GroenLinks PvdA verkiezingsprogramma 2023 // GroenLinksPvdA. URL: <https://groenlinkspvda.nl/wp-content/uploads/2023/10/VKP-DEF-1.pdf>. (дата обращения: 11.04.2025).

²⁶ Данные на 25 марта 2025 г. См. *Laatste Peilingwijzer // Ipsos I&O & Verian/EenVandaag*. 25.03.2025. URL: <https://peilingwijzer.tomlouwerse.nl/>. (дата обращения: 11.04.2025).

²⁷ Ruimte geven. Grenzen stellen. Verkiezingsprogramma VVD 2023 // *VVD*. URL: <https://www.vvd.nl/wp-content/uploads/2023/09/Verkiezingsprogramma-VVD-2023-2027.pdf>. (дата обращения: 11.04.2025).

²⁸ Motie van de leden Jasper van Dijk en Sjoerdsma over regeringsaanwezigheid bij de vergadering van het Verdrag inzake het verbod op kernwapens, No. 21501-02-2497 // Tweede Kamer der Staten-Generaal. 15.06.2022. URL: <https://www.tweedekamer.nl/kamerstukken/moties/detail?id=2022Z12201&did=2022D25168>. (дата обращения: 11.04.2025); Motie van het lid Dobbe over de Tweede Kamer binnen drie maanden informeren over kernwapens in Nederland, No. 36600-X-53 // Tweede Kamer der Staten-Generaal. 04.12.2024. URL: <https://www.tweedekamer.nl/kamerstukken/moties/detail?id=2024Z20281&did=2024D47882>. (дата обращения: 11.04.2025); Motie van het lid Dobbe over het non-proliferatieverdrag nakomen en actief uitdragen, No. 28676-515 // Tweede Kamer der Staten-Generaal. 27.05.2025. URL: <https://www.tweedekamer.nl/kamerstukken/moties/detail?id=2025Z10669&did=2025D24473>. (дата обращения: 11.04.2025); Motie van het lid Jasper van Dijk over de stand van zaken rond nucleaire ontwapening en modernisering van kernwapens in Nederland, No. 36200-V-30 // Tweede Kamer der Staten-Generaal. 24.11.2022. URL: <https://www.tweedekamer.nl/kamerstukken/moties/detail?id=2022Z23044&did=2022D49754>. (дата обращения: 11.04.2025).

²⁹ Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // UNODA Treaties Database. 09.08.2017. URL: <https://treaties.unoda.org/t/tpnw>. (accessed: 11.04.2025).

Условием вступления в силу было подписание и ратификация 50 государствами; 22 января 2021 г. договор вступил в силу. Он подписан 94 и ратифицирован 73 государствами, среди которых нет ядерных держав, изначально выступивших против и не участвовавших в переговорах по составлению текста. Государства-члены НАТО также не присоединились к договору.

Несмотря на активные общественные движения за ядерное разоружение, большинство государств Альянса под влиянием США отказались от участия в переговорах по Договору о запрещении ядерного оружия. Американская сторона, которую поддерживали другие члены ядерного клуба, полагает, что документ не является подходящим инструментом ядерного сдерживания. Особую обеспокоенность Вашингтона вызвали тенденции 2000–2010-х годов в Италии, ФРГ, Бельгии и Нидерландах, где находится американское тактическое оружие. К моменту начала переговоров в 2017 г. в парламентах этих стран уже обсуждались вопросы, связанные с судьбой американского ЯО. Идеи отказа от его размещения на своей территории получили широкую общественную поддержку. В США полагали, что вступление Договора о запрещении ядерного оружия в силу будет способствовать усилению этих тенденций [Kristensen, Korda 2021; Onderco, Joosen 2022].

Единственным государством-членом НАТО, принявшим участие в обсуждении договора, стали Нидерланды, что было продиктовано давлением со стороны НПО и оппозиционных фракций в парламенте [Onderco, Joosen 2022]. Основным требованием страны стало включение в текст отсылки к ДНЯО и обеспечение соблюдения его положений как основы международного режима нераспространения. Тем не менее в окончательную редакцию не

были включены положения, на которых настаивали представители нидерландской делегации. Ввиду отсутствия чётких отсылок на ДНЯО, конкретных механизмов верификации, а также убеждённости Нидерландов в несовместимости обязательств по договору и членством в НАТО Амстердам стал единственным участником переговоров, проголосовавшим против документа³⁰.

В то же время не существует юридических ограничений для подписания Нидерландами этого договора [Shirobokova 2018]. Во-первых, государства-члены НАТО, будучи подписантами конвенций о запрещении тех или иных видов вооружений, таких как Конвенция по кассетным боеприпасам, не рассматривают такое участие как противоречащее их союзническим обязательствам. Кроме того, ряд государств-членов имеют особые взгляды на размещение ЯО на своей территории: Исландия и Литва в целом отказываются от размещения американского ЯО на своей территории, а Дания, Норвегия, Испания выступают против его размещения в мирное время³¹, что не противоречит Североатлантическому договору. Отказ Амстердама от подписания Договора о запрещении ядерного оружия мотивирован скорее политическими, а не юридическими причинами.

Документ имеет широкую поддержку среди населения: проведённые исследования [Onderco et al. 2021] показали, что большинство нидерландцев поддерживает подписание их страной Договора о запрещении ядерного оружия. При этом наиболее популярным среди респондентов оказался вариант поддержки при условии, что все ядерные державы также подпишут соглашение — сценарий, который в текущих военно-политических условиях выглядит практически неосуществимым. Еще менее вероятный, но звучащий в призывах

³⁰ Explanation of vote... Ibid. of the Netherlands on text of Nuclear Ban Treaty // Reaching Critical Will. 07.07.2017. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/nuclear-weapon-ban/statements/7July_Netherlands.pdf. (accessed: 11.04.2025).

³¹ NUCLEAR WEAPONS BAN Monitor 2020 // Ban Monitor. URL: <https://banmonitor.org/files/Nuclear-Weapons-Ban-Monitor/TNWBM-2020.pdf> p 56. (accessed: 11.04.2025).

НПО сценарий – подписание Нидерландами договора независимо от действий других государств – широко поддерживает электорат левых партий [Onderco et al. 2021].

Нидерландцы выступали за присоединение к договору, поскольку «не ощущали угрозы безопасности» и были готовы на ядерное разоружение [Shirobokova 2018: 4]. Между тем в условиях вооружённого конфликта в Европе в 2020-е годы данные опросов общественного мнения изменились. Исследователи М. Ондерко, М. Сметаны и Т. Этьена [Onderco, Smetana, Etienne 2023] сравнили результаты опросов в сентябре 2020 г. и в июне 2022 г. и заключили, что доля граждан, считающих, что американское ЯО должно быть немедленно вывезено из страны, снизилась с 49 до 37%. Поддержка населением политики ядерного сдерживания напрямую коррелирует с субъективной оценкой угроз национальной безопасности – чем более значительными воспринимаются эти угрозы, тем более благоприятным становится отношение к концепциям ядерного зонтика НАТО и институционального убежища.

Дискуссия: приоритет союзнических обязательств над ролью сторонника ядерного разоружения

С одной стороны, руководство Нидерландов пошло на риск ухудшения отношений с США ради подчёркивания важности ядерного разоружения. Правительство страны приняло решение всё же участвовать в обсуждении текста Договора о запрещении ядерного оружия, несмотря на американскую позицию. С другой стороны, отказ от подписания Договора, как и сохранение американского ЯО на своей территории, сигнализирует о приоритетности обязательств страны перед НАТО. Эти соображения предопределили принципиальную позицию нидерландской делегации, отказавшейся поддержать итоговый текст документа. Подчинение внеш-

ней политики союзническим обязательствам скорее объясняется логикой теории убежища, чем стремлением к обеспечению онтологической безопасности.

Такая расстановка приоритетов связана с высокой степенью напряжённости отношений между Россией и Западом на момент обсуждения и голосования по договору. На этом фоне мультилатерализм представлялся руководству страны более реалистичным способом обеспечения национальной безопасности. После 2014 г. Нидерланды демонстрировали растущую жёсткость во внешней политике, что проявилось в ряде конкретных действий. Правительство не только присоединилось к западным санкциям, но и инициировало собственные ограничительные меры, особенно в сфере импорта энергоносителей. Одновременно в официальных заявлениях стал преобладать резко конфронтационный тон. Помимо конфликта на Украине в целом, почвой для смены тона стало крушение над территорией Донецкой области 17 июля 2014 г. авиалайнера «Боинг-777-200» авиакомпании «Малайзия Эйрлайнс», в результате крушения которого погибли 196 граждан Нидерландов. В крушении рейса Нидерланды последовательно обвиняют Россию³².

Политический ландшафт Нидерландов характеризуется устойчивым преобладанием правоцентристских и правых партий, чья внешнеполитическая программа неизменно основывается на приоритете отношений с НАТО. Статистика назначений на ключевые должности подтверждает этот тренд: с начала XXI века Министерство иностранных дел представляли 11 раз, тогда как левоцентристские политики занимали этот пост лишь трижды. Даже среди правопопулистских сил лишь маргинальный «Форум за демократию» (*FvD*), получивший 2% голосов на выборах 2023 года, выступает за выход из Альянса. Основные же политические партии вне зависимости

³² Neerhalen vlucht MH17 // Rijksoverheid. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/neerhalen-vlucht-mh17>. (accessed: 11.04.2025).

от их идеологической направленности сохраняют приверженность трансатлантическому партнёрству, хотя правые и правоцентристские силы демонстрируют наиболее последовательный проатлантический курс в своей внешнеполитической повестке [Bosse, Lehmbecker, Spornraft 2025].

Таким образом, в нидерландской политике чётко прослеживается противоречие между декларируемой приверженностью ядерному разоружению и реальными приоритетами. Хотя левые силы, НПО и значительная часть общественности поддерживают разоружение, доминирующей остаётся линия правых партий, основанная на союзнических обязательствах перед США. Текущая ситуация в сфере европейской безопасности и электоральное усиление правых сил поддерживают проатлантический курс, что снижает вероятность пересмотра размещения ядерного оружия и усиливает доминирование логики «поиска убежища» над логикой «поддержания онтологической безопасности». Пример переговоров по Договору о запрещении ядерного оружия демонстрирует, что в риторике Нидерландов всё ещё присутствуют призывы к миру, свободному от ядерного оружия. Однако этот пример показывает и то, что декларативные заявления Амстердама не ведут к соответствующим действиям в силу сохраняющейся зависимости от ядерных гарантий США.

* * *

Политический курс Нидерландов в отношении ЯО сводится к опоре на ядерный зонтик США, что соответствует пониманию национальной безопасности как поиска убежища, которым в данном случае выступает НАТО. Это обусловлено ухудшением военно-политической обстановки в Европе, ощущаемой в том числе в Нидерландах. В то же время НПО, часть населения и некоторые политические силы придерживаются мнения, что Амстердам должен самостоятельно и вместе с союзниками стремиться к ядерному разоружению, что соответствует логике онтологической безопасности во внешней политике. Сторонникам разоружения удаётся оказывать незначительное влияние на политику правительства: наиболее ярким примером стало участие Нидерландов в переговорах по Договору о запрещении ядерного оружия в 2017 году. Вместе с тем логика институциональной защиты посредством участия в НАТО преобладает над соображениями онтологической безопасности. Для Нидерландов как страны, размещающей на своей территории американское ЯО, соблюдение союзнических обязательств становится безусловным приоритетом. В итоге наблюдается отход от самопозиционирования Нидерландов как сторонника ядерного разоружения в пользу более прагматичного курса, ориентированного на гарантии коллективной безопасности.

Приложение 1.

Карта акторов (2017–2025 гг.)

Актор	Тип актора	Позиция по ЯО	Действия
Народная партия за свободу и демократию (VVD)	правящая партия	Сохранение ЯО США на своей территории, полное соблюдение союзнических обязательств по совместным ядерным силам НАТО	Заявления парламентариев ³³ , включение ЯО в предвыборную программу, голосования во Второй палате
Партия свободы (PVV)	оппозиционная партия (2017–2024; 2025 гг.); правящая партия (2024–2025 гг.)	Нет четкой позиции: поведение в ходе голосований свидетельствует о поддержке статус-кво	Голосования во Второй палате
Новый социальный контракт (NSC)	правящая партия (2024–2025 гг.)	Сохранение ЯО США на своей территории	Заявления официальных лиц ³⁴ , голосования во Второй палате
Фермерско-гражданское движение (BBB)	оппозиционная партия (2021–2024 гг.); правящая партия (2024–2025 гг.)	Нет четкой позиции: поведение в ходе голосований свидетельствует о поддержке статус-кво	Голосования во Второй палате
блок Зеленые левые / Партия труда (GL-PvdA)	оппозиционная партия	Нидерланды должны способствовать ядерному разоружению в мире; против американского ЯО на территории Нидерландов	Заявления парламентариев ³⁵ , включение ЯО в предвыборную программу, голосования во Второй палате
Демократы-66 (D66)	оппозиционная партия (2024–2025 гг.); правящая партия (2017–2024 гг.)	Колеблющаяся позиция: поведение в ходе голосований свидетельствует то о поддержке антиядерных инициатив, то об ее отсутствии	Голосования во Второй палате
Социалистическая партия (SP)	оппозиционная партия	Нидерланды должны способствовать ядерному разоружению в мире; против американского ЯО на территории Нидерландов; Нидерланды должны подписать договор о запрещении ЯО	Заявления парламентариев ³⁶ , включение ЯО в предвыборную программу, голосования во Второй палате

³³ Linkse oppositie wil kernwapens uit Nederland in ruil voor minder Russische nucleaire wapens // Volkskrant. 05.12.2019. URL: <https://www.volkskrant.nl/nieuws-achtergrond/linkse-oppositie-wil-kernwapens-uit-nederland-in-ruil-voor-minder-russische-nucleaire-wapens~b0b09a5f/>. (accessed: 11.04.2025).

³⁴ См. например заявление министра иностранных дел, члена партии NSC Каспара Велдкампа: Minister Veldkamp: 'Ik reken op nucleaire bescherming van Amerika' // Headliner.nl. 09.03.2025. URL: <https://www.headliner.nl/item/minister-veldkamp-ik-reken-op-nucleaire-bescherming-van-amerika-nosnl-223537>. (accessed: 11.04.2025).

³⁵ Linkse oppositie wil kernwapens uit Nederland in ruil voor minder Russische nucleaire wapens // Volkskrant. 05.12.2019. URL: <https://www.volkskrant.nl/nieuws-achtergrond/linkse-oppositie-wil-kernwapens-uit-nederland-in-ruil-voor-minder-russische-nucleaire-wapens~b0b09a5f/>. (accessed: 11.04.2025).

³⁶ Linkse oppositie wil kernwapens uit Nederland in ruil voor minder Russische nucleaire wapens // Volkskrant. 05.12.2019. URL: <https://www.volkskrant.nl/nieuws-achtergrond/linkse-oppositie-wil-kernwapens-uit-nederland-in-ruil-voor-minder-russische-nucleaire-wapens~b0b09a5f/>. (accessed: 11.04.2025).

PAX	НПО	Нидерланды должны способствовать ядерному разоружению в мире; против американского ЯО на территории Нидерландов; Нидерланды должны подписать договор о запрещении ЯО	Публикации ³⁷ , проведение демонстраций ³⁸
Население Нидерландов	общественное мнение	Мнения разобщены	Опросы общественного мнения ³⁹

Источник: составлено автором.

Избранные голосования по проблематике ЯО (2017-2025 гг., указаны только фракции, имеющие 5 и более мест во Второй палате Генеральных Штатов)

Дата	Парламентский запрос	Автор (фракция)	Итоги голосования		
			«за»	«против»	результат
02.11.2017	о дальнейшем изыскании возможности подписать договор о запрещении ЯО	Э. Румер (SP), Т. Кузу (DENK), М. Тиме (PvdD), Й. Клавер (GL), Х. Крол (CDA), Л. Аксер (PvdA)	GL, SP, PvdA, PvdD	VVD, PVV, CDA, D66, CU	отклонен
15.11.2017	об американском ЯО, размещенном на базе Фолкел	С. Карабулут (SP), Л. Плаумен (PvdA), А. ван Оик (GL)	GL, SP, PvdA, PvdD	VVD, PVV, CDA, D66, CU	отклонен
15.11.2018	о поддержке договора ООН [о запрещении ЯО – А.П.]	Ж. Вордевинд (CU)	D66, GL, SP, PvdA, CU, PvdD	VVD, PVV, CDA	принят
15.11.2018	о сохранении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности	Ж. Вордевинд (CU), С. Копманс (VVD), Ш. Шурдсма (D66), М. ван Гелверт (CDA)	PVV, CDA, D66, GL, SP, PvdA, CU, PvdD	VVD	принят
15.11.2018	об информации об инфраструктуре, связанной с обязательствами Нидерландов в области ЯО	С. Карабулут (SP), А. ван Оик (GL), Л. Плаумен (PvdA)	GL, SP, PvdA, PvdD	VVD, PVV, CDA, D66, CU	отклонен
03.12.2020	об отказе от участия в военных учениях, связанных с использованием ЯО	С. Карабулут (SP)	GL, SP, PvdA	VVD, PVV, CDA, D66, CU	отклонен
10.06.2021	о заявлении о том, что мир должен быть свободен от ЯО	Я. Ван Дейк (SP)	D66, PvdA, SP, GL, PvdD, CU	VVD, PVV, CDA, FVD	отклонен

³⁷ Nieuwe kernwapens in Nederland // PAX. 2023. URL: https://paxvoorvrede.nl/wp-content/uploads/2023/10/PAX_REPORT_Nieuwe_Kernwapens_2023.pdf. (accessed: 11.04.2025).

³⁸ van Alebeek H. Protestactie tegen nieuwe kernwapens op vliegbasis Volkel // Brabants Dagblad. 15.09.2021. URL: <https://www.bd.nl/uden-veghel-e-o/protestactie-tegen-nieuwe-kernwapens-op-vliegbasis-volkel-a2a220f3/> (дата обращения: 11.04.2025).

³⁹ NATO Public Opinion on Nuclear Weapons // ICAN. 2021. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ican/pages/234/attachments/original/1611134933/ICAN_YouGov_Poll_2020.pdf. (accessed: 11.04.2025).

10.06.2021	об участии в качестве наблюдателя на первой встрече, посвященной договору ООН о запрещении ЯО	Я. Ван Дейк (SP)	PvdA, SP, GL, PvdD	VVD, D66, PVV, CDA, CU, FVD	отклонен
18.11.2021	об участии в качестве наблюдателя на переговорах о Договоре о запрещении ЯО	Я. Ван Дейк (SP), Т. Ван дер Лее (GL), К. Пири (PvdA), Т. Кузу (DENK)	D66, PvdA, SP, GL, PvdD, CU	VVD, PVV, CDA, FVD	отклонен
15.06.2022	о присутствии представителя правительства на встрече, посвященной Договору о запрещении ЯО	Я. Ван Дейк (SP), Ш. Шурдсма (D66)	D66, CDA, PvdA, SP, GL, PvdD, CU	VVD, PVV, FVD	принят
17.11.2022	о состоянии дел вокруг ядерного разоружения и модернизации ЯО в Нидерландах	Я. Ван Дейк (SP)	PVV, PvdA, SP, GL, PvdD, FVD	VVD, D66, CDA, CU	отклонен
24.11.2022	о состоянии дел вокруг ядерного разоружения и модернизации ЯО в Нидерландах	Я. Ван Дейк (SP)	D66, PVV, PvdA, SP, GL, PvdD, FVD	VVD, CDA, CU	принят
04.12.2024	об информировании парламента о ЯО в Нидерландах в течение трех месяцев	С. Доббе (SP)	GL-PvdA, SP	PVV, VVD, NSC, D66, BBB, CDA	отклонен

Источник: составлено автором по данным веб-сайта Второй палаты Генеральных Штатов.

Список литературы

- Лебедева М.М.* Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. 2014. Т. 1. Р. 99–108. DOI: 10.17976/jpps/2014.01.07.
- Прохоренко И.Л., Алешин А.А.* К вопросу оценки внешнеполитического потенциала государств в прогнозных исследованиях // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. Т. 3. Р. 12–22. DOI: 10.20542/afij-2019-3-12-22.
- Смирнов В.А.* К вопросу о роли малых стран в процессах реструктурирования постсоветского пространства (на примере Прибалтики) // Балтийский регион. 2014. Т. 4. №22. Р. 48–58. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-4-3.
- Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я.* Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т.12. №6. С. 129–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149
- Швейцер В.Я.* Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. 2008. №4(36). С. 46–58.
- Amstrup N.* The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts // Cooperation and Conflict. 1976. Vol. 11. No. 3. P. 163–182. DOI: 10.1177/001083677601100302.
- Andeweg R.B., Irwin G.A., Louwerse T.* Government and politics of the Netherlands. London: Red Globe Press, 2020. 897 p.
- Baehr P.R.* Small States: A Tool for Analysis? // World Politics. 1975. Vol. 27. No. 3. P. 456–466. DOI: 10.2307/2010129. DOI:10.2307/2010129
- Baehr P.R., Castermans-Holleman M.C., Grünfeld F.* Human Rights in the Foreign Policy of the Netherlands // Human Rights Quarterly. 2002. Vol. 24. No. 4. P. 992–1010. DOI: 10.1353/hrq.2002.0043
- Bailes A.J.K., Thayer B.A., Thorhallsson B.* Alliance Theory and Alliance 'Shelter': The Complexities of Small State Alliance Behaviour // Third World Thematics: A TWQ Journal. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 9–26. DOI: 10.1080/23802014.2016.1189806
- Bosse G., Lehmbecker L., Spornraft L.* Dutch–U.S. Relations: Navigating Atlanticism under Pressure // The United States and the Future of Europe / ed. by M. Kaeding, J. Pollak, P. Schmidt. Cham: Springer, 2025. P. 87–91. DOI: 10.1007/978-3-031-83350-2_19

- van Dijk R.* "A mass psychosis": The Netherlands and NATO's dual-track decision, 1978–1979 // *Cold War History*. 2011. Vol. 12. No. 3. P. 381–405. DOI: 10.1080/14682745.2011.621750
- Essen H. von, Danielson A.* A Typology of Ontological Insecurity Mechanisms: Russia's Military Engagement in Syria // *International Studies Review*. 2023. Vol. 25. No. 2. viad016. DOI: 10.1093/isr/viad016.
- Giddens A.* *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press. 1991. 264 p.
- Hänggi H.* Small State as a Third State // *Small States inside and outside the European Union, Interests and Policies* / ed. by L. Goetschel. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 79–97.
- van der Harst J.* Kernwapens? Geen bezwaar // *Transaktie*. 1997. Vol. 26. No. 4. P. 295–517.
- Huysmans J.* Security! What Do You Mean? From Concept to Thick Signifier // *European Journal of International Relations*. 1998. Vol. 4. No. 2. P. 226–255. <https://doi.org/10.1177/1354066198004002004>
- van Keulen M.* Going Europe or Going Dutch: How the Dutch Government Shapes European Union Policy. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006. 264 p. DOI: 10.5117/9789053568743
- Kristensen H.M., Korda M.* United States nuclear weapons // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2021. Vol. 77. No. 1. P. 43–63. DOI: 10.1080/00963402.2020.1859865
- Kruizinga S.* A Small State? The Size of the Netherlands as a Focal Point in Foreign Policy Debates, 1900–1940 // *Diplomacy & Statecraft*. 2016. Vol. 27. No. 3. P. 420–436. DOI: 10.1080/09592296.2016.1196062.
- Long T.* Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power // *International Studies Review*. 2016. Vol. 19. No. 2. P. 185–205. DOI: 10.1093/isr/viw040
- Maass M.* The elusive definition of the small state // *International Politics*. 2009. Vol. 46. No. 1. P. 65–83. DOI: 10.1057/ip.2008.37.
- Neumann I. B., Gstöhl S.* Introduction: Lilliputians in Gulliver's World? In: S. Gstöhl et al. (Eds.) *Small States in International Relations*. University of Washington Press. 2006. P. 3–36.
- Onderco M., Joosen R.* Nuclear Weapons in the Tweede Kamer: Analysis of Nuclear Motions in the Dutch House of Representatives in Times of Contestation // *Global Studies Quarterly*. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 1–11. DOI: 10.1093/isagsq/ksac028
- Onderco M., Smetana M., Etienne T.W.* Hawks in the making? European public views on nuclear weapons post-Ukraine // *Global Policy*. 2023. Vol. 14. P. 305–317. DOI: 10.1111/1758-5899.13179
- Onderco M., Smetana M., van der Meer S., Etienne T.W.* When do the Dutch want to join the nuclear ban treaty? Findings of a public opinion survey in the Netherlands // *The Nonproliferation Review*. 2021. Vol. 28. No. 1–3. P. 149–163. DOI: 10.1080/10736700.2021.1978156
- Panke D.* Dwarfs in international negotiations: how small states make their voices heard // *Cambridge Review of International Affairs*. 2012. Vol. 25. No. 3. P. 313–328. DOI: 10.1080/09557571.2012.710590
- van Reekum R.* Raising the question: articulating the Dutch identity crisis through public debate // *Nations and Nationalism*. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 561–580. DOI: 10.1111/nana.12154
- Shirobokova E.* The Netherlands and the prohibition of nuclear weapons // *The Nonproliferation Review*. 2018. Vol. 25. No. 1–2. P. 37–49. DOI: 10.1080/10736700.2018.1487600
- Smetana M., Onderco M., Etienne T.* Do Germany and the Netherlands want to say goodbye to US nuclear weapons? // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2021. Vol. 77. No. 4. P. 215–221. DOI: 10.1080/00963402.2021.1941603
- Steele B.* *Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State*. New York: Routledge. 2008. 208 p.
- Thorhallsson B., Steinsson S.* Small State Foreign Policy. *Oxford Research Encyclopedia of Politics* // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.484>
- Väyrynen R.* On the Definition and Measurement of Small Power Status // *Cooperation and Conflict*. 1971. Vol. 6. No. 1. P. 91–102. DOI: 10.1177/001083677100600109.
- Voorhoeve J.J. C.* *Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy*. The Hague; Boston: M. Nijhoff, 1979. 378 p.
- Wijk R. de.* Seeking the right balance: NATO and EU in Dutch foreign and defense policy // *Nação e Defesa*. 2008. Vol. 118. P. 147–164.

SMALL STATES AND INTERNATIONAL SECURITY

ALLIED COMMITMENTS ABOVE IDEALIST RHETORIC

ANASTASIA POSAZHENNIKOVA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

For the Netherlands as a small state under the US nuclear umbrella, the formation of its position on nuclear disarmament is conditioned by the necessity of fulfilling alliance obligations. At the same time, the country actively participates in all multilateral negotiation processes related to this issue. The aim of this study is to identify the factors that determine Amsterdam's choice in favor of its commitments to NATO at the expense of its traditional adherence to the idea of nuclear disarmament. The theoretical framework of the study is based on interpreting Dutch foreign policy as that of a small state compelled to compensate for a lack of power resources to ensure its own security. Subordinating its foreign policy strategy to alliance obligations means that the Dutch leadership perceives NATO as a "shelter," allowing the country's leadership to resolve the issue of national security through stronger allies. Concurrently, the political discourse maintains the perception of the Netherlands as a driving force in the process of nuclear disarmament, which requires corresponding reinforcement through specific diplomatic initiatives. Reliance on stable and shared perceptions of their roles and models of behavior among actors is characteristic of the concept of ontological security. The author concludes that the Netherlands' policy in the sphere of nuclear weapons is predominantly determined by the necessity of complying with alliance obligations, which corresponds to shelter theory, against the backdrop of heightened security problems in Europe. The concept of ontological security can only play a complementary role in explaining Amsterdam's steps in the nuclear weapons sphere. Approaches to nuclear disarmament according to which the Netherlands should become a locomotive of this global process are characteristic only of non-governmental organizations, a majority of the population, and certain left-wing political forces, and they exert a certain influence on the country's official position. Their potential is significantly limited by the high degree of tension in international relations and the marginal position of left-wing forces in the political system. Given the persistent nature of these factors, radical changes in the Netherlands' foreign policy course on the issue of nuclear weapons appear unlikely in the foreseeable future.

Keywords:

International security; NATO; Netherlands; nuclear disarmament; nuclear weapons; ontological security; shelter theory; small states; Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (TPNW)

References

- Amstrup N. (1976). The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts. *Cooperation and Conflict*. Vol. 11. No. 3. P. 163–182. DOI: 10.1177/001083677601100302.
- Andeweg R.B., Irwin G.A., Louwse T. (2020). *Government and politics of the Netherlands*. London: Red Globe Press. 897 p.
- Baehr P.R. (1975). Small States: A Tool for Analysis? *World Politics*. Vol. 27. No. 3. P. 456–466. DOI: 10.2307/2010129
- Baehr P.R., Castermans-Holleman M. C., Grünfeld F. (2002). Human Rights in the Foreign Policy of the Netherlands. *Human Rights Quarterly*. Vol. 24. No. 4. P. 992–1010. DOI: 10.1353/hrq.2002.0043

- Bailes A.J.K., Thayer B.A., Thorhallsson B. (2016). Alliance Theory and Alliance 'Shelter': The Complexities of Small State Alliance Behaviour. *Third World Thematics: A TWQ Journal*. Vol. 1. No. 1. P. 9–26. DOI: 10.1080/23802014.2016.1189806
- Bosse G., Lehmecker L., Spornraft L. (2025). Dutch-U.S. Relations: Navigating Atlanticism under Pressure. In: M. Kaeding, J. Pollak, P. Schmidt (eds). *The United States and the Future of Europe*. Cham: Springer. P. 87–91. DOI: 10.1007/978-3-031-83350-2_19
- van Dijk R. (2011). "A mass psychosis": The Netherlands and NATO's dual-track decision, 1978–1979. *Cold War History*. Vol. 12. No. 3. P. 381–405. DOI: 10.1080/14682745.2011.621750
- Essen H. von, Danielson A. (2023). A Typology of Ontological Insecurity Mechanisms: Russia's Military Engagement in Syria. *International Studies Review*. Vol. 25. No. 2. viad016. DOI: 10.1093/isr/viad016.
- Giddens A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press. 264 p.
- Hänggi H. (1998). Small State as a Third State. In: L. Goetschel (Ed.) *Small States inside and outside the European Union, Interests and Policies*. Boston: Kluwer Academic Publishers. P. 79–97.
- van der Harst J. (1997). Kernwapens? Geen bezwaar. *Transaktie*. Vol. 26. No. 4. P. 295–517.
- Huysmans J. (1998). Security! What Do You Mean? From Concept to Thick Signifier. *European Journal of International Relations*. Vol. 4. No. 2. P. 226–255. <https://doi.org/10.1177/1354066198004002004>
- van Keulen M. (2006). *Going Europe or Going Dutch: How the Dutch Government Shapes European Union Policy*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 264 p. DOI: 10.5117/9789053568743
- Khudaykulova A. V., Neklyudov N.Y. (2019). Kontseptsiya ontologicheskoy bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [The Concept of Ontological Security in International Political Discourse]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 12. No. 6. P. 129–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149
- Kristensen H.M., Korda M. (2021). United States nuclear weapons. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 77. No. 1. P. 43–63. DOI: 10.1080/00963402.2020.1859865
- Kruizinga S. (2016). A Small State? The Size of the Netherlands as a Focal Point in Foreign Policy Debates, 1900–1940. *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 27. No. 3. P. 420–436. DOI: 10.1080/09592296.2016.1196062.
- Lebedeva M. M. (2014). Resursy vliyaniya v mirovoj politike [Resources of influence in world politics]. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 99–108. DOI: 10.17976/jpps/2014.01.07.
- Long T. (2016). Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 2. P. 185–205. DOI: 10.1093/isr/viw040
- Maass M. (2009). The elusive definition of the small state. *International Politics*. Vol. 46. No. 1. P. 65–83. DOI: 10.1057/ip.2008.37
- Neumann I.B., Gstöhl S. (2006). Introduction: Lilliputians in Gulliver's World? In: S. Gstöhl et al. (Eds.) *Small States in International Relations*. University of Washington Press. P. 3–36.
- Onderco M., Smetana M., van der Meer S., Etienne T.W. (2021). When do the Dutch want to join the nuclear ban treaty? Findings of a public opinion survey in the Netherlands. *The Nonproliferation Review*. Vol. 28. No. 1–3. P. 149–163. DOI: 10.1080/10736700.2021.1978156
- Onderco M., Joosen R. (2022). Nuclear Weapons in the Tweede Kamer: Analysis of Nuclear Motions in the Dutch House of Representatives in Times of Contestation. *Global Studies Quarterly*. Vol. 2. No. 3. P. 1–11. DOI: 10.1093/isagsq/ksac028
- Onderco M., Smetana M., Etienne T.W. (2023). Hawks in the making? European public views on nuclear weapons post-Ukraine. *Global Policy*. Vol. 14. P. 305–317. DOI: 10.1111/1758-5899.13179
- Panck D. (2012). Dwarfs in international negotiations: how small states make their voices heard. *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 25. No. 3. P. 313–328. DOI: 10.1080/09557571.2012.710590
- Prokhorenko I., Aleshin A. (2019). K voprosu ocenki vneshnepoliticheskogo potenciala gosudarstv v prognoznnyh issledovaniyah [To the Issue of Assessing States' Foreign Policy Potential in Forecasting Studies]. *Analysis & Forecasting. IMEMO Journal*. Vol. 3. P. 12–22. DOI: 10.20542/afij-2019-3-12-22.
- van Reekum R. (2016). Raising the question: articulating the Dutch identity crisis through public debate. *Nations and Nationalism*. Vol. 22. No. 3. P. 561–580. DOI: 10.1111/nana.12154
- Shirobokova E. (2018). The Netherlands and the prohibition of nuclear weapons. *The Nonproliferation Review*. Vol. 25. No. 1–2. P. 37–49. DOI: 10.1080/10736700.2018.1487600
- Shveytzer V.Ya. (2008). Yevropa: bol'shoy opyt malykh stran [Europe: big experience of small countries]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4(36). P. 46–58.

- Smetana M., Onderco M., Etienne T. (2021). Do Germany and the Netherlands want to say goodbye to US nuclear weapons? *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 77. No. 4. P. 215–221. DOI: 10.1080/00963402.2021.1941603
- Smirnov V. (2014). K voprosu o roli malyh stran v processah perestruktirovaniya postsovetskogo prostranstva (na primere Pribaltiki) [The Role of Small Countries in Post-Soviet Territorial Restructuring: the Baltic Case]. Vol. 4. No. 22. P. 48–58. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-4-3.
- Steele B. (2008). *Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State*. New York: Routledge. 208 p.
- Thorhallsson B., Steinsson S. (2017). Small State Foreign Policy. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.484
- Väyrynen R. (1971). On the Definition and Measurement of Small Power Status. *Cooperation and Conflict*. Vol. 6. No. 1. P. 91–102. DOI: 10.1177/001083677100600109.
- Voorhoeve J.J.C. (1979). *Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy*. The Hague; Boston: M. Nijhoff. 378 p.
- Wijk R. de (2008). Seeking the right balance: NATO and EU in Dutch foreign and defense policy. *Nação e Defesa*. Vol. 118. P. 147–164.

AZERBAIJAN-SYRIA RELATIONS

SHAPING THE FLUCTUATIONS AND TURNING POINTS (1992-2025)

ARAKS PASHAYAN

Institute of Oriental Studies NAS RA, Yerevan, Armenia, 0019

GOR GEVORGYAN

Institute of Oriental Studies NAS RA, Yerevan, Armenia, 0019

GRIGOR VARDANYAN

Institute of Oriental Studies NAS RA, Yerevan, Armenia, 0019

Abstract

This article examines the evolution of Azerbaijani-Syrian relations across three distinct phases: the post-Soviet period, the era of Bashar al-Assad's rule, and the emerging dynamics in post-Assad Syria. It offers a comprehensive analysis of the bilateral relationship, focusing on its structural challenges, developmental patterns, and strategic prospects. The study argues that the outbreak of the Syrian conflict in 2011 and the subsequent deterioration in Turkish-Syrian relations indirectly shaped Syria's cautious posture toward Azerbaijan, given Baku's close strategic alignment with Ankara. Despite a prolonged period of stagnation spanning over a decade, no overt diplomatic rifts developed between Baku and Damascus. The recent installation of a pro-Turkish Islamist government in Syria in December 2024, combined with the retreat of Iranian and Russian influence, has opened new strategic avenues for Azerbaijan to expand its regional presence. Supported by Ankara, Baku sought to advance cooperation with Syria through multilateral frameworks, with particular emphasis on the energy sector. Furthermore, the article explores Azerbaijan's emerging role as a mediator between Turkey and Israel, Syria and Israel, following al-Assad's departure, suggesting that this shift may signal Baku's broader ambitions to position itself as a balancing actor in the Middle East. However, these ambitions are not always crowned with success. While these developments reflect Azerbaijan's aspiration to become an independent regional player, the analysis underscores that this role, particularly in the Syrian context, remains heavily contingent on continued Turkish support. The article also addresses the declining influence of the Armenian community in Syria and examines how Azerbaijan's diplomatic engagement with Damascus may serve to undermine Armenia's regional standing. Overall, the study provides a nuanced analysis of a previously understudied bilateral relationship, contextualizing it within the evolving dynamics of the conflict-affected Middle East.

Keywords:

Azerbaijan; Syria; Turkey; regional geopolitics; political shifts; conflict; energy diplomacy

---

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2025

Дата принятия к публикации: 24.11.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: gorgevorgyan1976@gmail.com

Introduction

This article aims to analyze the evolution of Azerbaijani-Syrian relations and the political motivations driving Azerbaijan's engagement with Syria in the aftermath of the fall of the Bashar al-Assad regime in late 2024. Since gaining independence, Azerbaijan has elevated the Middle East within its foreign policy priorities, underscoring both the region's Islamic significance and its political relevance. Besides the pursuit of bilateral engagement, Baku has sought to mobilize support from the Islamic world in advancing its position on the Nagorno-Karabakh conflict [Pashayan, Navasardyan 2024]¹. Historical ties between the Republic of Azerbaijan and the Syrian Arab Republic date back to the Soviet period, when personal relations existed between Syrian leader Hafez al-Assad and Heydar Aliyev. Both figures emerged from highly centralized, security-dominated political systems and later presided over the transfer of power to their sons². These structural and leadership parallels could contribute to an initial political rapprochement, foster a degree of mutual understanding rooted in shared governance experiences. However, bilateral relations ultimately failed to acquire strategic substance, whereas relations with the Gulf countries developed gradually and in a more comprehensive manner³. Despite Bashar al-Assad's visit to Baku in 2009 and a 2010 gas agreement, bilateral relations failed to develop meaningfully and remained largely dormant throughout al-Assad's rule. Between 2012 and 2024, Azerbaijan and Syria did not sustain significant diplomatic or institutional engagement. The post-Assad environment, however, has transformed Syria into a focal point of regional competition. Within this evolving landscape, Azerbaijan's engagement in Syria has acquired a strategic dimension, with Turkey

actively encouraging Baku's involvement amid regional rivalry and the anticipated decline of Iranian and Russian influence. One of the objectives of this study is to analyze Azerbaijan's motivations for transcending geographic constraints to deepen its engagement in the Middle East while contributing to a more balanced regional posture among competing actors. Such engagement enables Baku to enhance its regional influence, particularly through energy diplomacy, infrastructure initiatives, and diversified foreign partnerships. Moreover, Azerbaijan's diplomatic involvement in Syria, including potential mediation efforts involving Turkey and Israel [Mehdzade 2023: 144–145], Syria and Israel, reflects its aspiration to increase international visibility and status.

This study also examines the pivotal role of Turkey in shaping Azerbaijani-Syrian relations. The strategic partnership between Turkey and Azerbaijan, reinforced by the “one nation, two states” discourse and Neo-Ottoman political frameworks [Gasanova 2022:44–45], has aligned the foreign policy orientations of the two countries. The Baku-Ankara alignment has shaped regional perceptions and reinforced Azerbaijan's strategic positioning, particularly as its close cooperation with Turkey has contributed to Damascus's cautious and reserved approach toward Baku. Beyond the Turkish factor, Baku's tacit decision to suspend relations with Damascus was not incidental, but represented a strategic adjustment to the evolving regional dynamics, including the negative regional perception of the al-Assad regime and the deepening of strategic ties between Tehran and Damascus. Nevertheless, following the al-Assad regime's collapse, Azerbaijan has emerged as a proactive actor, coordinating closely with Turkey on stability, humanitarian, and reconstruction initiatives, while seeking to

¹ *Ismailzade F.* Azerbaijan's foreign policy priorities and the role of the Middle East // Middle East Institute. 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/azerbajians-foreign-policy-priorities-and-role-middle-east> (accessed: 30.01.2026).

² *Ahmadzade R.* Similarities between Aliyev and Al-Assad regimes // Times of Israel. 13.06.2019. URL: <https://blogs.timesofisrael.com/similarities-between-aliyev-and-al-assad-regimes/> (accessed: 24.07.2025).

³ *Alrmizan M.* Azerbaijan and Saudi Arabia: Bilateral Opportunities in a changing Middle East. King Faisal Center for Research and Islamic Studies. Special Report. 2019. URL: <https://kfcris.com/pdf/91ba14ab13aea57468aee2d0cd58c0bd5d89e0ee3e6cf.pdf> (accessed 31.01.2026). P. 4–14.

project influence and establish itself as a credible mediator.

The study addresses a notable gap in the literature, as scholarly research on Azerbaijani-Syrian relations remains limited. To overcome this, the article draws on a diverse range of sources, including international media, official statements, resolutions from international organizations, and primary data collected through interviews with Armenian diplomats who served in Syria between 2001 and 2024.

Analytical framework

Before turning to the theoretical frameworks of International Relations, it is worth noting that Azerbaijani-Syrian relations provide a particularly instructive case study. Situated at the intersection of regional rivalries, transnational alignments, and evolving geopolitical dynamics, Azerbaijan's engagement with Syria illustrates how a small but strategically positioned state navigates complex regional environments, balances competing external influences, and advances its objectives beyond immediate national borders. This case offers a valuable empirical lens for examining and refining broader theories of interstate behavior, strategic alignment, and foreign policy decision-making.

From a neorealist perspective, Azerbaijan-Syria relations prior to 2012 can be characterized as security-peripheral. Syria did not represent either an immediate threat or a source of strategic value for Azerbaijan, nor did it affect Baku's core security environment. There was no direct security interdependence, no significant impact on the regional balance of power, and no incentive for alliance formation or counter-balancing behavior – conditions under which states typically deprioritize engagement [Walt 1987: 17–49; Mearsheimer 2001: 29–54]. Consequently, Azerbaijan pursued a strategy of low-cost engagement, maintaining a diplomatic presence without substantive political investment. The closure of Azerbaijan's embassy in Damascus in 2012 can be interpreted as a rational reactive decision, taken when the costs of maintaining diplomatic representation exceeded its strategic benefits, consistent with neorealist cost-benefit logic [Waltz 1979: 88–101; Walt 1987: 147–180].

From a liberal institutionalist perspective, the limited development of Azerbaijan-Syria relations is explained by the absence of functional interdependence. Bilateral trade remained negligible, energy links were non-existent, and institutionalized cooperation was negligible. In the absence of mutual material interests, institutional frameworks failed to emerge, rendering diplomatic engagement largely symbolic, as predicted by theories of complex interdependence [Keohane and Nye 2012: 7–32]. Within this framework, the closure of the embassy in 2012 represents institutional disengagement, occurring when no material incentives exist to sustain cooperation under conditions of crisis [Keohane 1984: 67–92; Keohane, Nye 2012: 209–233].

From a constructivist perspective, Azerbaijan-Syria relations prior to 2012 were characterized by normative distance and identity mismatch. Azerbaijan positioned itself as a secular, post-Soviet, pragmatically oriented state, whereas Syria was governed by an authoritarian Ba'athist regime. There was no shared narrative, historical memory, or compatible role conception capable of fostering closer political engagement, reflecting the constructivist emphasis on the role of identity, norms, and social meaning in shaping state behavior [Wendt 1999: 1–20; Katzenstein 1996: 1–32]. With the onset of the Syrian crisis in 2011–2012, Azerbaijan rapidly adopted a strategy of normative distancing, closing its embassy and avoiding association with a regime perceived as ideologically and normatively incompatible [Wendt 1999: 224–260].

Following the establishment of an Islamist regime in Syria, Azerbaijan's intensified engagement can be understood as a form of multi-vector adaptive behavior by a small-to-middle power navigating a shifting regional order, seeking to manage systemic uncertainty through flexible alignment strategies rather than rigid alliances [Thorhallsson 2019: 15–35]. Azerbaijan-Syria relations are not structured according to the logic of a classical bilateral strategic alliance; instead, they reflect a model of instrumental and contingent cooperation, typical of adaptive state behavior in volatile regional environments.

Since 2024, from a neorealist perspective, Azerbaijan's policy in Syria can be understood as a strategy of balancing and security calculation under conditions of regional uncertainty [Walt 1987:17–49; Mearsheimer 2001: 29–54]. Azerbaijan attempts to reduce strategic uncertainty by leveraging its close alliance with Turkey and positioning itself in Syria as an additional legitimizing element of Turkish regional influence [Cooper et al. 1993: 3–28]. Within this framework, Syria functions as an indirect security platform where Azerbaijan seeks, at a minimum, not to contradict the vital interests of Iran and Russia, while simultaneously manoeuvring vis-à-vis the Islamist regime. In this context, Azerbaijan's behaviour appears to be consistent with a bandwagoning logic, aligning itself with the strategy of the most influential regional actor – in this case, Turkey – rather than pursuing autonomous balancing [Walt 1987: 147–180].

From the perspective of liberal institutionalism, Azerbaijan's engagement is driven by pragmatic economic interests, particularly in the energy sector. States embedded in complex interdependence often employ economic tools to advance political objectives without overt coercion [Keohane, Nye 2012]. Azerbaijan seeks to capitalize on its energy expertise by presenting itself as a potential actor in Syria's reconstruction, infrastructure development, and energy mediation, while linking Syria to Turkish energy and logistical hubs. This approach reflects a form of soft power exercised through economics, where energy functions as an instrument of political influence rather than an end in itself [Blackwill, Harris 2016: 33–63].

From a constructivist standpoint, Azerbaijan's involvement in Syria also contains an identity-based dimension. State behavior is shaped not only by material interests but also by socially constructed identities and role conceptions [Wendt 1999: 1–20]. Azerbaijan seeks to portray itself as a Muslim yet secular state capable of cooperating with an Islamist regime

without ideological contradiction. This framing allows Baku to strengthen its standing within the broader Islamic world, particularly through mediation, by projecting an identity compatible with both secular governance and Islamic solidarity [Katzenstein 1996: 1–32; Wendt 1999: 224–260].

Finally, Azerbaijan's mediation ambitions can be interpreted as a form of status-seeking behavior in international relations. States with limited material capabilities often pursue diplomatic visibility and mediation roles to enhance their international standing and recognition [Paul et al. 2014: 1–27]. By positioning itself as a constructive and cooperative actor, Azerbaijan seeks to increase its international profile while consolidating its role within Turkey's regional agenda. Such diplomatic activism is characteristic of small and medium states attempting to compensate for material constraints through normative and diplomatic engagement [Paul et al. 2014: 164–190; Neumann 2011: 39–65].

Before the Storm: Azerbaijan-Syria Relations in the Pre-Arab Spring Period

Azerbaijan's diplomatic ties with the Syrian Arab Republic trace their origins to the Soviet period, marked by collaboration between Syrian President Hafez al-Assad (1971–2000) and Heydar Aliyev (1993–2003), who served as First Secretary of the Communist Party of Soviet Azerbaijan (1969–1982). Syria and Azerbaijan have been politically estranged since the Soviet era, although Hafez al-Assad was personally acquainted with Heydar Aliyev. In 1972, Heydar Aliyev arrived in Aleppo to participate in a cultural event, during which he visited the grave of the eminent Arab poet, Imad ad-Din Nasimi, widely regarded as one of Azerbaijan's greatest poets⁴. Years later, in 1984, Heydar Aliyev was entrusted with a classified mandate by the Politburo of the Communist Party of the Soviet Union as part of Moscow's strategy to counter efforts by Rifaat al-Assad, brother of Syrian President

⁴ From the talk of President of the Azerbaijan Republic Heydar Aliyev with President of Syria Hafez Asad // Heydar Aliyev Heritage. Tehran. 09.11.1997. URL: <https://lib.aliyev-heritage.org/en/6299865.html> (accessed: 24.07.2025).

Hafez al-Assad, to stage a coup and overthrow the government in Syria. From March 11 to 13, 1984, Heydar Aliyev was in Damascus as a Soviet envoy. With Hafez al-Assad's knowledge and accompanied by Foreign Minister Farouk al-Sharaa, he met with Rifaat al-Assad. Moscow managed to neutralize the threat of a coup. Subsequently, Moscow responded to Hafez al-Assad's move against Rifaat. At the latter's request, newly appointed Vice President Rifaat al-Assad, accompanied by dozens of loyal officers, was hosted in Moscow during an official visit, after which Hafez al-Assad refused to accept his brother back into Syria and expelled him from the country⁵. Heydar Aliyev later reflected on these events: "In 1984, I was urgently sent to Damascus. According to Soviet security reports, a rift was taking place in Syria between Hafez al-Assad and his brother Rifaat, who was chief of intelligence at the time. The Kremlin was unwilling to tolerate a change of regime or leaders in Syria. So, I went immediately to Damascus and met Hafez al-Assad, who was ill and undergoing treatment. Despite his illness, we talked for eight hours. Shortly afterward, he expelled his brother Rifaat from the country. The problem was solved and the Politburo sighed in relief"⁶.

Following the collapse of the Soviet Union and the attainment of independence, Azerbaijan adopted a multi-vector foreign policy, deliberately avoiding formal alliance commitments to preserve flexibility in its regional and global partnerships. In its efforts to resolve the Nagorno-Karabakh (NK) conflict, Baku actively pursued the diversification of its foreign relations. Within this context, strengthening ties with the broader

Islamic world, including Arab countries, emerged as one of several strategic priorities. Although Azerbaijan showed interest in developing relations with Syria, Damascus was never a central focus for Baku, particularly during the early post-independence period. Turkey continued to serve as Azerbaijan's principal strategic partner, as Baku aligned itself with Ankara in both political and cultural terms. Nevertheless, Azerbaijan pursued limited yet purposeful efforts to develop constructive ties with Syria.

On January 16, 1992, Syria recognized the independence of Azerbaijan, and diplomatic relations between the two countries were established on March 28, 1992. Until the Azerbaijani embassy was established in Syria in 2008, cooperation between Syria and Azerbaijan was quite limited⁷. The Azerbaijani ambassador to Egypt also covered Syrian affairs. Information about this period is rather scarce. Hafez al-Assad and Heydar Aliyev met for the first time after the collapse of the USSR only on December 9–11, 1997, during the 8th Summit of the Organization of Islamic Cooperation (OIC) in Tehran⁸. Their conversation took place in a warm atmosphere as they recalled events from the 1980s. Hafez al-Assad noted that Syria was interested in establishing deep ties with Azerbaijan. Heydar Aliyev then dwelled on the Armenia-Azerbaijan conflict, highlighting the occupation of twenty percent of Azerbaijan by Armenia and other related facts; however, the Azerbaijani source does not document al-Assad's response, it is possible that the Syrian president avoided the topic. The subsequent conversation focused on the appointment of ambassadors⁹. Hafez al-Assad also touched upon the Nagorno-Karabakh

⁵ Abdulrahman al-Rashed, When Russia received Rifaat al-Assad as an exile // *Al-Arabiya*. 20.05.2020. URL: <https://english.alarabiya.net/views/news/middle-east/2016/02/09/When-Russia-received-Rifaat-al-Assad-as-an-exile> (accessed: 24.07.2025).

⁶ *Hamidi I.* A Once Powerful Patriarch Returns to an Unrecognizable Syria // *New Lines Magazine*. 26.10.2021. URL: <https://newlinesmag.com/essays/a-once-powerful-patriarch-returns-to-an-unrecognizable-syria/> (accessed: 24.07.2025).

⁷ *Pashayan A.* (2025, May 12). Interview with Anonymous Armenian Diplomat 1. Personal archive, Yerevan.

⁸ From the talk of President of the Azerbaijan Republic Heydar Aliyev with President of Syria Hafez Asad // *Heydar Aliyev Heritage*. Tehran. 09.11.1997. URL: <https://lib.aliyev-heritage.org/en/6299865.html> (accessed: 24.07.2025).

⁹ *Ibid.*

conflict during the OIC Tehran summit. His speech once again suggests that Syria's position on the Armenia-Azerbaijan confrontation was comparatively balanced. In the section of his speech entitled "Avoiding Disagreements Through Dialogue," the Syrian President, referring to the Armenian-Azerbaijani conflict, specifically noted: "It should be emphasized that the further continuation of tensions between Azerbaijan, a member of our organization, and Armenia creates factors of anxiety, fear and instability in the region, as well as contributes to the weakening and loss of the strength and capabilities of both countries, instead of directing them to reconstruction and restoration" [Pashayan 2003: 203].

It is noteworthy that Syria has not established an embassy in Azerbaijan; rather, its embassy in Tehran handled Azerbaijani diplomatic matters as well. Throughout this period, Syria maintained a relatively neutral stance regarding the Nagorno-Karabakh conflict, advocating a peaceful solution. Nonetheless, Azerbaijan at times expressed suspicions that Syria may provide political support to Armenia in this conflict, a concern attributed to the influence of the Armenian community residing within Syria. Moreover, the period of strengthened Syrian-Turkish relations, initiated by the Adana Agreement in 1998 and lasting until 2011, coincided with a notable intensification of Syrian-Azerbaijani relations. It is clear that the Syrian President avoided harsh criticism of Armenia to maintain a stance of positive neutrality. In any case, active interaction in Syrian-Azerbaijani relations did not take place until the late 2000s.

Azerbaijan opened an embassy in Damascus only in May 2008, several years after establishing diplomatic relations with Syria. The years 2008–2009 can be regarded as perhaps the most active period in Syrian-Azerbaijani relations. Following his visit to Yerevan in June

2009, Bashar al-Assad made his first official visit to Azerbaijan on July 8, 2009. During a formal reception in honour of the Syrian president at the Gulistan Palace in Baku, Azerbaijani President Ilham Aliyev emphasized the historical and cultural ties between the Azerbaijani and Syrian peoples, highlighting Islam as a unifying element. He once again invoked the legacy of Imam al-Din Nasimi, who lived and worked in Aleppo and is regarded as a prominent poet and philosopher of both Azerbaijan and the broader East, as a symbolic figure linking the two nations¹⁰. In his speech, Aliyev addressed a number of issues. Among the topics related to bilateral cooperation, energy emerged as particularly salient – an area of special interest to Syria. He emphasized that there is no doubt regarding the significant role of the Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline and the Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline in promoting regional development, enhancing international energy security, and increasing trade turnover¹¹. In line with his approach in international forums, President Aliyev brought up the Nagorno-Karabakh conflict and the occupation of Azerbaijani territories, anticipating an appropriate and supportive reaction from President Bashar al-Assad. Notably, in addressing the NK issue, Azerbaijan consistently invoked the principle of Islamic solidarity to garner support from the wider Arab and Islamic world. Baku successfully internationalized the dispute by prioritizing it on the agenda of the Organization of Islamic Cooperation. In response, the OIC adopted a notably stringent and decidedly one-sided position against the Republic of Armenia, effectively aligning itself with Azerbaijan's interests [Pashayan, Navasardyan 2024].

By reframing the issue within the broader context of the Islamic agenda, Aliyev sought to elicit a proportional and supportive response from Muslim leaders across the region. In his

¹⁰ Официальный визит президента Сирийской Арабской Республики Башара аль-Асада в Азербайджан в честь высокого гостя [Official visit of the President of the Syrian Arab Republic Bashar al-Assad to Azerbaijan in honor of the distinguished guest] // Azertag. 09.07.2009. URL: https://azertag.az/ru/xeber/oficialnyi_vizit_prezidenta_siriiskoi_arabskoi_respubliki_bashara_al_asada_v_azerbaidzhan_v_chest_vysokogo_gostya-707595 (accessed: 24.07.2025).

¹¹ Ibid.

response, President Bashar al-Assad maintained a neutral position, deliberately refraining from issuing any direct criticism of Armenia¹². Meanwhile, the Syrian President expressed hope that the Karabakh conflict would be resolved peacefully, and, most importantly, in a manner that took into account the rights of both sides. He even offered Syria's mediation, noting good relations with both parties: "We declare our readiness to provide the necessary assistance in the settlement of the Armenian-Azerbaijani, Nagorno-Karabakh conflict"¹³. Bashar al-Assad did not make any statements against Armenia in Baku, despite Ilham Aliyev's expectations¹⁴. He maintained a stance of positive neutrality on this and other issues sensitive to both sides. Years later, it became clear that Ilham Aliyev had mistaken Bashar al-Assad's balanced stance for a pro-Armenian position¹⁵, even though he consistently refrained from issuing any statements on Nagorno-Karabakh that might undermine Azerbaijan's territorial integrity or recognize the region as separate from Azerbaijani sovereignty. During the Thirty-Sixth Session of the OIC Council of Foreign Ministers, convened under the theme "Enhancing Islamic Solidarity" and held in Damascus from 23 to 25 May 2009, the Organization of Islamic Cooperation adopted a series of strongly worded resolutions reflecting a distinctly anti-Armenian stance¹⁶. During the session, Azerbaijan's Minister of Foreign Affairs, Elmar Mammadyarov, addressed the gathering and delivered

remarks condemning what he described as Armenian aggression against Azerbaijan¹⁷.

In Baku, the Syrian president declined to visit "Martyrs' Park," the pantheon of Azerbaijani soldiers who died in the Karabakh war; during his visit to Yerevan in June 2009, he refused to visit the Armenian Genocide Memorial Complex at Tsitsernakaberd. Accordingly, the Syrian president sought to balance the interests of Azerbaijan and Armenia, aiming to prevent the alienation of either side. Bashar al-Assad's visits to Yerevan and Baku were organized by Foreign Minister Walid Muallim, who informed senior diplomats at the Armenian Foreign Ministry that al-Assad would not visit Tsitsernakaberd in Yerevan and would not visit "Martyrs' Park" in Baku, so as not to damage relations with Turkey. Damascus clarified to Yerevan that the Syrian people and state have always shared the pain of the Armenian people concerning the Armenian Genocide, noting that the visit would not change anything in Armenian-Syrian relations. Certainly, the Azerbaijani side was also provided with appropriate explanations.

For Bashar al-Assad, economic issues were of utmost importance during his visit to Azerbaijan. Syria was pursuing an economic development and investment policy. In the early years after al-Assad came to power, investors in Syria were not in a hurry. Even in 2010, Syria ranked last or second to last among neighboring countries in terms of investment, trailing Turkey by almost a factor of 6.2, Israel by 4.75, Lebanon by 2.7, and Jordan by 1.15,

¹² Официальный визит президента Сирийской Арабской Республики Башара аль-Асада в Азербайджан в честь высокого гостя [Official visit of the President of the Syrian Arab Republic Bashar al-Assad to Azerbaijan in honor of the distinguished guest] // Azertag, 09.07.2009. URL: https://azertag.az/ru/xeber/oficialnyi_vizit_prezidenta_siriiskoi_arabskoi_respubliki_bashara_al_asada_v_azerbaidzhan_v_chest_vysokogo_gostya-707595 (accessed: 24.07.2025).

¹³ Ibid.

¹⁴ Pashayan A. Interview with Anonymous Armenian Diplomat 1. Personal archive, Yerevan. 12.05.2025; Azerbaijani President: We support new government of Syria // Azertag. URL: https://azertag.az/en/xeber/azerbaijani_president_we_support_new_government_of_syria-3496459 (accessed: 24.07.2025).

¹⁵ Pashayan A. (2025, May 12). Interview with Anonymous Armenian Diplomat 1. Personal archive, Yerevan.

¹⁶ Resolution No. 9/36-Pol on the Aggression of the Republic of Armenia Against the Republic of Azerbaijan // OIC. URL: <https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=407&refID=29> (accessed: 24.07.2025).

¹⁷ Statement by Dr. Elmar Mamedyarov Minister of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan // The MFA of Azerbaijan. URL: https://mfa.tj/uploads/main/2013/03/kitobi_oik.pdf (accessed: 24.07.2025).

surpassing only Iraq [Matveev 2022: 46]. Foreign direct investment in Syria from 2009 to 2010 also decreased due to the global economic crisis [Matveev 2022: 45]. Al-Assad hoped that economic cooperation between Syria and Azerbaijan, specifically the joint implementation of strategic projects for developing land, sea, and air routes in the oil and gas sector, would create a genuine opportunity to increase trade volume between the two countries. In Baku, al-Assad emphasized that there was a shared desire and extensive opportunities to enhance cooperation. He stated: “I am confident that the important strategic position of Azerbaijan in the Caucasus region and the important strategic position of Syria in the Middle East allow our countries to play the role of a bridge between Asia and Europe, the Middle East and the Caucasus”¹⁸.

Azerbaijan’s emergence as a major oil- and gas-producing state bolstered Aliyev’s confidence in the country’s expanding role in international relations, despite the continued occupation of approximately twenty percent of its territory by Armenia and the de facto separation of Nagorno-Karabakh from Azerbaijan between 1991 and 2023.

From President Aliyev’s speech, it is evident that Azerbaijan aimed to deepen bilateral cooperation with Syria, a stance that was positively received by the Syrian leadership. Fostering closer relations with the South Caucasus states, especially Azerbaijan, would allow Syria to mitigate its geographical limitations and enhance its strategic engagement with the region, which Bashar al-Assad characterized as the “Silk Road”¹⁹.

In Baku, al-Assad visited the Milli Majlis and met with the Speaker of the Azerbaijani Parliament, Ogtay Asadov. The latter noted that the visit would open a new chapter in Azerbaijan-Syria relations and hinted at the personal ties between Hafez al-Assad and Heydar Aliyev. Azerbaijani sources reported that the speaker addressed the NK conflict, emphasizing that Azerbaijan highly appreciates Syria’s support in preserving its territorial integrity, and that the Syrian president promised to do everything possible to deepen bilateral relations²⁰.

In 2012, recalling the visit, a member of the Azerbaijan-Syria parliamentary friendship group, Johar Bakhshaliyeva, noted that the Syrian president wrote heartfelt and kind words about Azerbaijan in the guest book. Bakhshaliyeva noted that media reports concerning the situation in Syria, particularly those reflecting opposition sentiments or anti-Assad narratives, were not always reliable²¹. She also noted that, during her visit to Damascus in 2010 for the OIC Central Committee meeting, the Syrian people appeared to genuinely support their president, based on her observations at the time²².

During Bashar al-Assad’s visit to Baku, a joint Azerbaijani-Syrian business forum was held, aimed at strengthening bilateral economic ties²³. Within the framework of the visit, an agreement was reached for the supply of 1–1.5 billion cubic meters of Azerbaijani gas to Syria. Fourteen documents were signed concerning the development of cooperation in various areas: shipping, agriculture, internal affairs, industry, healthcare, culture, tourism, education, information technologies, customs

¹⁸ Официальный визит президента Сирийской Арабской Республики Башара аль-Асада в Азербайджан в честь высокого гостя [Official visit of the President of the Syrian Arab Republic Bashar al-Assad to Azerbaijan in honor of the distinguished guest] // Azertag, 09.07.2009. URL: https://azertag.az/ru/xeber/oficialnyi_vizit_prezidenta_siriiskoi_arabskoi_respubliki_bashara_al_asada_v_azerbaidzhan_v_chest_vysokogo_gostya-707595 (accessed: 24.07.2025).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Syrian President meets Milli Majlis speaker in Baku // Azertag, 09.07.2009. URL: https://azertag.az/en/xeber/syrian_president_meets_milli_majlis_speaker_in_baku-583948 (accessed: 24.07.2025).

²¹ Azərbaycanlı deputat: “Bəşər Əsəd mənimlə görüşmək istəyirdi...” // Modern, 07.09.2012. URL: <https://modern.az/tehsil/28354/azerbaycanli-deputat-beser-esed-menimle-grusmek-isteyirdi/> (accessed: 24.07.2025).

²² First PUIC Extraordinary Conference // PUIC, 05.07.2010. URL: <https://en.puic.org/news/2326> (accessed: 24.07.2025).

²³ Ibid.

issues, electricity, renewable energy, and more²⁴. Finally, on November 23, 2010, the sides agreed on the technical details of a 20-year natural gas purchase²⁵. The expansion of relations with Baku was also directly linked to the progress of Turkish-Syrian relations. The rapprochement between Syria and Azerbaijan was endorsed by Turkey, which served as the primary external backer of Baku in matters related to Syria. For Azerbaijan, Syria remained relatively unfamiliar terrain, and without Ankara's assistance, Baku was unlikely to succeed²⁶. The year 2009, which marks the peak of Azerbaijan-Syria relations, is directly linked to the progress observed in Syria-Turkey relations during the same period. In 2009, Syria-Turkey relations reached their highest point. During this period, the two countries developed active diplomatic, economic, and cultural cooperation. Syria and Turkey abolished visa requirements for each other's citizens, facilitating freer movement and deeper bilateral engagement²⁷. At the time, under the leadership of the Justice and Development Party, Turkey was actively pursuing its “zero problems with neighbors” policy. While this approach was widely criticized as overly unrealistic, Syria was nonetheless considered part of the framework and was seen as a key partner within the scope of this foreign policy doctrine [Özcan 2012]. President Erdoğan and President al-Assad frequently exchanged visits, and several high-level meetings were held in 2009. Syrian President Bashar al-Assad also praised Turkey's role as peacemaker in the Syrian-Israeli indirect peace talks, which he described as “reliable”. He said that “they still needed Turkey's impartial mediatory role in the peace process”²⁸.

In an interview, an Armenian diplomat noted that during the warming of relations between Syria and Turkey, Bashar al-Assad became very cautious toward the Armenian community to ensure that the community's anti-Turkish sentiments would not cast a shadow over closer Damascus-Ankara relations. Even books related to the Armenian Genocide were removed from bookstores²⁹. Bashar al-Assad believed that warming relations with Turkey would positively impact the development of the Syrian economy. This Turkish-Syrian rapprochement before the “Arab Spring” created certain opportunities for Syrian-Azerbaijani rapprochement³⁰. However, the Syrian war that began in 2011, which caused great tension in Turkish-Syrian relations, negatively influenced Azerbaijan as well. From the onset of the Syrian conflict, Turkey has been the single most important influential sponsor of the Syrian insurgency, including the Free Syrian Army (FSA) [Gasanova 2022: 45–46]. The Syrian regime has labelled the FSA and other armed opposition groups as “terrorists,” alleging that Turkey, together with Qatar and Saudi Arabia, has supplied financial assistance for the procurement of weapons [Bishku 2012: 50].

Turkey has been providing extensive support to Syrian opposition and rebel forces, including Salafi-oriented groups such as Hay'at Tahrir al-Sham [Gasanova 2022: 45]. Ankara also supported the Syrian National Council, maintained a hardline stance on the removal of al-Assad and the formation of a transitional governing authority, and consistently adopted an inflexible approach to issues concerning Kurdish autonomy in Syria. In a 2012 inter-

²⁴ Азербайджан и Сирия намерены заключить долгосрочное соглашение по поставкам газа [Azerbaijan and Syria set to conclude a long-term agreement on gas supplies] // Azertag 04.03.2010. URL: https://azertag.az/ru/xeber/AZERBAIDZHAN_I_SIRIYA_NAMERENY_ZAKLYUCHIT_DOLGOSROCHNOE_SOGLASHENIE_PO_POSTAVKAM_GAZA-719471 (accessed: 24.07.2025).

²⁵ Ibid.

²⁶ Interview with Anonymous Armenian Diplomat 2. 12.06.2024. Online. Personal archive, Yerevan.

²⁷ Syrian, Turks, Exempted from Visa Requirements // Syria Report. 21.09.2009. URL: <https://syria-report.com/syrian-turks-exempted-from-visa-requirements/> (accessed: 24.07.2025).

²⁸ Saban Kardas, Turkey Boosts its Ties with Syria and the Middle East // Eurasia Daily Monitor. Vol. No. 171. 16.09.2009 URL: <https://jamestown.org/program/turkey-boosts-its-ties-with-syria-and-the-middle-east/> (accessed: 24.07.2025).

²⁹ Interview with Anonymous Armenian Diplomat 1. 12.05.2025. Yerevan (Personal archive).

³⁰ Ibid.

view with the Turkish newspaper *Cumhuriyet*, al-Assad accused Turkey of interfering in Syria's internal affairs³¹. Considering the military cooperation between Turkey and Azerbaijan, along with the “one nation, two states” concept that entered official discourse in 2010 under Foreign Minister Ahmet Davutoğlu – a figure also associated with Neo-Ottomanism – these two states are often perceived jointly in the international arena. As noted by Z. Karayel, Turkey and Azerbaijan have benefited both individually and collectively by developing and pursuing shared interests. Alongside the deepening of “brotherly” relations between their societies, the two countries have gradually formed a security community grounded in mutual trust, strategic cooperation, and increasingly coordinated foreign policy priorities [Karayel 2024: 393–394].

Naturally, the Syrian authorities tended to associate Azerbaijan with Turkey. It can be said that a chill in bilateral relations was noticeable fairly early, albeit in a latent form. Azerbaijan closed its embassy in Damascus in 2012. In August 2012, the Azerbaijani ambassador and all embassy personnel departed from Syria. At the time, the Ministry of Foreign Affairs of Azerbaijan cited escalating security concerns and the deteriorating situation in the country as the primary reasons for the indefinite suspension of its diplomatic mission. The ministry also reported that, with the assistance of the embassy, more than 50 Azerbaijani nationals residing and working in Syria left the country independently³². Azerbaijan relocated its embassy to Lebanon immediately after the closure of its mission in Damascus. The Azerbaijani ambassador accredited to Syria visited Damascus from Beirut intermittently. He familiarized himself with the situation on the ground, established limited contacts, and then departed. Over time, however, these visits

ceased³³. As a result, Azerbaijani-Syrian relations remained stagnant for 13 years, until December 2024. Bilateral agreements, including the gas deal, never materialized. The crisis in bilateral relations is directly tied to the deterioration of Syria-Turkey relations since 2011. The change of regime in Syria on December 8, 2024, has altered the dynamics of Syrian-Azerbaijani relations, with Azerbaijan expressing a willingness not only to enhance multilateral cooperation but also to engage in the reconstruction of Syria.

Evolving Syria-Azerbaijan Relations Amid the Syrian War

After 2011, relations between Syria and Azerbaijan became somewhat complicated due to the “Arab Spring.” The anti-government movements occurring in Arab countries, which had a domino effect, also negatively impacted the domestic political life of Azerbaijan. Initially, there were widespread predictions that the authoritarian regime in Azerbaijan could also collapse under the influence of the Arab revolutions. A number of protests took place in Azerbaijan, which according to reports from international human rights organizations, were brutally suppressed by the Azerbaijani authorities, with demonstrators being arrested and tortured [Bulent, Lacin 2021]. The Qatari media, particularly Al Jazeera, which played a prominent role in covering the “Arab Spring” movements, occasionally referred to Azerbaijan, suggesting that “the Arab Spring is knocking on Azerbaijan’s door”³⁴. Meanwhile, growing social problems contributed to recruitment efforts in and around certain mosques to encourage individuals to travel to Syria.

Azerbaijani militants who traveled to Syria – though their exact numbers remain unclear – have reportedly fought on both sides of the conflict, including within pro-Assad Shia

³¹ Assad: Erdogan has lost his credibility // Aljazeera 04.07.2012. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2012/7/4/assad-erdogan-has-lost-his-credibility> (accessed 26.01.2026).

³² Kaleji V. Syria and Azerbaijan: What Changes Are Coming After the Fall of Bashar al-Assad? // Valdai Club 07.03.2025. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/what-changes-are-coming-after-the-fall-of-assad/> (accessed: 24.07.2025).

³³ Interview with Anonymous Armenian Diplomat 2. 12.06.2024. Online. Personal archive, Yerevan.

³⁴ Arab Spring knocks at Azerbaijan's door // Al-Jazeera. 12.04.2011. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2011/4/12/arab-spring-knocks-at-azerbajians-door> (accessed: 24.07.2025).

forces and Sunni-oriented opposition groups. There is documented evidence that Azerbaijani nationals have been recruited into the Iran-backed Shia radical group *Husseini'yon* and have fought in Syria. Some of these individuals were imprisoned upon their return to Azerbaijan³⁵. A large number of Sunni Azerbaijanis fought in groups associated with al-Qaeda*, including *Jabhat al-Nusra** and *ISIS**. Some Azerbaijanis were also involved in pro-Turkish terrorist organizations. There is no definitive number of Azerbaijani citizens who participated in military operations in Syria and elsewhere. Vali Kaleji, an expert in regional studies and the Caucasus, noted that estimates of the number of Azerbaijani citizens who joined the so-called “Caliphate”³⁶ varied widely, ranging from 400 to 1,000. While the overall number of Azerbaijani fighters involved in the Syrian civil war was relatively limited, the spread of Salafist ideology was seen as a potential threat to the country’s secular political framework. Evidence indicates that the majority of Azerbaijani fighters entered Syria via Turkey. The latter and Azerbaijan maintain a visa-free regime, and the porous nature of Turkey’s borders had made effective control challenging.

In response, the authorities of both countries engaged in close cooperation to prevent the further movement of Azerbaijani nationals to Syria. During a press conference in Ganja on February 19, 2014, Turkish Foreign Minister Ahmet Davutoğlu emphasized that Ankara was ready to collaborate with Baku on initiatives

aimed at curbing Azerbaijani participation in the Syrian conflict. Although there are claims that some Azerbaijani militants fought in groups close to Bashar al-Assad, this has not been substantiated. Several Azerbaijani fighters died during the war, while others were arrested years after returning to Azerbaijan, as participation in the war in Syria was declared a criminal offense under Azerbaijani law. In public political discussions in Azerbaijan, the topic of Azerbaijanis allegedly going to jihad has received extremely negative evaluations. Notably, in January 2014, the Caucasus Muslim Board released an official statement (fatwa) condemning any sort of involvement in armed conflicts in the name of religion, and, consequently, refused to refer to Azerbaijanis who fight abroad as “martyrs”³⁷.

The international tension surrounding Syria, including the unprecedented Turkey-Syria tensions, prompted Baku to gradually decrease, but not completely freeze, relations with Damascus. In December 2019, with financial support from the Azerbaijan International Development Agency and with assistance from the Embassy of the Republic of Azerbaijan in Jordan, humanitarian aid, including food and medical products, was distributed to 400 Syrian families settled in Jordan³⁸. During the Syrian war, Azerbaijan did not pursue any strategic interests in Syria. The parties maintained their relations through international organizations. Azerbaijan favored suspending Syria’s membership in the OIC in 2012³⁹. Initially, Azer-

³⁵ *Jameel R.* *Husseini'yon: A Profile of the Iranian-backed Militia Threatening Azerbaijan* // Jamestown. Terrorism Monitor. 25.02.2022. Vol. 20. No. 4. URL: <https://jamestown.org/program/husseiniyon-a-profile-of-the-iranian-backed-militia-threatening-azerbaijan/> (accessed: 19.10.2025).

* Terrorist organizations banned in Russia.

³⁶ In June 2014, *ISIS** announced the establishment of a “Caliphate” across territory it had captured in Syria and Iraq, with its capital in Raqqa, led by Abu Bakr al-Baghdadi, who declared himself the Caliph, the supposed religious and political leader of all Muslims. The group promoted an extreme, violent interpretation of Salafi-jihadism, enforcing strict Sharia law, committing widespread atrocities, and recruiting foreign fighters from around the world. At its height (2014–2015), the “Caliphate” controlled large swaths of northeastern Syria and western Iraq.

³⁷ *Aslanova L.* *Documentary Appears About Azerbaijani Fighters in Syria* // Eurasia Daily Monitor. 25.07.2014. Vol. 11. No. 136. URL: <https://jamestown.org/program/documentary-appears-about-azerbaijani-fighters-in-syria/> (accessed: 24.07.2025).

³⁸ *Azerbaijan sends humanitarian aid to Syrian refugees in Jordan* // Azer news. 29.12.2012. URL: <https://www.azernews.az/nation/48120.html> (accessed: 24.07.2025).

³⁹ The Syrian Arab Republic’s membership in the Organization of Islamic Cooperation was only reinstated on March 9, 2025; OIC Secretary-General Welcomes Syria’s Resumption of OIC Membership // Saudi Press Agency. 09.03.2025. URL: <https://www.spa.gov.sa/en/N2278017> (accessed: 24.07.2025).

baijan was cautious and refrained from making assessments of the Syrian president and developments in Syria.

However, Azerbaijan broke its silence and reacted strongly when, in July 2012, the Armenian authorities allowed Armenian refugees from Syria to settle in Nagorno-Karabakh and adjacent regions. Baku condemned the settlements in the occupied territories as illegal and unacceptable⁴⁰. In January 2018, Azerbaijan fully supported Turkey's military operations against the PYD-YPG and ISIS* in the Syrian city of Afrin. During Turkey's "Olive Branch" operation in Afrin in 2018, Foreign Ministry spokesman Hikmet Hajiyev stated that "Azerbaijan fully understands Turkey's security concerns and supports the fight against terrorism"⁴¹. In 2019, when Turkey launched "Operation Peace Spring" in northern Syria, the Azerbaijani Foreign Ministry expressed support for Turkey, noting that the operation would help prevent terrorist threats and ensure regional stability⁴². The approaches of Turkey and Azerbaijan regarding the Syrian issue were synchronized, and the Syrian authorities associated the two states. The Syrian authorities also claimed to possess information that, in addition to Azerbaijanis involved in jihadist groups, Azerbaijani soldiers had fought in Idlib as part of the Turkish regular army, with their actions coordinated with the Azerbaijani authorities⁴³. Before departing for the Non-Aligned Movement summit in Baku on October 25–26, 2019, the Syrian delegate, in con-

versation with an Armenian diplomat, expressed dissatisfaction with Baku's persistent efforts to include the conflict with Armenia on the agendas of international organizations⁴⁴. As expected, the issue could not be entirely avoided and was ultimately reflected in the summit's declaration.

Tensions between Baku and Damascus escalated during the Second Karabakh War (September 27–November 10, 2020). On October 6, 2020, in an interview with the Russian RIA news agency, Bashar al-Assad said that Turkey had initiated the Karabakh war and noted that Syrian mercenaries were fighting in Azerbaijan, recruited by Turkey: "He (Erdogan) supports terrorists in Libya, (and) he was the main instigator and initiator of the recent conflict in Nagorno-Karabakh between Azerbaijan and Armenia"⁴⁵. Azerbaijan and Turkey have repeatedly denied the participation of Syrian mercenaries in the NK war on Azerbaijan's behalf, instead accusing Armenia of sending mercenaries from Syria and Lebanon to the Karabakh front. After the Nagorno-Karabakh war, Azerbaijan-Syria relations reached a final impasse⁴⁶.

Azerbaijan as a Mediator: Navigating Israeli-Turkish Tensions over Syria and Beyond

Since the collapse of the Soviet Union, Israel and Azerbaijan have developed close diplomatic ties grounded in two key pillars: economic pragmatism and a shared strategic interest in containing Iran's influence across

⁴⁰ Embassy: Baku concerned over resettlement of Syrian Armenians to Azerbaijan's occupied lands// Today Az.30.10.2013. URL: <http://www.today.az/news/politics/127709.html> (accessed 19.01.2026).

* Terrorist organizations banned in Russia.

⁴¹ Azerbaijan backs Turkey's operation in Syria's Afrin // Energy Terminal. 22.01.2018. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/energy-security/azerbaijan-backs-turkey-s-operation-in-syria-s-afrin/16497> (accessed: 24.07.2025).

⁴² Azerbaijan voices support for Operation Peace Spring // Anadolu Ajansı. 11.10.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/azerbaijan-voices-support-for-operation-peace-spring/1610244> (accessed: 24.07.2025); Azerbaijan comes out in support of Turkish military operation in Syria // Jam news. 12.10.2019. URL: <https://jam-news.net/azerbaijan-comes-out-in-support-of-turkish-military-operation-in-syria/> (accessed: 24.07.2025).

⁴³ Interview with Anonymous Armenian Diplomat 2. 12.06.2024. Online. Personal archive, Yerevan.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Assad accuses Turkey's Erdogan of igniting Armenia-Azerbaijan conflict // Reuters. 06.10.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/world/assad-accuses-turkeys-erdogan-of-igniting-armenia-azerbaijan-conflict-idUSKBN26ROU0/> (accessed: 24.07.2025).

⁴⁶ The Syrian mercenaries used as 'cannon fodder' in Nagorno-Karabakh // BBC. 10.12.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/stories-55238803> (accessed: 24.07.2025).

the South Caucasus, Central Asia, and the Middle East⁴⁷. Tehran has always been very sensitive regarding Azerbaijan-Israel relations. However, strained Israeli-Turkish relations and the 2008 war between Georgia and Russia undermined this idea; nevertheless, Azerbaijan and Israel have maintained their relations at a strategic level. Israeli interest in aligning with Azerbaijan is driven in part by oil imports from Azerbaijan, which reportedly supply an estimated 30 percent of Israel's oil consumption through the Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline [Murinson 2010: 28]. Over time, relations between Azerbaijan and Israel evolved into a strategic partnership, with Israel becoming one of the main suppliers of weapons to Azerbaijan⁴⁸.

In addition to fostering strong bilateral ties with both Turkey and Israel, Azerbaijani President Ilham Aliyev has, over the past decades, actively pursued efforts to mediate and improve relations between the two countries. In 2010, Baku launched several initiatives aimed at restoring dialogue between the two countries. Tensions escalated sharply following the 2010 Mavi Marmara incident, which significantly strained Turkey-Israel relations and threatened to further destabilize regional dynamics⁴⁹. Positioned at the intersection of the Middle East, the South Caucasus, and Central Asia, Azerbaijan had a strategic interest in fostering regional cooperation and minimizing polarization among its key partners. Capitalizing on its strong bilateral ties, particularly with Israel in the fields of defense, intelligence, and energy, and with Turkey through deep historical and cultural connections, Baku attempted to mediate between Ankara and Tel

Aviv in the hope of easing tensions and encouraging diplomatic re-engagement. While President Ilham Aliyev's efforts reflected Azerbaijan's growing diplomatic ambition and desire to perform a regional balancing role, these initiatives ultimately failed to yield a concrete breakthrough. Azerbaijan lacked the international influence and political leverage necessary to facilitate a major geopolitical realignment. Beginning around 2018, Azerbaijan quietly promoted channels of communication between Israel and Turkey, setting the stage for more formal mediation efforts in later years. Positioned as a trusted partner to both nations, Azerbaijan leveraged its strategic neutrality and shared interests to encourage dialogue, particularly as tensions rose over overlapping deployments in Syria and shifting geopolitical alignments in the post-Nagorno Karabakh conflict. While no formal breakthrough occurred in 2018, these efforts laid the groundwork for technical talks held in Azerbaijan and helped frame Baku's longer-term role as a regional facilitator⁵⁰. Ilham Aliyev's ability to build bridges between Israel and Turkey became an even more valuable factor, especially amid political and military developments in Syria since 2024, following the fall of the Bashar al-Assad regime.

The Middle East is undergoing a new geopolitical transformation, and Azerbaijan is seeking to assume an active role. Azerbaijan's diplomatic maneuvers, particularly its hosting of Israeli-Turkish discussions on Syria in April 2025, are a case in point. On 9–10 April 2025⁵¹, senior Turkish and Israeli officials met in Baku, Azerbaijan, in a technical, high-level dialogue aimed at establishing deconfliction

⁴⁷ *Namazova F., Valiyev A.* Azerbaijan-Israeli Relations in the Wake of the Middle Eastern Crisis // Global Panorama. 15.08.2025. URL: <https://www.globalpanorama.org/en/2025/08/azerbaijan-israeli-relations-in-the-wake-of-the-middle-eastern-crisis/> (accessed 19.01.2026).

⁴⁸ *Kogan E.* Israel and Azerbaijan: Trusted friends and reliable partners // Middle East Institute. 03.04.2023. URL: <https://www.mei.edu/publications/israel-and-azerbaijan-trusted-friends-and-reliable-partners> (accessed: 24.07.2025).

⁴⁹ *Tuna D., Çırkara T.* The Potential for Azerbaijani Mediation of Turkish-Israeli Relations // Washington Institute for Near East Policy. 20.07.2021. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/potential-azerbaijani-mediation-turkish-israeli-relations> (accessed: 24.07.2025).

⁵⁰ *Ibid.*

⁵¹ Israel confirms talks with Turkey on Syria aimed at preserving 'security stability' // The Times of Israel 10.04.2025. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-confirms-talks-with-turkey-on-syria-aimed-at-preserving-security-stability/> (accessed: 24.07.2025).

mechanisms to prevent accidental military clashes in Syria. The talks were prompted by increased proximity between Turkish and Israeli military activities following the collapse of the al-Assad regime in late 2024, which created a power vacuum and intensified external involvement. Israel expressed concerns over potential Turkish force deployments near strategic sites, while Turkey framed its presence as part of efforts to stabilize Syria in coordination with new authorities and military support to Damascus⁵². The discussions remained narrowly focused on military risk management and did not signal broader diplomatic normalization amid ongoing political tensions between the two states. A mechanism will be established, similar to the one built between Israel and Russia⁵³.

Turkish government sources confirmed that the talks were brokered by Azerbaijan and emphasized the importance of establishing a communication channel to maintain stability and prevent clashes between Israel and Turkey on Syrian soil. The Israeli delegation, headed by National Security Adviser Tzachi Hanegbi, argued that any effort to deploy foreign military forces in Syria was a red line for the State of Israel⁵⁴. Tel Aviv has officially thanked Azerbaijan and President Ilham Aliyev for hosting the crucial talks in Baku. During the negotiations, each side presented its regional interests and priorities. Speaking at the annual ADA University policy forum in Baku on April 9, 2025, President Ilham Aliyev stressed Azer-

baijan's readiness to contribute to deepening dialogue between Israel and Turkey and overcoming tensions. Aliyev noted that both countries were strategic partners for Azerbaijan. "We are allies with Turkey, and Israel is a friendly state of Azerbaijan, with which our mutual friendship has been proven many times, especially in difficult times. Therefore, the tension between the two countries is of serious concern to us," stressed the President of Azerbaijan in his speech⁵⁵.

Baku's mediation efforts are based on security interests and economic pragmatism⁵⁶. Azerbaijan's interest in mediating over Syria is not merely diplomatic: it is rooted in strategic motivations and broader geopolitical calculations. Establishing a new government in Syria, which enjoys political-military support from Turkey, creates economic and political opportunities. Azerbaijan seeks to join efforts with Turkey to marginalize Iranian and Russian influence in Syria. It is important to note that during the visit of Ahmad al-Sharra, interim President of Syria, there was a meeting between Syrian and Israeli representatives. The meeting marked one of the first indirect contacts between Syrian and Israeli officials since the fall of the al-Assad regime. Its focus on Israeli operations inside Syria highlights the security concerns on both sides and Azerbaijan's willingness to provide a neutral setting for sensitive dialogue⁵⁷. The meeting between Israeli and Syrian officials reportedly focused on the Israeli military presence in southern Syria. For

⁵² *Abdukerim I.* Assessments of Israel-Türkiye Flashpoints in Syria // Al Zaytouna Center for studies and consultations. July 2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/393494203_Assessments_of_Israel-Turkiye_Flashpoints_in_Syria (accessed 26.01.2025). 21 p.

⁵³ Israel and Turkey hold Syria deconfliction talks to avoid military clash // The Times of Israel. 10.04.2025. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-and-turkey-hold-syria-deconfliction-talks-to-avoid-military-clash/> (accessed: 24.07.2025).

⁵⁴ *Berman L., Freiberg N.* Israel confirms talks with Turkey on Syria aimed at preserving security stability // Times of Israel. 10.04.2024. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-confirms-talks-with-turkey-on-syria-aimed-at-preserving-security-stability/> (accessed: 24.07.2025).

⁵⁵ All Israel News Staff, "Both Countries Are Close Friends: Azerbaijan Hosts First High-Level Meeting to Calm Israel-Turkey Tensions in Syria" // All Israel News. 09.04.2024. URL: <https://allisrael.com/both-countries-are-close-friends-azerbaijan-hosts-first-high-level-meeting-to-calm-israel-turkey-tensions-in-syria> (accessed: 24.07.2025).

⁵⁶ *Delanoë I. P.* Israel-Azerbaijan: An Alliance in Search of Renewal // FMES Institute. 28.07.2021. URL: <https://fmes-france.org/israel-azerbaijan-an-alliance-in-search-of-renewal/> (accessed: 24.07.2025).

⁵⁷ Syrian, Israeli officials meet in Baku in normalisation process with limited scope // Arab Weekly. 14.07.2025. URL: <https://www.thearabweekly.com/syrian-israeli-officials-meet-baku-normalisation-process-limited-scope> (accessed: 24.07.2025).

Damascus, these indirect talks were crucial for the potential reinstatement of the 1974 Disengagement Agreement, especially with regard to halting military actions and restoring UN monitoring of the demilitarized zone between the two sides⁵⁸.

In early July, Syria announced its willingness to cooperate with the United States to re-establish the disengagement agreement. Azerbaijan, as a mediation arena, proved insufficient; on July 13, 2025 – one day after the meeting of the Israeli-Syrian delegations in Baku, hostilities between Bedouins and the Druze community members began in the Southern city of Sweida in Syria. The Israeli air force was involved in defending Druze forces against attacks by government troops⁵⁹. From time to time, rising tensions reveal that the situation in Syria remains highly complex and still has a long way to go before it can reach clarity or stability. In any case, Azerbaijan's mediation efforts are unlikely to succeed as long as multiple conflict hotspots persist across the broader Middle East region. It is impossible for the deep-rooted contradictions between Turkey and Israel to be fully resolved through Azerbaijan's mediation alone. Israel and Turkey continue to compete over spheres of influence in Syria, and the Palestinian issue also remains a significant factor. While it is evident that Azerbaijan has not emerged as an effective mediator in this context, these efforts have nonetheless enhanced its regional and international visibility. This reflects Baku's aspiration to assert itself as a rising power in the region, despite the lack of concrete out-

comes. Anyhow, even if multiple actors engage as mediators in Israel-Turkey and Israel-Syria relations like Azerbaijan, the final structuring and capitalization of these processes will ultimately be led by the United States. Studies of U.S. foreign policy show that the United States has historically taken the central role in mediating major Middle Eastern conflicts – most notably, in Arab-Israeli negotiations – acting as the principal broker and agenda-setter in peace processes⁶⁰.

Azerbaijani expert Rovshan Mamadli argues that Azerbaijan would not oppose operating under U.S. patronage. However, Israel's regional hegemonic ambitions, coupled with its interest in maintaining instability in Syria, leave little room for optimism regarding mediation efforts⁶¹. At the same time, it is reasonable to expect that Azerbaijan's activities and its potential influence on Middle Eastern affairs – particularly in the Syrian context, including mediation efforts – will, to a significant extent, depend on Ankara. In many instances, the strategic interests of Ankara and Baku closely align on the international stage. Turkey has played a key role in elevating Azerbaijan's international profile, which, in turn, enables Ankara to address various regional and global issues with Baku's backing. Nevertheless, although Azerbaijan possesses certain resources and ambitions to act as an independent regional player, it remains largely aligned with Ankara's foreign policy agenda. Baku tends to position itself in accordance with Turkey's interests and priorities, especially in matters of regional significance⁶².

⁵⁸ [Al-Sharaa] الشرع في أول زيارة رسمية إلى أذربيجان... ولقاء مباشر سيعقد بين مسؤولين سوري وإسرائيلي في باكو is on his first official visit to Azerbaijan... and a direct meeting will be held between Syrian and Israeli officials in Baku // Al-Quds. 12.07.2025. URL: <https://www.alquds.co.uk/أذربيجان-في-أول-زيارة-رسمية/> (accessed: 24.07.2025).

⁵⁹ Israel launches heavy airstrikes in Damascus, vowing to protect Druze // Reuters. 17.07.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/clashes-resume-syrias-druze-city-sweida-after-ceasefire-announcement-2025-07-16/> (accessed: 19.10.2025).

⁶⁰ Syria and Israel Revive Security Talks Mediated by the U.S. // The New York Times. 06.01.2026. URL: <https://www.nytimes.com/2026/01/06/world/middleeast/syria-israel-us-talks-paris.html> (accessed: 19.01.2026); Türkiye 'has played a very integral role in getting to this ceasefire' in Gaza, says US official // Anadolu Ajansı. 15.01.2026. URL: <https://www.aa.com.tr/en/americas/turkiye-has-played-a-very-integral-role-in-getting-to-this-ceasefire-in-gaza-says-us-official/3799744> (accessed 19.01.2026).

⁶¹ Azerbaijan's expanding footprint in the Middle East // New Arab. 28.08.2025. URL: <https://www.newarab.com/analysis/azerbajjans-expanding-footprint-middle-east> (accessed: 19.10.2025).

⁶² Interview with Anonymous Armenian Diplomat 3. 16.08.2025. Online. Personal archive, Yerevan.

New Approaches to Syrian-Azerbaijani Relations in the Post-Assad Period

The Azerbaijani authorities welcomed the departure of Bashar al-Assad from power on December 8, 2024. Following the collapse of the Syrian regime, the President of Azerbaijan held a telephone conversation with the President of Turkey to discuss the evolving situation⁶³. Official statements from Azerbaijan have indicated intentions to establish friendly bilateral relations with the new Syrian administration. Baku characterized these relations as hindered by the former Syrian regime's leadership. This leadership reportedly created significant difficulties for Azerbaijan in various international forums, including the Organization of Islamic Cooperation. In these forums, Syria's position was viewed as inconsistent with the principles of Islamic solidarity⁶⁴. Our research during this period suggests that Baku's publicly expressed attitude towards the al-Assad regime has been largely instrumental. Baku's hostility towards Bashar al-Assad is not due to the regime's pro-Armenian stance, but rather stems from Turkey's own position on the matter.

The process of restoring Azerbaijan's relations with Syria officially began in late December 2024, with the Azerbaijani Foreign Minister announcing the renewal of diplomatic ties on December 10. "At this crucial moment, as friendly and partnership ties between Azerbaijan and Syria enter a new phase and fresh opportunities emerge for cooperation in political, economic, cultural, and other spheres, our embassy will support the development of bilateral relations through close collaboration with Syria's transitional government", the ministry's statement read⁶⁵. Days after the power shift, on December 29, Azerbaijani Deputy

Foreign Minister Yalcin Rafiyev met with Asad al-Shaibani, the Foreign Minister of the interim government. He stated that Azerbaijan "stands with Syria alongside the Republic of Turkey at this crucial new stage". Rafiyev was the first senior official to visit Syria since the events of the "Arab Spring". He also assured his counterpart that Azerbaijan was ready to offer support for Syria's reconstruction. In return, Shaibani emphasized that Azerbaijan's liberation of its territories from occupation was crucial for promoting global peace and stability, and extended his congratulations to the Azerbaijani people⁶⁶.

On December 30, the day after their meeting, Azerbaijan sent its first humanitarian aid to Syria, five tons of supplies intended for people in need in Idlib province. The aid was distributed via Turkey's Disaster and Emergency Management Presidency. On February 17, 2025, Azerbaijan restored diplomatic relations with Syria. The Azerbaijani Foreign Ministry issued a statement confirming that the *chargé d'affaires* in Damascus had assumed his duties. The ministry noted that this move marks a new phase in bilateral relations, aimed at strengthening cooperation across numerous political, economic, and cultural sectors⁶⁷. On February 18, 2025, President Aliyev sent a congratulatory message to transitional President Ahmad al-Sharaa, congratulating him and wishing him success, security, stability, and prosperity for Syria. Aliyev reaffirmed Azerbaijan's support for the Syrian people during this transition, expressed a desire to strengthen bilateral cooperation, and invited al-Sharaa to Baku⁶⁸. During the meeting, President Aliyev reiterated that the primary reason for the past deterioration in Azerbaijan-Syria relations was the former

⁶³ *Novruz A.* Former regime in Syria caused significant challenges for Azerbaijan in int'l organizations, says Hajiyev // *Azernews*. 25.07.2025. URL: <https://www.azernews.az/nation/235051.html> (accessed: 24.07.2025).

⁶⁴ *Ibid.*

⁶⁵ Azerbaijan reopens embassy in Syria after 13-year closure // *Jam news*. 18.02.2025. URL: <https://jam-news.net/azerbaijan-reopens-embassy-in-syria-after-13-year-closure/> (accessed: 24.07.2025).

⁶⁶ Azerbaijan's deputy foreign minister meets with Syria's new foreign minister in Damascus // *anadolu ajansi*. 29.12.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/azerbaijans-deputy-foreign-minister-meets-with-syrias-new-foreign-minister-in-damascus/3437541> (accessed 19.01.2026).

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ President Ilham Aliyev congratulates Syria's transitional President // *Azerbaijan*. 14.02.2025. URL: <https://azerbaijan.az/en/news/15236> (accessed: 24.07.2025).

Syrian administration's "unfortunately pro-Armenian and anti-Azerbaijani stance," noting frequent contacts and cooperation between Armenian and Syrian officials during that period⁶⁹. Remaining consistent with Azerbaijan's logic of acting in association with Turkey in Syria, we are inclined to believe that Aliyev sought to conceal the true reasons behind the deterioration of Azerbaijan-Syria relations and instead shift the blame onto Armenia.

The Azerbaijani authorities drew parallels between the reconstruction of Syria and that of Azerbaijan, noting that Azerbaijan's experience can be used in efforts to restore Syria, with a focus on Nagorno-Karabakh. In turn, the new Syrian authorities compared "the establishment of people's power in Syria and the historic victory of Azerbaijan"⁷⁰.

An important question moving forward is which areas will be prioritized in Azerbaijani-Syrian bilateral cooperation. Official statements from Baku indicate that significant steps are likely to be taken in the field of energy. At the 4th Antalya Diplomatic Forum, held from April 11–13, 2025, President Ilham Aliyev met with Syrian interim President Ahmad al-Sharaa to discuss a range of issues⁷¹. During the meeting, President Aliyev emphasized Azerbaijan's readiness to contribute to Syria's post-war reconstruction as a means of supporting long-term stability in the country. Among the potential areas of cooperation, energy emerged as a key focus, with particular atten-

tion to Syria's oil and gas sector⁷². President Aliyev expressed interest in contributing to the rehabilitation of Syria's energy infrastructure, including the development of oil and gas fields in the country's northwest, drawing on Azerbaijan's extensive expertise in both industries⁷³. The State Oil Company of the Azerbaijan Republic, a globally recognized energy brand, is expected to represent Azerbaijani interests in Syria. According to Elchin Ibadov, General Director of SOCAR's Turkish branch, the company is prepared to engage in Syria's energy sector⁷⁴. Given the strategic alignment between Azerbaijan and Turkey, it is anticipated that SOCAR Turkey will play a leading role in these efforts. Energy cooperation between Syria and Azerbaijan holds the potential to yield significant mutual benefits⁷⁵. Finally, on August 2, 2025, an export project for gas supply to Syria was launched in Kilis, Turkey. The ceremonial event was attended by representatives from Azerbaijan, Turkey, Syria, and Qatar. According to the agreement, Azerbaijan supplies the gas, Turkey provides logistics and transit (route: Kilis → Yavuzlu → Aleppo/Homs), and the deliveries are carried out under a swap scheme⁷⁶.

SOCAR is expected to continue playing the role of energy supplier in the region under Ankara's auspices. Establishing a presence in Syria would enable Azerbaijan to overcome its geographic constraints and deepen its engagement with the broader Middle East, including

⁶⁹ Farhadova A. Aliyev invites interim Syrian President al-Sharaa to visit Azerbaijan // OC Media. 14.04.2025. URL: <https://oc-media.org/aliyev-invites-interim-syrian-president-al-sharaa-to-visit-azerbaijan> (accessed: 24.07.2025).

⁷⁰ Syrian Foreign Ministry: Azerbaijan's liberation of its lands from occupation is a significant event // APA. 29.12.2024. URL: <https://en.apa.az/foreign-policy/syrian-foreign-ministry-azerbajians-liberation-of-its-lands-from-occupation-is-a-significant-event-456974> (accessed: 24.07.2025).

⁷¹ Ilham Aliyev met with Syrian Interim President of Syria in Antalya // President of the Republic of Azerbaijan. 11.04.2025. URL: <https://president.az/en/articles/view/68548> (accessed: 24.07.2025).

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Syria seeks Azerbaijan's help to develop oil and gas fields // Middle East Eye. 18.04.2025. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/syria-seeks-azerbajians-help-develop-oil-and-gas-fields> (accessed: 24.07.2025).

⁷⁵ Energy cooperation between Türkiye and Azerbaijan: A strategic partnership // Daily Sabah. 22.03.2025. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/energy-cooperation-between-turkiye-and-azerbaijan-a-strategic-partnership> (accessed: 24.07.2025).

⁷⁶ Export of Azerbaijani Gas to Syria via Türkiye Has Commenced // Socar Türkiye. 02.08.2025. URL: <https://www.socar.com.tr/press-release/export-of-azerbaijani-gas-to-syria-via-turkiye-has-commenced> (accessed: 19.10.2025).

the Euro-Mediterranean region. Such a presence could also pave the way for future collaboration with the Kurdistan Region of Iraq, thereby expanding Azerbaijan's regional energy partnerships. Syria's land border with Turkey offers a strategic advantage, potentially facilitating access to the Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline (TANAP) and the Trans Adriatic Pipeline (TAP), key routes for transporting energy to European markets. Enhanced energy cooperation between Baku and Damascus could, in turn, amplify Azerbaijan's influence within the European energy sector⁷⁷. In recent years, Azerbaijan has emerged as one of the key actors in European energy security, notably increasing its natural gas exports, much of which consists of re-exported non-Azerbaijani gas. The country has expressed its intention to further expand its export volumes. Looking ahead, Azerbaijan may also explore the possibility of exporting oil and gas to Israel via Syrian territory, further integrating itself into the regional energy architecture and enhancing its geopolitical significance. Syria, however, remains a fragile and contested region, which could pose significant obstacles to Azerbaijan's energy engagement⁷⁸.

The Syrian authorities have a strong interest in establishing a stable security architecture and engaging with Azerbaijan's energy diplomacy. It is no coincidence that, under the directive of President Ahmad al-Sharaa, Turkmen General Fehim Isai, commander of the Second Corps of the Syrian National Army, was appointed Deputy Minister of Defense and Commander

of the Northern Region. This appointment signals Damascus's intention to recalibrate its military leadership in alignment with broader strategic priorities, including regional cooperation, security stabilization, and energy sector engagement. The Syrian new administration has also cultivated a notable relationship of trust and collaboration with the Turkmen community, which it regards as a key demographic within the evolving regional landscape. In this context, Turkmen-populated areas of Latakia province could soon emerge within Azerbaijan's strategic purview as potential zones for investment and infrastructure development⁷⁹.

During the Antalya meeting, President Ilham Aliyev expressed Azerbaijan's readiness to contribute to Syria's post-conflict reconstruction efforts. He also extended a formal invitation to President al-Sharaa to visit Azerbaijan⁸⁰. Meanwhile, Azerbaijan continues to send humanitarian aid to Syria. In January 2025, Azerbaijan delivered 200 tons of aid to Syria's Aleppo province, again with Turkey's support⁸¹. Azerbaijan's policy in post-conflict Syria can even be considered proactive. Humanitarian aid and official visits followed one another in succession. On May 4, an Azerbaijani delegation led by Deputy Prime Minister Samir Sharifov arrived in Damascus at the invitation of the Syrian interim government⁸². During a meeting with Ahmad al-Sharaa, the Azerbaijani and Syrian parties discussed opportunities for cooperation in the economy, energy, culture, and education⁸³. The visit came after a meeting between al-Sharaa and Aliyev on the sidelines

⁷⁷ Export of Azerbaijani Gas to Syria via Türkiye Has Commenced // Socar Türkiye. 02.08.2025. URL: <https://www.socar.com.tr/press-release/export-of-azerbaijani-gas-to-syria-via-turkiye-has-commenced> (accessed: 19.10.2025).

⁷⁸ Azerbaijan-Türkiye gas corridor to Syria under fire // Daily Sabah. 22.07.2025. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/azerbaijan-turkiye-gas-corridor-to-syria-under-fire> (accessed: 19.10.2025).

⁷⁹ Kurdistan Watch // X. URL: <https://x.com/KurdistanWatch/status/1912425991059763266> (accessed: 19.10.2025).

⁸⁰ From mediation to reconstruction: Azerbaijan expands its Middle East role // News Az. 15.04.2025. URL: <https://news.az/news/-from-mediation-to-reconstruction-azerbaijan-expands-its-middle-east-role> (accessed: 24.07.2025).

⁸¹ Azerbaijan sends 200 tons of food aid to Syria // Anadolu Ajansi. 30.12.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/azerbaijan-sends-200-tons-of-food-aid-to-syria/3437796> (accessed: 24.07.2025).

⁸² Azerbaijani delegation visits Syria // Azertag. 04.05.2025. URL: https://azertag.az/en/xeber/azerbaijani_delegation_visits_syria_video-3538907 (accessed: 24.07.2025).

⁸³ Ibid.

of the Antalya Diplomatic Forum in Turkey, where the two leaders talked about possible collaboration. Notably, Syria's pro-Turkish administration has actively sought to demonstrate its strong interest and high expectations for deepening cooperation with Azerbaijan. Shortly after the invitation extended in Antalya, Ahmad al-Sharaa arrived in Baku on an official visit on July 12. The Syrian Interim President's visit to Baku marked the tenth stop on his diplomatic tour, following official visits to nine other countries. The Syrian delegation was officially welcomed by President Ilham Aliyev at the Zagulba Palace. During their meeting, President Aliyev underscored the importance of the visit in advancing and strengthening bilateral relations⁸⁴.

Syrian Interim President Ahmad al-Sharaa expressed regret that the foreign policy choices of the Bashar al-Assad government had unnecessarily harmed Syria's relations with several states, including Azerbaijan, implicitly criticizing the former regime's approach and indicating a desire to recalibrate Syria's external relations under the new Islamist leadership⁸⁵.

That was the message Aliyev wanted to hear. Al-Sharaa mentioned that Baku could meet some of Syria's energy needs, particularly through gas supplies via Turkey. The leaders' discussion also covered educational cooperation, especially opportunities for Syrian students to participate in Azerbaijani educational programs. Syria also expressed interest in leveraging Azerbaijan's experience in rebuilding post-war Syria, highlighting Azerbaijani reconstruction efforts in Karabakh⁸⁶.

During the visit, Syria and Azerbaijan signed a memorandum of understanding, cov-

ering cooperation in energy and the supply of natural gas to Syria. The agreement includes coordination on energy issues, supplying Syrian needs for natural gas through Turkey, and joint efforts in oil exploration⁸⁷. In Baku, Ahmad al-Sharaa paid tribute to the memory of National Leader of the Azerbaijani people – architect and founder of the modern independent Azerbaijani state – Heydar Aliyev, and laid a wreath at his grave⁸⁸. Ahmad al-Sharaa's visit to Baku marks a turning point in bilateral relations, as it signaled a shift in the political agenda. Despite Syria's ongoing economic and political collapse, the country is signaling its intention to pursue recovery by reorienting its foreign policy. Al-Sharaa's foreign policy approach is fundamentally different from that of Bashar al-Assad. The new direction in Syria's foreign policy appears satisfactory for Ilham Aliyev, who prioritizes expanding his geopolitical influence, undermining Armenia's position in Syria, and weakening the role of the Armenian community within the country. Al-Sharaa's visit to Baku goes beyond the scope of bilateral relations, as it reflects broader geopolitical reconfigurations in the region. Baku's open rapprochement with Islamist Syria is certainly viewed with concern both by Russia and Iran, which, after investing significant resources in Syria and ultimately facing defeat, will now closely monitor developments and may possibly respond in some way.

The Decline of the Armenian Factor and the Emerging Role of Azerbaijan in Syria

Within the context of Azerbaijan-Syria relations, the Armenian factor holds particular relevance, as Azerbaijani President Ilham Aliyev has

⁸⁴ *Frantzman S.J.* Syrian president visits Azerbaijan to strengthen energy, diplomatic ties – analysis // The Jerusalem Post/Middle East. 12.07.2025. URL: <https://www.jpost.com/middle-east/article-860779> (accessed: 24.07.2025).

⁸⁵ President of Syria Ahmad al-Sharaa has arrived in Azerbaijan on an official visit // Aze Media. 12.07.2025. URL: <https://aze.media/president-of-syria-ahmad-al-sharaa-has-arrived-in-azerbaijan-on-an-official-visit/> (accessed: 24.07.2025).

⁸⁶ *Frantzman S.J.* Syrian president visits Azerbaijan to strengthen energy, diplomatic ties // The Jerusalem Post. 12.07.2025. URL: <https://www.jpost.com/middle-east/article-860779> (accessed: 24.07.2025).

⁸⁷ Syria and Azerbaijan Sign Memorandum of Understanding on Energy Cooperation // Welat. 13.07.2025. URL: <https://welatv.com/en/node/15010> (accessed: 24.07.2025).

⁸⁸ Transitional President of Syria visits tomb of National Leader Heydar Aliyev // Azernews. 12.08.2025. URL: <https://www.azernews.az/nation/244577.html> (accessed: 24.07.2025).

frequently contrasted Armenia-Syria and Azerbaijan-Syria ties. He has pointed to what he perceives as a pro-Armenian stance by President Bashar al-Assad regarding the Nagorno-Karabakh conflict. “Unfortunately, during the previous leadership, Syria took a very pro-Armenian and anti-Azerbaijani position,” stated Azerbaijani President Ilham Aliyev during his address at the international forum Facing the New World Order held at ADA University in Baku on April 9, 2025⁸⁹. However, this article concludes that the al-Assad regime’s official position on the conflict has, in fact, remained largely balanced and neutral. As early as 2007, in a meeting with Azerbaijani Foreign Minister Elmar Mammadyarov, Bashar al-Assad stressed that Syria fully recognizes Azerbaijan’s territorial integrity and advocates for a peaceful resolution to the Nagorno-Karabakh conflict⁹⁰. Bashar al-Assad reaffirmed his position during his 2009 visit to Baku⁹¹. In contrast to Azerbaijan-Syria relations, Armenia-Syria relations were established earlier and have evolved more rapidly. Geopolitical researcher Dr. Mariam Kazemi argues that one of the reasons for the limitations in Syria-Azerbaijan relations has been Syria’s cooperation with Armenia.

“Under Assad’s rule, Azerbaijan-Syria relations faced limitations due to several factors, including the anti-Azerbaijani and anti-Turkish stance of Syria’s Armenian diaspora and the strategic alignment between Syria and Armenia. During this period, Syria adopted positions in international organisations that were at odds

with Azerbaijan’s interests, refusing to take a firm or objective stance on territorial integrity issues. Syrian leadership even made statements in platforms like the OIC that contradicted the principle of Islamic solidarity”⁹².

A crucial link in the development of bilateral ties has been the local Armenian community, which has contributed significantly to Syria’s socio-economic and cultural life. The Armenian community has long enjoyed respect both from Syrian society and from the country’s leadership⁹³. During the Syrian crisis, the Armenian community was often perceived externally as supportive of the al-Assad government. However, in practice, the community adopted a position of positive neutrality, refraining from direct involvement in military activities except in cases of self-defense, particularly in the protection of Armenian-populated areas⁹⁴. The prospect of regime change in Syria and the possible establishment of a Turkish-aligned administration have raised concerns among the country’s Christian minorities, including the Syrian-Armenian community. As with other Christian groups, the Armenians adopted a cautious and restrained stance during the conflict, driven by concerns over their security and the preservation of their communities. In particular, the prospect of extremist groups such as Jabhat al-Nusra* ascending to power was perceived as a direct threat, heightening fears of targeted violence and religious persecution⁹⁵. The war had a profound impact on the Armenian community and on areas of Syria with substantial Armenian

⁸⁹ Azerbaijani President: We support the new government of Syria // The Azerbaijan State News Agency-Azertag 09.04.2025. URL: https://azertag.az/en/xeber/azerbaijani_president_we_support_new_government_of_syria-3496459 (accessed: 26.01.2026).

⁹⁰ Bashar Assad: Syria recognizes Azerbaijan's territorial integrity and supports peaceful solution to Karabakh conflict // Today Az 12.04.2007. URL: <https://www.today.az/news/politics/39265.html> (accessed: 26.01.2026).

⁹¹ Syrian President meets Milli majlis speaker in Baku // The Azerbaijan State News Agency- Azertag. 09.07.2009. URL: https://azertag.az/en/xeber/syrian_president_meets_milli_majlis_speaker_in_baku-583948 (accessed: 26.01.2026).

⁹² New Dynamics In The Azerbaijan-Syria Axis Amid Shifting Geopolitical Changes // International Peace Studies Centre. 16.07.2025. URL: <https://peace-ipsc.org/2025/07/16/new-dynamics-in-the-azerbaijan-syria-axis-amid-shifting-geopolitical-changes/> (accessed: 19.10.2025).

⁹³ Interview with Anonymous Armenian Diplomat 4. 20.06.2025. Online, Yerevan. Personal archive.

⁹⁴ Hovyan V. On political view of the Armenian community in Syria // Noravank. 06.05.2013. URL: http://www.noravank.am/eng/issues/detail.php?ELEMENT_ID=7064 (accessed: 24.07.2025).

* Terrorist organizations banned in Russia.

⁹⁵ Interview with Anonymous Armenian Diplomat 2. 12.06.2024. Online. Personal archive, Yerevan.

populations, resulting in significant and irreversible human and material losses. These conditions, in turn, triggered large-scale emigration from the community⁹⁶.

Throughout the Syrian crisis, Armenia maintained comparatively active diplomatic engagement with the government of Bashar al-Assad and notably stood out as the only country to sustain an uninterrupted diplomatic presence in Aleppo, operating its General Consulate continuously throughout the conflict⁹⁷. In 2019, following the ascent of Prime Minister Nikol Pashinyan and at the recommendation of Russian President Vladimir Putin, Armenia established a Humanitarian Mission Center in Aleppo. This initiative underscored Armenia's dedication to supporting Syria during the crisis and simultaneously contributed to deepening bilateral relations between Yerevan and Damascus⁹⁸. The Center has undertaken a wide range of operations in Syria, including demining efforts, the distribution of humanitarian aid, and the provision of medical services. Armenia's humanitarian engagement has been broadly recognized and valued in Syria⁹⁹.

Armenia faced criticism from the West, including the United States, for opening a humanitarian center in Syria at Russia's suggestion¹⁰⁰. On February 13, 2020, amid escalating tensions in Turkish-Syrian relations, the Syrian Parliament officially recognized and condemned the Armenian Genocide committed by the Ottoman Empire. The move was met with very positive reactions in Armenia and the

Diaspora, as Syria became the second country after Lebanon to officially recognize the Armenian Genocide. Since November 2024, events in Syria took a dramatic turn, and the fall of Bashar al-Assad's regime in 2024 was followed by tension in Yerevan. Following the change of power in Syria, spiritual leaders of the Armenian Apostolic, Catholic, and Evangelical communities in Aleppo, Damascus, Kessab, and other locations, alongside leaders of other remaining Christian communities, received formal security assurances¹⁰¹. However, security threats to minority groups in Syria have not only persisted but, in many cases, intensified in the aftermath of the regime change. Notable examples include the atrocities committed against the Alawite community in March 2025, the terrorist attack on the Mar Ilia Christian Church in Damascus on June 22, and a series of massacres targeting the Druze community since July 13.

Within this broader context, concerns within the Armenian community remain closely linked to Syria's ongoing economic crisis, political instability, and deteriorating security environment. In response to the regime change, Armenia dispatched a single humanitarian aid shipment to Syria¹⁰². Since that time, only one official Armenian delegation, led by Deputy Foreign Minister Vahan Kostanyan, has visited Syria. During the visit, Kostanyan met with Asaad al-Shaibani, Foreign Minister of the Syrian Transitional Government. Both parties emphasized the longstanding historical ties between the Armenian and Syrian peoples and

⁹⁶ Syria // Diaspora. URL: <http://diaspora.gov.am/en/pages/51/syria> (accessed: 24.07.2025).

⁹⁷ Armenian Consulate General was the only diplomatic mission that never stopped operating in Aleppo – FM Nalbandian // Abaka news. 23.10.2017. URL: <https://abakanews.org/news/armenia-and-artsakh/armenian-consulate-general-diplomatic-mission-never-stopped-operating-aleppo-fm-nalbandian/> (accessed: 24.07.2025).

⁹⁸ The Aleppo mission: Armenian experts' first week // Mediamax. 19.02.2019. URL: <https://mediamax.am/en/specialprojects/special-report/32334/> (accessed: 24.07.2025).

⁹⁹ Armenian humanitarian group continues mission in Syria despite COVID19-related restrictions // Armenpress. 17.04.2020. URL: <https://armenpress.am/en/article/1012497> (accessed: 26.01.2026).

¹⁰⁰ U.S. unhappy with Armenian deployment in Syria // Azatutyun. 13.02.2019. URL: <https://www.azatutyun.am/a/29768146.html> (accessed: 19.10.2025).

¹⁰¹ Interview with Anonymous Armenian Diplomat 4. 20.06.2025. Online, Yerevan. Personal archive, Yerevan.

¹⁰² The Republic of Armenia has sent humanitarian aid to the Syrian Arab Republic // The MFA of the Republic of Armenia. 21.03.2025. URL: https://www.mfa.am/en/press-releases/2025/03/21/humanitarian_aid/13133 (accessed: 24.07.2025).

expressed their support for initiatives aimed at promoting solidarity and inclusiveness within Syria. However, despite these diplomatic engagements, significant challenges persist in the country's political and social landscape, limiting progress toward sustainable stability¹⁰³.

In practice, the new Syrian leadership has openly adopted a distinctly pro-Azerbaijani stance. This position was explicitly demonstrated during the inaugural high-level meeting between Syrian and Azerbaijani officials on December 29, 2024, when Foreign Minister Asaad al-Shaibani commended Azerbaijan for what he described as the liberation of its territories from Armenian occupation. Al-Shaibani further characterized this development as a significant contribution to global peace and stability, and extended his congratulations to the Azerbaijani people¹⁰⁴. There has been a significant shift in bilateral relations, with a clear indication that Armenia-Syria ties will no longer mirror the close partnership they once shared¹⁰⁵. Currently, the relationship between Armenia and Syria is effectively at a standstill. Armenia appears to be relinquishing its influence in Syria, creating a vacuum that Azerbaijan is increasingly filling.

This shift has generated a sense of uncertainty within the Syrian-Armenian community regarding their future. The new Syrian leadership is unlikely to prioritize or invest in maintaining close ties with Armenia, marking a departure from the era of Bashar al-Assad's rule. During his tenure, the friendly relations between Armenia and Syria significantly bolstered the morale and well-being of the Armenian community in the country. Armenia-Syria relations will no longer resemble the close partnership of the past. Instead, Azerbaijan-Syria relations have gained considerable momentum. The Syrian-Armenian community itself is unlikely to recover to its pre-war state, having been profoundly affected

by the conflict. The weakening of the Armenian community and its institutional presence in Syria carries important geopolitical and ideological implications, particularly benefiting Turkey and Azerbaijan. This dynamic can be understood through several key dimensions. Historically, the Armenian community in Syria has played a vital role in preserving Armenian cultural identity, especially concerning the historical memory and international recognition of the Armenian Genocide. For Turkey, which persistently denies the Armenian Genocide, the erosion of diaspora communities championing this cause serves a clear strategic advantage. Similarly, Azerbaijan also benefits from the weakening of Armenian diaspora communities, as the resulting vacuum enables Baku to expand its influence more directly. In this context, the Armenian community in Syria has historically functioned not only as a cultural and religious hub but also as a key instrument of Armenia's soft power in the Middle East. Through its educational, religious, and communal institutions, the community contributed to the development of Armenian-Syrian relations and served as an important bridge between Armenia and the Arab world. The decline of this community therefore represents not merely a cultural and demographic loss, but also a significant geopolitical weakening of Armenia's regional presence and influence, from which Azerbaijan may strategically benefit.

Azerbaijani expert Lala Khalizade's view on the reasons behind the failures in Azerbaijan-Syria relations serves to support nearly all of the arguments mentioned above. She notes: "Unfortunately, under the former Syrian regime, relations with Azerbaijan did not reach a stable level due to a number of factors. Among them were the anti-Azerbaijani and anti-Turkish stance of the Armenian diaspora in Syria, as well as the friendly ties between Syria and Armenia, a country with which Azerbaijan had

¹⁰³ The meeting of Deputy Foreign Minister of Armenia with the Foreign Minister of the Syrian Arab Republic // The MFA of the Republic of Armenia. 27.01.2025. URL: https://www.mfa.am/en/press-releases/2025/01/27/kostanyan_syria/13054 (accessed: 24.07.2025).

¹⁰⁴ Azerbaijan's deputy foreign minister meets with Syria's new foreign minister in Damascus // Anadolu Ajansı. 29.12.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/azerbajajans-deputy-foreign-minister-meets-with-syrias-new-foreign-minister-in-damascus/3437541> (accessed: 24.07.2025).

¹⁰⁵ Interview with Anonymous Armenian Diplomat 4. 20.06.2025. Online, Yerevan. Personal archive.

a conflict”¹⁰⁶. It is noteworthy that Khalizadeh also echoes Azerbaijan’s official narrative, claiming that under Bashar al-Assad, Syria opposed the Islamic solidarity movement within international organizations, particularly the OIC, in order to support Armenia. However, this claim lacks a solid foundation, as no member state within the OIC can formally oppose the principle of Islamic unity, let alone vote against an agenda proposed by Azerbaijan – something Syria has never actually done.

* * *

The evolution of Azerbaijan-Syria relations reflects the influence of broader regional strategic dynamics rather than purely bilateral considerations. Prior to the Syrian conflict, interactions between the two states were cordial yet limited, lacking substantive economic and strategic engagement. The outbreak of the war in 2011, coupled with Turkey’s firm opposition to the al-Assad regime and its central role in shaping Azerbaijan’s regional alignment, prompted a temporary cooling of relations and Azerbaijan’s diplomatic withdrawal from Damascus. Baku also perceived the al-Assad regime as historically sympathetic to Armenian interests in the context of the Nagorno-Karabakh conflict, while noting the declining influence of the

Armenian community in Syria. Although this perception did not fully align with Syria’s relatively balanced stance, it influenced Azerbaijan’s strategic calculations, reinforcing a sense of opportunity amid the concurrent political and social vacuum created by the weakening of the al-Assad regime. Within this context, Azerbaijan gradually assumed a secondary but supportive role in a Turkey-centered regional order, also taking on a mediating function as Syria experienced shifts in governance and regional alignments. Azerbaijan’s engagement has combined energy diplomacy and support for reconstruction initiatives, reflecting a pragmatic strategy that advances political visibility, economic interests, and regional influence at comparatively low cost. More broadly, Azerbaijan’s renewed involvement in Syria since 2024 exemplifies a wider trend in its foreign policy: the projection of geopolitical ambitions beyond the South Caucasus. This approach has gained momentum following Azerbaijan’s 2020 victory in the NK war and the subsequent restoration of territorial integrity. Overall, Azerbaijan’s strategy demonstrates a careful integration of diplomacy, economic engagement, and strategic alignment, highlighting its evolving role as a flexible and increasingly influential actor within regional affairs.

References

- Bishku B.M. (2012). Turkish-Syrian Relations. A Checkered History. *Middle East Policy*. Vol. 19. No. 3. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4967.2012.00546.x>
- Blackwill R.D., Harris J.M. (2016). *War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 366 p.
- Bulent A., Lacin I. O. (2021). Has the Arab Spring Spread to the Caucasus and Central Asia? Explaining Regional Diffusion and Authoritarian Resistance. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 23. No. 3. P. 516–532. <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.1888249>
- Cooper A.F., Higgott R.A., Nossal K.R. (1993). *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. Vancouver: University of British Columbia Press. 240 p.
- Gasanova A. (2022). Turtsiya i siriyskiy konflikt [Turkey and Syrian Conflict]. *World Economy and International Relations*. Vol. 66. No. 3. P. 44–51. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-44-51
- Israyelyan A. (2025). Israeli factor in Iran-Azerbaijan relations (2005–2013). *Bulletin of the Institute of Oriental studies*. Volume 1. No. 1. P. 143–157. DOI: 10.52837/27382702-2021-34.1-142
- Karayel Z. (2024). Azerbaijan-Türkiye Relations in the Context of Security Community: One Nation, Two States. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*. Vol. 20. No. 49. P. 379–396. <https://doi.org/10.17752/guvenlikstrteji.1565134>
- Keohane R.O. (1984). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 290 p.

¹⁰⁶ Khalizadeh L. Prospects in a New Era of Azerbaijan-Syria Relations // *Politic Society*. 12.07.2025. URL: <https://politicsociety.org/2025/07/12/prospects-in-a-new-era-of-azerbaijan-syria-relations/?lang=en> (accessed: 19.10.2025).

- Keohane R.O., Nye J.S. (2012). *Power and Interdependence*. Boston: Pearson. 368 p.
- Katzenstein P.J. (ed) (1996). *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York: Columbia University Press. 560 p.
- Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) (2014). *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.
- Matveev I.A. (2022). *Politekonomiya Sirii v konflikte. T.1. Bitva za vyzhivaniye* [Political Economy of Syria in the Conflict. Vol. 1. Battle for Survival]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 344 p.
- Mearsheimer J.J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W. W. Norton & Company. 592 p.
- Mehdizade S. (2023). Allies in Discord: Azerbaijan's Auxiliary Goal as Mediator between Türkiye and Israel. *The Journal for Interdisciplinary Middle Eastern Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 123–145. DOI: 10.26351/JIMES/9-2/3
- Murinson A. (2010). The Ties between Israel and Azerbaijan. *Mideast Security and Policy Studies*. No. 110. 41 p.
- Neumann I.B. (2011). *At Home with the Diplomats: Inside a European Foreign Ministry*. New York: Cornell University Press. 232 p.
- Özcan G. (2012). Policy of Zero Problems with the Neighbours. In: L. Aimone Secat, H. Gallego (eds) *European Institute of Mediterranean Yearbook 2012*. Barcelona: European Institute of Mediterranean. P. 59–63.
- Pashayan A. (2003). *Islamakan konferans kazmakerputyune: npataknere, gortsuneutyune, dirkoroshume Kharabagyan hakamartutyun nkatmmab* [The Organization of the Islamic Conference: its objectives, activities, and its stance on the Nagorno-Karabakh conflict]. Yerevan: Institute of Oriental Studies NAS RA. 115 p.
- Pashayan A., Navasardyan N. (2024). Islamic diplomacy of Azerbaijan in the context of the Nagorno-Karabakh 2020 war: the role of the Organization of Islamic Cooperation. *Southeast European and Black Sea Studies*. P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/14683857.2024.2403164>
- Thorhallsson B. (ed.) (2019). *Small States and Shelter Theory: Iceland's External Affairs*. London: Routledge. 242 p.
- Walt S.M. (1987). *The Origins of Alliances*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 321 p.
- Waltz K.N. (1979). *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley. 251 p.
- Wendt A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 429 p.

АЗЕРБАЙДЖАНО-СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ДИНАМИКА И ПЕРЕЛОМНЫЕ МОМЕНТЫ (1992–2025)*

АРАКС ПАШАЯН

Институт востоковедения Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, Армения, 0019

ГОР ГЕВОРГЯН

Институт востоковедения Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, Армения, 0019

ГРИГОР ВАРДАНЯН

Институт востоковедения Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, Армения, 0019

* Исследование выполнено в рамках пятилетней программы «Поддержка передовых исследований» (21АГ-БА081), финансируемой Комитетом по высшему образованию и науке Республики Армения.

Резюме

Эволюция отношений между Азербайджаном и Сирией отражает влияние более широких региональных процессов. До начала сирийского конфликта взаимодействие двух государств было дружественным, но без какой-либо значительной экономической или стратегической глубины. Начало гражданской войны в 2011 году в сочетании с решительной оппозицией Турции режиму Асада и её центральной ролью в формировании региональных предпочтений Азербайджана привели к временному охлаждению отношений и «дипломатическому исходу» Азербайджана из Дамаска. В то же время в Баку считали, что режим Асада, несмотря на снижение влияния армянской общины в Сирии, склонен к поддержке армянской стороны в конфликте вокруг Нагорного Карабаха. В этом контексте Баку постепенно занял второстепенную, но поддерживающую роль в региональном порядке, ориентированном на Турцию, одновременно выполняя посреднические функции по мере наступления перемен как внутри Сирии, так и в деятельности региональных альянсов. Взаимодействие Азербайджана с Дамаском включает элементы энергетической дипломатии и поддержку инициатив по восстановлению страны; такая линия нацелена на укрепление политической субъектности Баку в регионе, продвижение экономических интересов и расширение регионального влияния при сравнительно низких издержках. Деятельность Баку представляет собой комбинацию дипломатии, экономического взаимодействия и стратегического расчёта, что подчёркивает его эволюционирующую роль как гибкого и всё более влиятельного субъекта на Ближнем Востоке. Этот подход получил дополнительный импульс после победы в войне в Нагорном Карабахе в 2020 году. Возвращение Азербайджана в Сирию в конце 2024 г. является свидетельством проецирования амбиций страны за пределы Южного Кавказа.

Ключевые слова:

Азербайджан; Сирия; Турция; региональная геополитика; политические сдвиги; конфликт; энергетическая дипломатия

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЖУРНАЛ *GEOPOLITICA* О ГРАНИЦАХ И ФРОНТИРАХ

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛЕНКО

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Резюме

Анализ публикаций журнала *Geopolitica*, объединённых темой «Границы и фронтиры», позволил оценить состояние геополитических исследований в Италии, их соотносённость с классической геополитикой и зарубежными подходами, а также их актуальность применительно к мировым процессам. Материалы номера показывают, что возрождение итальянской геополитики опирается на современное прочтение классических идей с привлечением методологического инструментария социальных и гуманитарных наук. Используемый теоретико-методологический репертуар включает классическую и критическую геополитику, геостратегический анализ, неогеографию и экзогеографию, количественные и цифровые методы, политико-правовой институционализм, историческую социологию и нормативно-политические теории. Отдельно прослеживается прикладное измерение дисциплины: геополитическая аналитика востребована в контексте обсуждения национальных политических и военных стратегий. Традиционная для геополитики проблематика границ и фронтиров получает новое прочтение в связи с изменением пространственных практик и режимов управления. В частности, цифровизация стимулирует пересмотр пространственного воображения и формирует предметное поле неогеографии.

Ключевые слова:

Журнал *Geopolitica*; Тиберио Грациани; геополитика; границы; фронтиры

Геополитические исследования в Италии

Формирование и расцвет геополитической школы в Италии пришлось на 1920–1940-е годы, когда геополитики участвовали в обосновании экспансионистских планов фашистского режима. После длительной послевоенной паузы возрождение итальянской геополитики обозначилось запуском в 1978 г. журнала *Hérodote: Italia*, переименованный в 1982 г. в *Erodoto*. Он представлял собой итальянскую версию французского издания Ива Лакоста и был закрыт в 1984 г. в связи с низким читатель-

ским спросом [Antonsich 1997]. Становление геополитических исследований в Италии проходило под сильным влиянием германской и французской школ геополитики. Вместе с тем российский учёный М.А. Шепелев обозначил следование принципам «антидетерминизма» как главной отличительной черты этой национальной школы [Шепелев 2017]. Важную роль в возрождении геополитики сыграл журнал *Limes. Rivista Italiana di Geopolitica* под редакцией Лучо Караччиоло, где её предназначение было сформулировано как раци-

---

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.11.2025

Дата принятия к публикации: 12.03.2026

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: valermik@gmail.com

ональный, прагматичный и реалистичный подход к территориальной борьбе за власть и как способ выражения национальных интересов государств¹.

В этой линии развития особое место занимает журнал *Geopolitica*, основанный Тиберио Грациани в 2011 году. Доклады этого эксперта по международной тематике обсуждаются в комиссиях итальянского парламента, а на его комментарии часто ссылаются российские информационные агентства. Концептуальные ориентиры, значимые для понимания редакторского и авторского профиля журнала, можно увидеть в интерпретации Грациани веберовской метафоры о «железной клетке» применительно к политическим процессам и явлениям XXI века². В частности, искусственный интеллект создаёт «рациональное лицо железной клетки», придавая западным демократиям неототалитарные черты. Этот процесс можно обратить вспять при условии восстановления критического мышления и практик коллективного действия.

Анализ материалов *Geopolitica* позволяет расширить методологический инструментарий и найти новое практическое применение классических геополитических подходов в реалиях XXI века.

Журнал *Geopolitica* о границах и фронтах

Журнал *Geopolitica* выпускает тематические номера, позволяющие комплексно рассматривать фундаментальные вопросы мировой политики. В настоящей статье анализируются публикации за 2025 год, объединённые темой «Границы и фронтиры». В геополитике, международном праве и отношениях». Выпуск посвящён исследованию многогранности концепций, прослеживанию их исторической эволюции и изучению их актуальности и трансформа-

ции в академических исследованиях и практическом применении.

Методологический анализ

Задействованные исследователи исходят из концептуального различия между понятиями «граница» и «фронтир». Первое представляет собой видимое линейное разграничение, установленное политической властью и имеющее юридический характер, пересечение которого влечёт за собой изменение суверенного или административного режима на соответствующей территории. В отличие от границы, у фронта не существует институциональное измерение: он следует за движением культур, населения и религий. Несмотря на это различие, функции, выполняемые границами и фронтами, стали пересекаться [Chiara 2025: 56].

Методологический анализ опубликованных статей демонстрирует разнообразие использованного инструментария, отражённого в таблице 1.

При анализе этих материалов автор применял методы сравнительного анализа с целью выявления и описания инновационного потенциала содержащихся в статьях концепций. Опубликованные работы были сгруппированы в несколько взаимосвязанных тематических блоков.

Историческая эволюция границ и фронтиров

Концепцию границ и фронтиров в рамках стратегических доктрин можно проследить со времён Римской империи вплоть до её развития в трудах геополитических теоретиков XX века. Лимес как физическая и символическая граница играет центральную роль в территориальной экспансии, военной обороне и политической идеологии империи [Chiara 2025]. В трудах Ратцеля о территориальной экспансии, Хаусхофера о геополитическом пространстве и Мак-

¹ Ziruolo L. Appunti di Geopolitica. URL: <https://www.italia-liberazione.it/novecento/geopolitica.html> (accessed: 15.08.2025).

² Graziani T. La gabbia d'acciaio di Weber e il neo-totalitarismo liberaldemocratico // Arianna Editrice. 16.01.2025. URL: <https://www.benecomune.net/rivista/rubriche/pensieri/la-gabbia-dacciaio-di-weber-e-il-neo-totalitarismo-liberaldemocratico/> (accessed: 18.08.2025).

Таблица 1
Методологический анализ

Исследователи	Теоретико-методологические основания
Дж. Анзера, А. Масса	критическая геополитика, неогеография
А. Катания	геополитический анализ
Ф. Волакки, Ф. Келли, И. Кьяра	классическая геополитика
М. Чичеркиа	политико-правовой институционализм
П. Корнетти	геополитические теории
М. Дордони	геостратегический анализ
А. Джордано	экзогеография
С. Гулямов	кибермиротворчество, цифровой суверенитет
Дж. Луонго	управленческие теории в области безопасности окружающей среды
К. Массальски	количественные методы в международных отношениях
З. Х. Мехмуд	морское право
Дж. Пастори	исторический институционализм
Ф. Анжелетти	постколониальные теории
Дж. Джосафатто, Дж. Д'Урсо	этические и нормативные правовые теории
М. Дженнатъемпо	семантический контент-анализ
А. Коссу	социальный конструктивизм
М. Энтин, Е. Энтина	теории <i>Realpolitik</i>
Л. Де Арруда Дзанани	исторический анализ
А. Комлоси	историческая социология
Дж. Ланцара	философский анализ
Ф. Мини	критическая геополитика
Дж. Ромео	геополитика многополюсного мира

Источник: составлено автором.

киндера о стратегической географии подчёркивалась центральная роль границ в формировании динамики власти и глобальных стратегий. Со времён Римской империи до XX в. граница и фронтир понимались не только как физическое разграничение, но и как динамичная стратегическая сущность, влияющая на международные отношения, безопасность и расширение государств. В Римской империи концепция границы была тесно связана с расширением и обороной территории, хотя изначально римские границы казались нечётко определёнными и связанными главным образом с политическим влиянием государств-клиен-

тов. Постепенно сформировалась более оборонительная концепция границ, о чём свидетельствует, например, стена Адриана. С наступлением Нового времени и появлением концепции национального государства границы стали ключевыми элементами определения суверенитета.

В рамках исторической типологии пространственных границ выделяются элементарные границы проживания людей, неопределённые границы территорий господства через пограничные зоны, военные границы, а также линейные границы государственных и колониальных территорий [Komlosy 2025]. К этому добавляются гра-

ницы внутри политических образований, которые определяют отношения между местной и центральной властью, а также границы союзов между политическими образованиями за пределами государственных границ. Эти пространственные границы по-разному взаимодействуют с разделительными линиями, основанными на социальных и экономических различиях. С возникновением современного государства социальные, экономические и культурные границы включаются в политические границы. В то же время в результате глобализационных процессов правила участия в мировой торговле и глобальных цепочках поставок действуют исключительно в интересах транснациональных организаций, подавляя местные рынки и производство. Полицентричный мировой порядок мог бы открыть возможности для протекционистского и эгоцентричного развития малых и средних государств. Это подразумевает проведение самостоятельной политики по определению и охране границ.

Вместе с тем классическая геополитика остаётся актуальной и в реалиях XXI века [Kelly 2025]. Большинство границ стали менее подвержены изменениям, что отражает растущую силу принципов международного права. В то же время суверенитет стран подвергается эрозии, и, как следствие, их границы становятся более проницаемыми из-за роста торговли, инвестиций и трансграничных перемещений. В качестве примера можно привести «шкалу Гуттмана», в соответствии с которой голо-сование стран Латинской Америки ранжировалось по инициативам США в ООН. Чем ближе страны были расположены географически к Соединённым Штатам, тем более благоприятными были результаты голосования в пользу Вашингтона.

Проницаемость фронтиров и мобильность границ в постглобальном мире позволяют по-новому увидеть соотношение территориальности и суверенитета. На фоне параллельных процессов глобализации и регионализации фронтير всё чаще выступает не как линия разграничения, а как пространство взаимодействия, что отража-

ет трансформацию представлений о суверенитете и независимости [Romeo 2025]. За пределами формально закреплённых границ усиливаются транснациональные и наднациональные практики сотрудничества, что требует пересмотра традиционных представлений о правах верховной власти (*jus imperii*). В этой логике фронтир описывается как подвижное, «текучее» пространство, способное расширяться и сужаться, постепенно сокращая культурные, экономические и политические расстояния. Новые асимметрии в таких зонах связываются с ростом глобальной взаимосвязанности и технополярности, закрепляющей технологическую иерархию. Вследствие этого привычная политическая география государств постепенно уступает место *функциональной* географии сетей, потоков и режимов взаимодействия. В предельном выражении эволюция безграничных отношений может привести к *аполярной* конфигурации международных отношений.

Устойчивость и трансформация физических границ

Особый случай связан с функционированием границы между Марокко и Испанией, разделяющей контрастные пространства в социально-экономическом, культурном и религиозном отношениях. Автономный город Сеута оспаривается Марокко, но межгосударственные отношения описываются как режим «избирательно проницаемой границы». [Catania 2025]. Геополитические и экономические интересы двух стран способствуют сохранению текущего статус-кво асимметричного пограничного режима, сопровождаемого чередующимися кризисами, в ходе которых миграция используется как инструмент для продвижения национальных целей. Испанская сторона усиливает контроль за миграционными потоками, но одновременно сохраняется экономическая заинтересованность в определённых видах миграции. Граница между США и Мексикой аналогичным образом является источником «переплетения национальных идентичностей в обеих странах» [Cossu 2025].

В то же время линия Дюранда, разделяющая Афганистан и Пакистан, демонстрирует, как искусственные решения о границах колониальной эпохи продолжают создавать нестабильность и порождают конфликты между государствами [Pastori 2025]. Афгано-пакистанская граница была установлена в 1893 г. для разграничения британских владений на северо-западе Индии и территорий кабульского эмира Абдур Рахман-хана (1880–1901). Проходя через традиционные районы расселения различных пуштунских племён, она с самого начала является источником острых споров. В результате даже общая заинтересованность в содействии развитию региональной инфраструктуры и связей с международными рынками оказывается недостаточной для гарантии стабильности.

Критические и философские подходы к границам

Граница и фронтир не сводятся лишь к их физическому воплощению. Центральным становится не столько вопрос «где проходит граница», сколько вопрос «какие нарративы делают её легитимной» и «какие формы исключения или включения она запускает».

Деконструкция оппозиции «варварство против цивилизации» на материале миграции позволяет увидеть, как моральные схемы подменяют политический анализ и превращаются в инструмент мобилизации внутри Европейского союза [Mini 2025]. Слабость общеевропейской политики объясняется не дефицитом институтов как таковых, а несовместимостью национальных амбиций, ментальных барьеров и эгоистических интересов некоторых государств-членов. Антиевропейские настроения заложены в самой природе ЕС, примером чего служит выход Великобритании из интеграционного блока. Центробежные тенденции заложены в разных типах несовместимых идентичностей в ЕС. Горизонт будущего здесь мыслится как риск возвращения более жёстких и высоких барьеров, чем те, что Европейский союз стремился преодолеть.

Одновременно границы предлагается мыслить «за горизонтом» как проблему пределов в ситуации, когда сама территория перестаёт быть самодостаточной рамкой политики и безопасности [Lanzara 2025]. Территориальная безопасность представляется неустойчивой, если нет постоянного контроля с целью предотвращения глобальных угроз. При этом территория становится глобальным пространством, лишь поделённым политической властью. Технологическая интеграция и глобализация меняют характер войны: она всё меньше привязана к протяжённым линиям фронта и всё больше разворачивается в пространствах сетей, инфраструктуры, информации и удалённых средств воздействия. Это размывает различие между военными и невоенными действиями, выводит политическое соперничество за пределы национальных юрисдикций и ослабляет классическую функцию границы как «оборонительного контура» суверенного государства

Наконец, различение границы и фронта переводит дискуссию в плоскость идентичности и культурной памяти [Cicerchia 2025]. Фронтир представляет собой символическое пространство истории и самоописания сообщества, тогда как граница — географическая и институциональная зона, которая одновременно разделяет и связывает. Право отстаивать собственное пространство и идентичность делает фронтир не только рубежом исключения, но и местом встречи, обмена и кооперации. Жёсткая фиксация национальной идентичности ведёт к самоизоляции и повышает вероятность этноконфессиональной конфликтности [Cicerchia 2025: 87]. Между тем при нормативном идеале «пространства без границ» фронтиры не исчезают: давление нелегальной миграции и конфликты на периферии Европы показывают устойчивость личных и коллективных различий. Преодоление границы мыслится как интеграция через взаимное обучение и симметричный обмен. Подобная модель позволяет сохранять разнообразие идентичностей без их превращения во враждебные барьеры.

Региональная геополитика и полицентричность

Границы всё чаще функционируют не как фиксированные линии, а как элементы более широких конфигураций влияния, связности и безопасности.

На смену классической картине территориального разграничения приходит логика «стратегической глубины», где инфраструктура, транспортно-логистические коридоры, энергетические и технологические цепочки задают подвижные контуры региональных порядков [Entin, Entina 2025]. Великие и региональные державы конкурируют за расширение *стратегической глубины* как главного ресурса ускоренного социально-экономического развития, обеспечения всеобъемлющей безопасности и проведения экспансионистской внешней политики. В российско-китайском взаимодействии эта логика особенно наглядна. В двусторонних отношениях решающее значение приобретают не столько количественные показатели, сколько надёжность связей, устойчивость каналов обмена и совпадение интересов в отношении переустройства международной среды. Показательно, что стратегическая глубина обнаруживается не только в военном измерении, но и как совокупность взаимосвязанных компонентов³, которые конвертируются в политическое влияние.

Схожая динамика прослеживается в расширенном Средиземноморье, которое всё больше выступает как фронтир между Западом и «глобальным Югом» [Cornetti 2025]. На севере находятся Европейский союз и государства, зависящие от американской модели глобальной гегемонии, на юге расположены страны, стремящиеся стать более значимыми в полицентричном мире. Не случайно одна из войн, угрожающих гегемонизму США, разворачивается на Ближнем Востоке, и главным действующим лицом которой является Израиль — единственная держава в регионе, заинтересованная в сохранении статус-кво. Средиземноморье при этом не сводится к пас-

сивному разделителю консервативных и ревизионистских субъектов, но выступает и стратегическим пространством, которое разные державы используют для достижения собственных интересов. Оно одновременно служит торговым узлом, военным театром и инструментом проекции силы, где ставки задаются борьбой за гегемонию как гарантии выживания.

Трансграничные отношения Ирана и Ирака демонстрируют, как одна и та же граница может быть одновременно каналом взаимозависимости и источником хронической напряжённости [Massalsky 2025]. Протяжённость линии разграничения (более 1600 км), наличие девяти официальных пунктов пересечения границы и близость к религиозным объектам, критически важным для шиитского населения, превращают пограничье в жизненно значимое культурно-религиозное связующее звено и в инфраструктуру экономического сотрудничества. Вместе с тем эта граница остаётся источником напряжённости в том числе из-за территориального спора о водном пути Шатт-эль-Араб, присутствия иранских курдских сепаратистских группировок в Иракском Курдистане и контрабанды. Тем не менее пограничный режим эволюционирует в сторону большей взаимозависимости при сохранении высоких транзакционных издержек безопасности.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе границы и фронтиры выявляются как производные отношений с более могущественными соседями, когда пространственные режимы контроля, символическая политика и вопросы статуса переплетаются с историей и постколониальным наследием. Характерными примерами в этом случае выступают Тибет и Новая Каледония [Valacchi 2025; Angeletti 2025]. Дополнительный слой региональной конкуренции обнаруживается и на уровне дискурса. Анализ выступлений председателя КНР Си Цзиньпина относительно инициативы «Пояс и Путь» [Gennatiempo 2025] позволил выявить геополитическую составля-

³ Транспортной, логистической, энергетической, продовольственной, технологической.

ющую семантических различий в названиях «Азиатско-Тихоокеанский регион» и «Индо-Тихоокеанский регион» как проявление регионального соперничества между Китаем и США.

Переосмысление границ киберпространства и информации

Формирование неогеографии как результат воздействия коммерческих цифровых платформ способствует переосмыслению пространственного представления. Цифровые платформы в картографии применяются в качестве проявления «мягкой силы», следствием которой является воздействие информационных инструментов (карт) на общество и политические элиты. В качестве примера можно привести использование платформенных моделей (платформизации) при оценке миграционных потоков, пандемий и военных конфликтов [Anzera, Massa 2025].

Осуществление кибермировотворчества в информационной среде, в свою очередь, осложняется технической сложностью, правовой неопределённостью и конфликтами на национальном уровне [Gulyamov 2025]. Цифровая среда не является обособленным пространством, поэтому атаки могут осуществляться с использованием её инструментов и инфраструктуры, что создаёт ряд препятствий. Тем самым становится особенно заметной значимость инновационных методов борьбы с киберпреступностью, таких как использование цифровых двойников, квантовое распределение ключей и автономная кибербезопасность. Эти технологии открывают возможности для защиты цифрового пространства и противодействия постоянно меняющимся киберугрозам. Кибердипломатия и совместная кибербезопасность могут стать важными элементами мирового порядка.

Влияние новых морских технологий, таких как системы морского наблюдения, автономные суда и подводная инфраструктура переформатирует морские границы и геополитический фронт в Индо-Тихоокеанском регионе [Mehmood 2025]. Эти технологии расширяют существующие воз-

можности картографирования и оценки ресурсов, позволяя государствам использовать и защищать свои морские границы. Их растущая роль усиливает влияние государств, меняет юридическое толкование морских границ и поднимает вопросы об адекватности существующих международно-правовых режимов. В качестве примеров можно упомянуть территориальные споры в акватории Индийского океана и Южно-Китайского моря. Накопление всё большего объёма информации о неизведанных областях морей и океанов, а также открытие новых океанических экосистем могут иметь глубокие геополитические и экономические последствия

Новые и нетрадиционные границы и фронтиры

Граница всё чаще задаётся технологией, правовой неопределённостью, экологическими ограничениями и символическими конструкциями идентичности. В этом ракурсе и фронт перестает совпадать с географией суши и моря, проявляясь там, где меняются режимы доступа, контроля и легитимации, то есть от околоземного пространства до арктических ресурсных зон и трансграничных экосистем.

Сдвиг к «верхней границе» как к новому типу геополитического порога демонстрирует концепт экзогеографии (орбитальной географии), предложенный Альфонсо Джордано [Giordano 2025]. Экзогеография обосновывается как теоретическая и практическая рамка для интерпретации пространственных, правовых и геополитических преобразований, связанных с выходом человеческой деятельности за пределы Земли. Этот концепт предоставляет важные инструменты для понимания новых пространственных практик, моделей управления и геополитической динамики в околоземном космическом пространстве. «Верхняя граница» представляет собой не метрическую отметку и не нейтральный технический рубеж, а активно оспариваемую зону, в которой сходятся правовые неопределённости, технологические возможности, проблемы безопасно-

сти и коммерческие интересы. Отсюда её статус юридической «серой зоны» и одновременно пространства, где заново ставятся вопросы суверенитета, территориальности и управления. Такой подход воплощает переход от глобальной к планетарной геополитике и представляет инструментарий для анализа стратегий и конфликтов, возникающих непосредственно за пределами атмосферы. Нормативное измерение космического фронта усиливается обращением к идеям папской энциклики *Pacem in Terris* (1963) при разработке правовых и этических принципов использования космического пространства [D'Urso 2025].

Параллельно происходит переоценка устойчивости договоров и границ в земной политике. Объявленные президентом США Дональдом Трампом притязания на Гренландию можно рассматривать как проявление приоритета экономических и геостратегических интересов (часто оформляемых как вопросы национальной безопасности) над нормативными ограничителями [Dordoni 2025]. В результате в международных отношениях заметнее проявляются практики, ставящие под сомнение принципы, традиционно трактуемые как фундаментальные для международного права, такие как территориальный суверенитет и неприкосновенность границ [Dordoni 2025: 116].

Граница может обнаруживаться и за пределами высокой политики как рамка управления общими ресурсами и экосистемами. Экологический кризис Аральского моря выступает разновидностью «пограничного спора» и фрагментированного управления. Административная несогласованность, конкурирующие юрисдикции и отсутствие общей правовой базы способствовали деградации бассейна. Сохранение односторонних стратегий и трудности совместного управления водными ресурсами не только препятствовали восстановлению Аральского моря, но и усилили разногласия между государствами Центральной Азии, подпитывая политическую нестабильность и ограничивая перспективы развития региона [Luongo 2025].

В ещё одном измерении «нетрадиционные границы» проявляются как границы идентичности. Ирредентизм и символические фронтиры могут становиться объектом манипуляции ради стратегической выгоды [De Arruda Zanani 2025]. В качестве примера можно привести морально-этическую тему вовлечения германскими нацистами отдельных кавказских этнических групп в войну против СССР. Сложность мотивов и контекстов нередко редуцировались и нацистами, и союзниками Москвы.

***

Совокупность рассмотренных работ показывает, что границы и фронтиры следует понимать как многомерные и динамичные образования. Они меняются под воздействием социальных, культурных, экономических, природных и научно-технических сдвигов, всё чаще выступая не только как линии разграничения, но и как режимы взаимодействия. Их изучение имеет важное значение для понимания как текущих геополитических трансформаций, так и практик устойчивого развития, где решающую роль играют связность, доступ к ресурсам, инфраструктура и управление рисками.

Итальянская геополитическая традиция развивается на основе современного прочтения классической геополитики и привлечения методологического инструментария социальных и гуманитарных наук, а также цифровых технологий. В исследовательском поле одновременно присутствуют классическая и критическая геополитика, геостратегический анализ, неогеография и экзогография, количественные и цифровые подходы, политико-правовой институционализм, историко-социологические перспективы и нормативно-политические рамки. Геополитические исследования в Италии востребованы обществом и правящей элитой для понимания и выработки национальных политических и военных стратегий.

В анализируемом номере геополитика как исследовательский инструмент позволяет изучать новые пространственные

практики, модели управления и динамику в сухопутном, морском и околосредном пространствах. Появление экзогеографии показывает, что верхняя граница становится самостоятельным объектом политико-правового и стратегического осмысления, а новые пространственные объекты и режимы доступа не укладываются в традиционные географические категории. Перспективным оказывается и концепт стратегической глубины, позволяющий описывать сотрудничество и соперничество

через инфраструктурные, логистические, технологические и ресурсные связи, то есть через те контуры влияния, которые не совпадают с линиями на карте.

Усиливаются тенденции, ставящие под вопрос привычные трактовки территориального суверенитета и неприкосновенности границ. Границы и фронтиры одновременно маркируют право на пространство и выступают местом встречи, регулируемой проницаемости, обмена и трансграничного сотрудничества.

Список литературы

- Шепелев М.А.* Журнал «Геополитика» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 329. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338
- Angeletti F.* Fiamme in Nuova Caledonia: tra revanscismo post coloniale ed interferenze straniere // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 291–305.
- Antonsich M.* La geopolitica italiana nelle riviste “Geopolitica”, “Herodote/Italia (Erodoto)”, “Limes” // *Bollettino Della Società Geografica Italiana*. 1997. Vol. 12. No. 2. P. 411–418. <https://doi.org/10.36253/bsgi-6743>
- Anzera G., Massa A.* Disegnare i confini digitali. Le mappe tra piattaformaizzazione, neogeografia e rappresentazione geopolitica. Drawing Digital Borders: Maps Between Platformization, Neogeography, and Geopolitical Representation // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 7–29.
- Catania A.* Un confine selettivamente permeabile: il caso di Ceuta // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 31–54.
- Chiara I.M.* Il confine e la frontiera nell’Impero Romano e nell’età moderna // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 55–65.
- Cicerchia M.* Tracciati per essere superati: uno spazio senza frontier // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 67–90.
- Cornetti P.* Frontiera Mediterraneo: tra mondo unipolare e multipolare // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 91–105.
- Cossu A.* Geopolitical Implications of the US-Mexico Border // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 387–407.
- De Arruda Zanani L.* The Tragic Alliance: Circassian Irredentism and Third Reich // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 327–355.
- Dordani M.* Il Caso Groenlandia: La “Nuova” Frontiera dell’Artico // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 107–117.
- D’Urso G., Giosafatto G.* Peaceful use of space. Lessons learned from the Encyclical “Pacem in Terris” // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 307–326.
- Entin M.L., Entina E.G.* Potential and reality of strategic depth in relations between Russia and China under modern conditions // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 409–462.
- Gennatiempo M.* Verso quale verso? La sostenibile leggerezza della Belt and Road Initiative // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 357–385.
- Giordano A.* Orbital Thresholds: Exogeography and the Evolving Geopolitics of the High Boundary // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 119–142.
- Gulyamov S.S.* Cyber Peacekeeping in the Context of Global Cybersecurity and Digital Sovereignty: A Philosophical, Legal, and Theoretical Analysis // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 143–175.
- Kelly P.* The Geopolitics of Borders and Frontiers with Examples of Their Relevance to International Relations // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 463–488.
- Komlosy A.* Ordinamenti territoriali e politica delle frontiere in retrospettiva e prospettiva storica // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 489–508.
- Lanzara G.* Limiti, confini, frontiere: il coraggio di spostare oltre l’orizzonte la visuale e la conoscenza // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 509–526.
- Luongo G.* Le contese di confine nella gestione della crisi del Mare d’Aral // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 177–189.

- Massalsky C.* Iran-Iraq Relations: Exploring Cross-Border Dynamics // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 191–227.
- Mehmood Z.H.* The role of emerging maritime technologies in redefining geopolitical frontiers in the Indo-Pacific // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 229–246.
- Mini F.* Confini // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 527–560.
- Pastori G.* La linea Durand: un confine fragile nel cuore dell'Asia // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 247–273.
- Romeo G.* Permeabilità delle frontiere e mobilità dei confine. Storia di una prospettiva multipolare in un mondo post-globale // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 561–591.
- Valacchi F.* Tibet: da “terra delle nevi” a terra di confine. L'evoluzione di un concetto attraverso l'esplorazione geografica e la geopolitica // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 275–290.

GEOPOLITICA ON BORDERS AND FRONTIERS

VALERIY MIKHAYLENKO

Ural Federal University, Yekaterinburg, 620075, Russia

Abstract

An analysis of *Geopolitica*'s publications devoted to borders and frontiers makes it possible to assess the current state of geopolitical research in Italy, its relationship to classical geopolitics and other national schools, as well as the development of new concepts. The issue under consideration shows that contemporary Italian geopolitics builds on updated readings of classical ideas while actively drawing on the methodological toolbox of the social sciences and humanities. The theoretical and methodological repertoire mobilized in these studies spans classical and critical geopolitics, geostrategic analysis, neogeography and exogeography, quantitative and digital methods, politico-legal institutionalism, historical sociology, and normative political theory. The material also highlights the applied dimension of the field: geopolitical analysis remains in demand in debates over national political and military strategy. The traditional geopolitical problematique of borders and frontiers is reinterpreted in light of shifting spatial practices and governance regimes; in particular, digitalization reshapes spatial imaginaries and contributes to the emergence of neogeography as a distinct area of inquiry.

Keywords:

Journal *Geopolitica*; Tiberio Graziani; geopolitics; borders; frontiers

References

- Angeletti F. (2025). Fiamme in Nuova Caledonia: tra revanscismo post coloniale ed interferenze straniere. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 291–305.
- Antonsich M. (1997). La geopolitica italiana nelle riviste “Geopolitica”, “Herodote/Italia (Erodoto), “Limes”. *Bollettino Della Società Geografica Italiana*. Vol. 12. No. 2. P. 411–418. <https://doi.org/10.36253/bsgi-6743>
- Anzera G., Massa A. (2025). Disegnare i confini digitali. Le mappe tra piattaformaformizzazione, neogeografia e rappresentazione geopolitica. Drawing Digital Borders: Maps Between Platformization, Neogeography, and Geopolitical Representation. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 7–29.
- Catania A. (2025). Un confine selettivamente permeabile: il caso di Ceuta. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 31–54.
- Chiara I.M. (2025). Il confine e la frontiera nell'Impero Romano e nell'età moderna. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 55–65.
- Cicerchia M. (2025). Tracciati per essere superati: uno spazio senza frontier. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 67–90.

- Cornetti P. (2025). Frontiera Mediterraneo: tra mondo unipolare e multipolare. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 91–105.
- Cossu A. (2025). Geopolitical Implications of the US-Mexico Border. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 387–407.
- De Arruda Zanani L. (2025). The Tragic Alliance: Circassian Irredentism and Third Reich. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 327–355.
- Dordoni M. (2025). Il Caso Groenlandia: La “Nuova” Frontiera dell’Artico. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 107–117.
- D’Urso G., Giosafatto G. (2025). Peaceful use of space. Lessons learned from the Encyclical “Pacem in Terris”. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 307–326.
- Entin M.L., Entina E.G. (2025). Potential and reality of strategic depth in relations between Russia and China under modern conditions. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 409–462.
- Gennatiempo M. (2025). Verso quale verso? La sostenibile leggerezza della Belt and Road Initiative. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 357–385.
- Giordano A. (2025). Orbital Thresholds: Exogeography and the Evolving Geopolitics of the High Boundary. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 119–142.
- Gulyamov S.S. (2025). Cyber Peacekeeping in the Context of Global Cybersecurity and Digital Sovereignty: A Philosophical, Legal, and Theoretical Analysis. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 143–175.
- Kelly P. (2025). The Geopolitics of Borders and Frontiers with Examples of Their Relevance to International Relations. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 463–488.
- Komlosy A. (2025). Ordinamenti territoriali e politica delle frontiere in retrospettiva e prospettiva storica. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 489–508.
- Lanzara G. (2025). Limiti, confini, frontiere: il coraggio di spostare oltre l’orizzonte la visuale e la conoscenza. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 509–526.
- Luongo G. (2025). Le contese di confine nella gestione della crisi del Mare d’Aral. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 177–189.
- Massalsky C. (2025). Iran-Iraq Relations: Exploring Cross-Border Dynamics. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 191–227.
- Mehmood Z.H. (2025). The role of emerging maritime technologies in redefining geopolitical frontiers in the Indo-Pacific. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 229–246.
- Mini F. (2025). Confini. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 527–560.
- Pastori G. (2025). La linea Durand: un confine fragile nel cuore dell’Asia. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 247–273.
- Romeo G. (2025). Permeabilità delle frontiere e mobilità dei confini. Storia di una prospettiva multipolare in un mondo post-globale. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 561–591.
- Shepelev M.A. (2017). Zhurnal «Geopolitica» i stanovlenie italyanskoj geopoliticheskoj shkoly [The Journal “Geopolitica” and Formation of the Italian Geopolitical School]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 17. No. 2. P. 325–338. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338
- Valacchi F. (2025). Tibet: da “terra delle nevi” a terra di confine. L’evoluzione di un concetto attraverso l’esplorazione geografica e la geopolitica. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 275–290.

Наши авторы

- Боровский Юрий Викторович** – доктор исторических наук, заведующий Кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России
- Варданян Григор** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела арабских исследований Института востоковедения Национальной академии наук Республики Армения
- Геворгян Гор** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела арабских стран Института востоковедения Национальной академии наук Республики Армения
- Михайленко Валерий Иванович** – доктор исторических наук, профессор, профессор Кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета
- Павлов Александр Евгеньевич** – младший научный сотрудник Отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН
- Пашаян Аракс** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Национальной академии наук Республики Армения
- Посаженикова Анастасия Антоновна** – младший научный сотрудник Сектора политических проблем европейской интеграции Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН
- Ройс Дилан Пэйн** – PhD, научный сотрудник Департамента международных отношений Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Our authors

Prof. Dr Yury V. Borovsky – Chair, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, MGIMO University

Dr Gor Gevorgyan – Senior Research Fellow, Department of Arab Countries, Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

Prof. Dr Valeriy I. Mikhaylenko – Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University

Dr Araks Pashayan – Lead Research Fellow, Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

Mr Alexander E. Pavlov – Junior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

Ms Anastasia A. Posazhennikova – Junior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

Dr Dylan Payne Royce – Research Fellow, School of International Affairs, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University

Dr Grigor Vardanyan – Senior Research Fellow, Department of Arab Studies, Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля – только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подготавливаемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы – должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-дних русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).